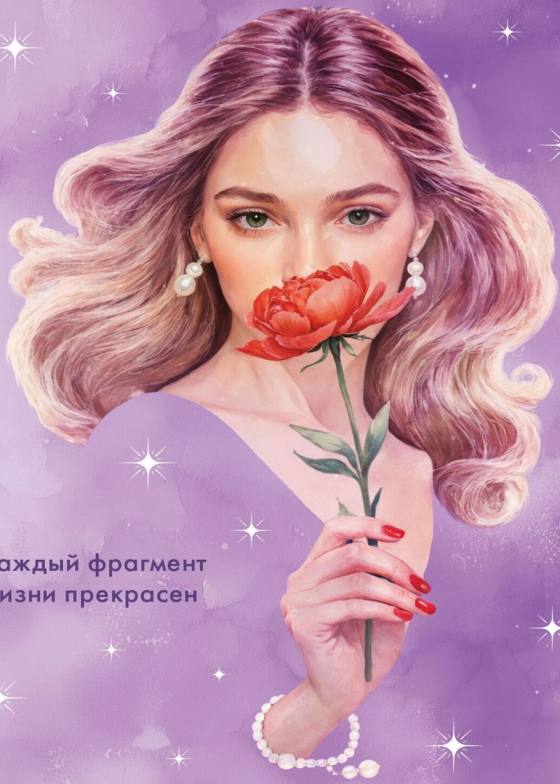
Олег **РОЙ**



Каждый фрагмент
жизни прекрасен

Пазлы судьбы

Пазлы судьбы

Олег Юрьевич Рой

Аннотация
Рой Олег. Пазлы судьбы. Роман
Пролог. Рамка
Фрагмент первый. Мальчик с самолетиком
Фрагмент второй. Очки в толстой оправе
Фрагмент третий. Пара, танцующая танго
Фрагмент четвертый. Черно-белый снимок
Фрагмент пятый. «Тупой рододендрон»
Фрагмент шестой. Незаконченный букет ромашек
Фрагмент седьмой. Старое свадебное фото
Фрагмент восьмой. Мышка
Фрагмент девятый. Фигурка лыжника
Эпилог

Аннотация

Долгожданная новинка от любимого автора – в специальной мистической серии!

Что такое для мужчины 50-летний юбилей? Многие скажут – время спокойно почивать на лаврах, получая дивиденды от многолетних достижений. Ведь все уже, казалось бы, есть: дом построен, дети выросли, карьера сложилась. Да и сам еще, как говорится, о-го-го! Еще и на молодой жениться можно! Так было с героем нового романа Олега Роя «Пазл», Русланом, который уж точно не мог подумать, что в 50 лет жизнь не просто «только начинается», а может даже сделать крутой и неожиданный поворот, нарушив привычный ход вещей.

Судьба заставляет нашего героя остановиться и подумать, подбросив ему загадочную и заманчивую головоломку – пазл, который складывается только тогда, когда признаются ошибки прошлого и находятся силы для решительных действий в настоящем. Ведь как любит повторять Руслан, «ошибка, которую можно исправить, – не ошибка, а только пока

еще не выполненная задача».

Рой Олег
Пазлы судьбы
Роман

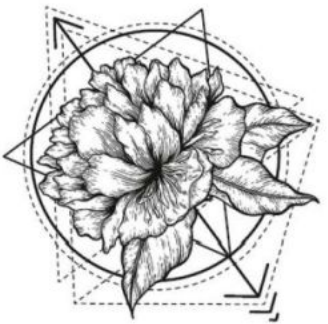
* * *

© О. Рой, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

* * *

Памяти
моего сына Женечки
посвящается

Пролог
Рамка



— Ой, зая, смотри, опять кухонный комбайн! — прыснула Диана, склонившись над горой разноцветных свертков, пакетов и коробок, которые они с мужем только что доволокли в несколько приемов из машины и свалили как попало на журнальный столик в гостиной. — Нам с тобой почти такой же на свадьбу дарили. До сих пор неоткрытый в шкафу лежит.

— Так два же лучше, чем один, нет? — подмигнул Руслан. — Освоишь наконец технику и

будешь кулинарить в обоих сразу.

Диана шутливо подбоченилась:

— Мне теперь из кухни не вылезать, что ли? Еще чего!

— Да я же прикалываюсь, — отмахнулся муж. — Брось. Передарим кому-нибудь.

— Тогда ладно, — согласилась она и, неожиданно широко зевнув, смущенно улыбнулась: — Зая, давай завтра все разберем, а? А то сейчас у меня глаза слипаются. Объелась, натанцевалась… Уста-а-ла, не могу!

— Та же фигня, — в тон ей рассмеялся и он.

Именинник. Да не просто именинник — юбиляр.

Сегодня на празднике их несколько раз назвали молодоженами, молодой семьей и даже однажды — «наши молодые». Формально это действительно было так — поженились они года полтора назад, можно сказать медовый период еще не закончился. И по отношению к жене название было более чем справедливо — Диане, или Диньке, как звал ее супруг, еще даже двадцати восьми не исполнилось. Но вот муж…

— Пятьдесят… — пробормотал Руслан, точно проверяя, как это будет звучать.

Звучало, если быть честным с собой, страшно-

вато. Полтинник. Полтос. Полвека. Ему, Руслану Левашову, стукнуло сегодня… то есть уже вчера, сейчас почти два часа ночи, новые сутки начались… целых пятьдесят лет.

Кошмар!

Или не кошмар?

Ведь старым и даже пожилым он себя совсем не чувствует. И внешне пока еще вполне себе ничего. Во всяком случае, коллеги женского пола, ну и другие женщины тоже, уверяют, что он выглядит намного моложе и вообще очень даже симпатичный.

Казалось бы, есть все основания считать себя баловнем судьбы. У него красивая молодая жена, престижная, любимая и хорошо оплачиваемая работа, отличный уютный дом — трехэтажная квартира в таунхаусе в элитном коттеджном поселке ближнего Подмосковья… Точнее, теперь уже Новой Москвы. Он здоров, тьфу-тьфу, никаких хронических болячек и старческих недомоганий — нигде не скрипит, не барахлит, в постели все ровно и без осечек. Проседь только-только начала появляться, но в русых волосах почти не видна. Морщинки едва заметны, ни пуза, ни жира на боках нет — спасибо умеренности в еде и спортивному типу фигуры. Танцевальное

прошлое, опять же. На юбилее попросили исполнить румбу с коллегой Ксюшкой — без проблем! И румба сорвала овации, Мыша, то есть Маша, дочка от первого брака, прелестная егоза неполных пятнадцати лет, все ладошки отхлопала.

Бывшая жена и сын не пришли. Правда, Ольга позвонила, сдержанно и официально поздравила, а Егор не проявился вовсе, даже сообщения не прислал ни в мессенджеры, ни в соцсети. С момента развода общение между ними прекратилось. Отец для Егора «предатель», бросил семью. Пусть и не ради Дианы, это случилось много раньше. Ну что ж… В жизни, увы, бывает и такое. Главное, они все здоровы и благополучны. С остальным со временем разберемся. Наверное…

Иногда собственная жизнь напоминала Руслану какую-то головоломку, странный пазл. И так было с самой юности. Вот вроде все отлично складывается — а все равно вечно такое чувство, что чего-то не хватает, и приходится мучительно искать недостающий кусочек, необходимый элемент. Но как ни передвинь, ни перетасуй, все время цельной картинки не получается, все какая-то червоточина гложет, маета какая-то. Почему так?..

Он постоянно задавал себе вопрос: а иначе

вообще бывает? Ведь живут же как-то люди — и ничего, не мучаются. Не обязательно у них все пути бархатными коврами выстелены или небо в алмазах — нет. А именно не маются, живут просто. А у него все как-то не так — не строится, не складывается…

— Пойдем уже спать, зая, — Диана подергала его за рукав. Она и правда выглядела совсем сонной, вялой и то и дело зевала.

— Идем, — не стал спорить Руслан. — Только, чур, по дороге не усни!

— А если усну? Донесешь на руках?

— Заявочки… Если только за ноги тогда. Голова по ступенькам — бум, бум, бум!

— Ах, так?! Тогда комбайны свои кухонные точно можешь выбросить. Оба! Я к ним и близко не подойду!

Пересмеиваясь и подтрунивая друг над другом, они поднялись на второй этаж и, едва раздевшись и пошвыряв одежду как попало на кресла, повалились на кровать. На ласки сегодня сил уже не хватило у обоих, хотя порой они и бывали ненасытными.

Какая же все-таки красота его квартира и все, что в ней находится. Большущая кровать, всегда свежее белье (приходящая помощница, Вален-

тина Павловна, обо всем заботилась, да и брала недорого), дом у леса. Птицы…

Под их пение Руслан и проснулся. Думал, часов девять, а было еще только начало восьмого. Но, к своему удивлению, он отлично выспался.

Жена еще посапывала. Ну, пусть спит. Он в очередной раз полюбовался ею, порадовался, какая же Динька у него красивая. И как же все-таки похожа на Олю… Ладно, нечего об этом думать, лучше пойти вниз сварить себе кофе.

Выйдя из спальни, такой белой и сверкающей чистотой, словно операционная, Руслан спустился на первый этаж, попутно отмечая недавние изменения в интерьере дома, к которым еще не до конца привык. Переехав к нему, Диана активно принялась обустраиваться по собственному усмотрению и не успокоилась, пока каждый уголок их трехэтажного семейного гнезда не стал выглядеть как картинка из глянцевого журнала. Скандинавский стиль, натуральные материалы, все вроде бы просто и лаконично — но даже мелочи вроде пледа, брошенного на спинку дивана, выглядят так, будто их специально уложили и «небрежно» задрапировали складками для фотографии. Смотрелось это красиво — вкус у Диньки, дипломированного флориста, безуслов-

но, имелся, даже несмотря на «провинциальное происхождение». И москвичка Оля в этом отношении ей явно уступала — обстановка прежнего семейного дома Руслана уж точно никогда не стала бы пособием на курсах дизайна интерьера. Но все же Рус иногда ловил себя на том, что скучает по беспорядку и непритязательности той, прежней, квартиры на Волгоградке, где жил раньше с Олей и детьми.

Выбрав из богатого ассортимента капсул кофе со вкусом ирландского крема, он запустил кофемашину, а чуть позже с кружкой в руках прошел в гостиную и, с удовольствием прихлебывая, принялся неспешно разбирать подарки. Начал с поздравительных конвертов — везде не только открытки, но и деньги, пятитысячные купюры. Это неплохо — наличка до сих пор иногда нет-нет да пригождается. Ну-ка, а что у нас в коробках?

О, Динька обрадуется. В одном из ярких пакетов обнаружился массажер для лица со всяческими насадками неизвестного свойства. Диана обожала все эти «женские штучки». А вот Оля была к ним совершенно равнодушна… Интересно, что имела в виду финдиректор, даря мужчине на полтинник такой девайс? А, понятно, тут еще в комплекте коробочка с триммером для бороды.

Значит, подарок семейный, отлично. Бороду, что ли, отрастить?.. Надо попробовать, сейчас это модно.

Планшет-трансформер. Это тоже от коллег. Ага, с симкой и клавиатурой. Надо тоже Диньке отдать, а то сколько ей можно с тяжелым ноутом таскаться…

Большие беспроводные наушники. Это он уж однозначно заберет себе: давно собирался купить, да как-то все руки не доходили. Музыку Рус любил с детства и, пока жил один, постоянно слушал ее через колонки, разбросанные по всему дому. Но Динька от его любимых записей каждый раз морщила носик, и он перестал включать то, что ему нравилось, а слушать, сидя у компа или музыкального центра в наушниках с проводом, было как-то неудобно, да и некогда. Зато теперь он будет расхаживать в новых наушниках по всему дому и наслаждаться.

Набор бокалов. Бокалов у них уже и так навалом… Ладно, пусть будут — красивые.

Гейзерная кофеварка. Хорошая штука, но у них уже есть кофемашина.

Набор китайских элитных чаев — вот это годнота. Руслан любил хороший китайский чай, и коллеги это знали.

Крутой зонт известной фирмы. Аксессуары для мангала. И то и другое пригодится. А это что такое тяжелое? Ах, да, горшок для углей. Тоже хорошо, выглядит стильно, нужно поставить около барбекюшницы… Специи. Целый набор разнообразных отменных специй с самого что ни на есть эмиратского базара. И баночки-бутылочки с соусами. Царский подарок. Ух ты, какие запахи… Вадим, их ведущий аналитик, недавно отдыхал где-то в Азии и привез не стандартную коробку из магазина для туристов, а специально на рынке подбирал, свеженькие, душистые. Знал, что начальник отдела готовить любит и что у него юбилей скоро. Здорово, когда подчиненные хорошо к тебе относятся, уважают. Конечно, такие вещи с неба не валятся: чтобы заслужить авторитет, Русу пришлось потрудиться. Зато его отдел работает как часы. Пусть Руслан не самый добренький в мире начальник и сильно расслабляться своим ребятам не дает, но зато их команда у руководства фирмы на хорошем счету — а это многое значит.

Так, а это что? Сверток в обычном крафте, перевязанный бечевкой, никаких открыток и надписей. Судя по формату — книга. Книги Руслан тоже любил, причем бумажные, как он называл

— «настоящие».

Он развернул упаковку, но увидел вовсе не книгу, а коробку — самую что ни на есть простую, из сероватого картона. Такие часто встречались во времена его советского детства, потом пропали, а теперь вновь вернулись благодаря моде на перерабатываемую упаковку, вторичное использование и прочую экологичность. На коробке тоже не было каких-либо надписей или картинок. Руслан открыл ее и обнаружил внутри разноцветные кусочки картона неправильной формы. Да это же пазл! На первый взгляд деталей вроде бы не так много — сотня, может, две. Собрать, что ли, по-быстрому?.. Только где? Столик в гостиной весь еще завален неразобранными подарками, открытками, повсюду вазы с наспех засунутыми туда букетами… Воду-то хоть налили? Налили. Ладно, с цветами пусть потом Динька разбирается, это ее стихия. А он займется пазлом. Делать пока все равно нечего, а головоломки он всегда любил.

С коробкой в руках Руслан поднялся на третий этаж — там одна из комнат была отведена под его кабинет, которым он, впрочем, пользовался довольно редко: зачем, когда с ноутбуком прекрасно можно устроиться хоть в гостиной у горящего

камина, хоть на веранде? Усевшись в кресло, Рус еще раз внимательно осмотрел девственно чистую упаковку и озадаченно хмыкнул:

— «Ноунейм» чистой воды.

В самом деле — ни названия фирмы-производителя, ни страны, ни каких-то еще опознавательных надписей. Странно, что ни на обложке, ни внутри нет даже образца картинки, которая в итоге должна получиться. Потерялась, что ли? И как прикажете без нее складывать пазл, когда даже не знаешь, что именно надо собирать? Как в сказке: «поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Впрочем, так даже интереснее. Потому что сложнее, а ему нравятся трудные задачи.

Ну что, приступим?

Руслан высыпал кусочки картона на письменный стол, на котором у него всегда был порядок и ничего лишнего, и попытался сложить наугад хотя бы фрагмент картинки.

Ничего не получилось.

Странно.

Ни одна деталь не подходила к другой.

Но так ведь не может быть?

«Не может», — ответил сам себе и снова взялся за дело.

Чем-то этот пазл зацепил, вызвал какое-то смутное, до конца неясное чувство досады и одновременно азарта. Будто ему, Руслану, бросили вызов, поставили его в трудные условия, чтобы понаблюдать, справится ли он. И он решил доказать, что справится. Что есть еще порох в пороховницах… И все остальное тоже есть.

Так. Что это у нас? Кусок окна? Подоконник? А почему тогда рама не подходит, словно это другое окно? Их несколько, что ли? Ну вот же кусочек блика на стекле — а еще-то где? С чем его стыковать, кусочек этот?.. Ладно, зайдем с другой стороны. Чье-то ухо, часть шеи. Даже непонятно, мужской или женской. Руслан поискал подбородок, нос или глаза. Ни того, ни другого, ни третьего.

— Да что ж за чертовщина!

Самым странным было то, что, в отличие от других пазлов, в этом не предполагалась рамка. Обычно в таких головоломках всегда есть детали с одной прямой стороной, из которых складываются верх и низ, право и лево. Каждый, кто хоть раз в жизни имел дело с пазлами, знает, что проще всего начинать с рамки. Но тут не было ни единого кусочка с ровной стороной. Рус перебрал все детали, но не обнаружил ни одной, подходя-

щей для рамки.

Видимо, ему подарили бракованную вещь. Некомплект.

Может, тогда просто выбросить?

Ну нет, Руслан так легко сдаваться не привык! Иначе не был бы таким крутым профи и не руководил бы отделом. Здесь, понятное дело, совсем иное, но… ведь бывают же головоломки, где пока одно не сложишь, другое ни за что не сойдется? Ну вот, а пазл — головоломка и есть. Поломать голову — и получится. Не может не получиться!

Дверь в кабинет приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулось свежеумытое личико Дианы.

— А я тебя ищу-ищу! — воскликнула она. — Думала, ты во дворе что-то затеял с мясом.

— И тебе доброе утро, — улыбнулся Руслан. — С мясом, говоришь?

Он почувствовал, как засосало в животе. Сколько времени, интересно? Ничего себе, четверть одиннадцатого! Это он с полвосьмого утра так завис с подарками, точнее с пазлом? А есть-то и вправду хочется…

— Что это у тебя, зая? — заинтересовалась Динька.

Вошла, поворошила картонки и выудила ку-

сочек с изображением фрагмента ярко-розового цветка.

— Азалия садовая, японская, — авторитетно и деловито произнесла она и фыркнула: — А знаешь, как она еще называется? Рододендрон тупой!

— Отличное ругательство для недалеких сотрудников, возьму на заметку, — усмехнулся Рус. — Как звучит, а? «Ах ты, тупой рододендрон! Без премиальных оставлю!» А почему тупой-то?

Диана пожала плечами:

— Не знаю… Видимо, так с латыни переводится…

Она склонилась над столом, пытаясь собрать недостающие части рододендрона:

— Такое впечатление, что тут не все кусочки. Что не хватает…

— Вот-вот, — поддакнул муж. — Мне тоже так показалось.

— По ходу, неликвид какой-то, — наморщила лоб Диана. — И охота тебе возиться с этой хренью?! Давай я ее выкину на фиг, да и дело с концом.

И ухватила было коробку.

— Я тебе выкину, — сердито возразил Руслан. — Я так к задачам подходить не привык. Не трогай!

Его тон остановил молодую женщину.

— Да ладно, чего ты, зая, — смущенно пробормотала она и погладила мужа по плечу.

— Это я голодный просто, — примирительно объяснил он. — Вот и злой. Оставь пазл, я сам потом найду, в чем там соль. Давай поедим что-нибудь.

— Сейчас, — засуетилась она, бросила коробку обратно на стол и заторопилась на кухню.

Увы, готовила Диана из рук вон плохо, не то что Ольга. Поэтому питались они в основном в ресторанах или заказывали еду на дом. А для таких случаев, как сейчас, в холодильнике и морозилке всегда были припасены какие-то полуфабрикаты. На этот раз Диана выудила пачку готовых сырников и разогрела в микроволновке.

«Не забыть посмотреть упаковку, чтобы больше эту фирму не покупать, — думал Рус, лениво пережевывая кусочек резинового безвкусного сырника, политого натуральным кленовым сиропом. — Фу, гадость какая… Надо в самом деле стейки пожарить. А то зря, что ли, такой шикарный набор специй Вадик подарил…»

И действительно вскоре после завтрака принялся за отбивные на гриле, которые у него всегда получались отменно нежными благодаря мари-

наду по собственному авторскому рецепту. А тут еще и новые вкусы появились, можно порезвиться в свое удовольствие. Покуда Рус занимался маринадом и жарил мясо, Диана красиво порезала и разложила салат, помидоры, огурцы и даже не поленилась сварить картошку.

— В воду положи чеснока, стебли петрушки и укроп, — напомнил муж. — Картошка будет ароматнее…

Завтрак плавно перетек в обед, потом обоих слегка сморило. Почему бы в воскресенье не побездельничать от души? Диана пошла валяться с журналом на садовом диване-качелях, а Руслан вернулся в кабинет к пазлу, основательно уселся и начал перебирать буквально каждый кусочек подобно тому, как старатель перебирает песок в надежде, что блеснет хоть крупинка золота.

— Ну не может же быть, чтобы хоть что-то не совпало, — бормотал он. — Так… А что это тут у нас?!

Он чувствовал себя рыбаком, упрямо перебрасывающим наживку то в одно место, то в другое. И ведь клюнуло! Вдруг выяснилось, что, казалось бы, вообще никак не стыкуемые между собой части тем не менее образовали подобие чего-то цельного. Кисть руки. Ага, сюда. Клетчатая ру-

башка… белобрысый вихор… да вот же лицо! Как же он раньше не видел, слепой, что ли, был?!

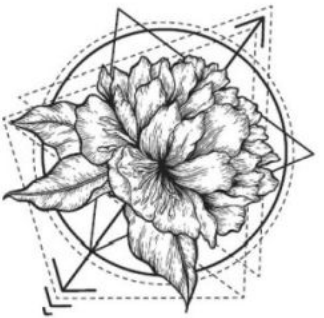
И вот сложилось мальчишеское лицо, круглое, румяное, открытое, с широкой улыбкой. Лицо, казавшееся на удивление знакомым.

Кого же этот пацан так напоминает?

Блин! Да это же…

— Володька! — поневоле вырвалось вслух у Руслана.

Фрагмент первый
Мальчик с самолетиком



— Что за Володька? — весело поинтересовалась Диана, заглядывая в кабинет. — Пойдем на веранду чай пить с макароньками. Чайник вскипел, а одной мне скучно.

Рус хотел возмутиться: какой чай, только что ж отобедали! Но оказалось, что прошло уже два с лишним часа — надо же, как его затянула эта головоломка!

— Взгляни сначала! — торжествующе указал он на сложившийся фрагмент. — И я не картинкой

хвастаюсь. Подтвердился мой принцип — не сдаваться и доводить дело до конца. Вот и результат налицо, убедись.

Диана подошла и не могла не признать, что часть картинки действительно сложилась: светловолосый мальчик в голубой клетчатой рубашке держит модель самолетика, глядя куда-то вдаль, и улыбается. Соцреализм, тема: «Счастливое детство»… Впрочем, Диана могла и не знать, что такое соцреализм, — сказывались молодость и недостаток образования.

— У меня друг в детстве был, Володя Вележев, — пояснил довольный Руслан. — В том же дворе жил, в соседнем доме. Мы с ним постоянно то кораблики запускали, то модельки самолетиков делали. Он увлекался в детстве самолетами, даже в кружок авиамоделирования ходил. Но не в самолетиках дело… Пусть мы маленькими совсем были, но дружба была настоящая, понимаешь?

— Понимаю, — закивала Динька. — Мы с девчонками в детстве тоже так зажигали…

«Зажигали… — с грустью повторил про себя Руслан. — Зажигать, милая моя, это одно, а дружба — совсем, совсем другое… Сомневаюсь, что девчонки понимают, что такое настоящая дружба».

И Руслан вдруг задумался. А ведь, получается, у него во взрослой жизни такого друга-то больше и не было. До полтинника дожил, называется. А друзей нет. Ну, то есть как — нет… Есть приятели. Есть неплохие отношения на работе с коллегами. Дружеские вполне. Обедать ходят вместе, смеются там, прикалываются, делятся мемами и собственными забавными историями. Политику обсуждают, спорят — серьезно, бывает, спорят… Или вспомнить хотя бы дни ковидной изоляции, когда все по домам сидели, так списывались и перезванивались постоянно, несколько раз в день. Правда, в основном по работе, опять же.

Но Володька — это был ДРУГ. Настоящий. А сейчас, получается, настоящего друга у Руслана нет, как ни крути…

Динька меж тем перебирала кусочки пазла, пробовала сложить еще что-то — снова те же самые азалии.

— Нет, ничего не получается! — возмущалась она. — Зая, по ходу, тебе все же бракованную игру подсунули.

— Не бракованную, а с заковыркой, — назидательно заметил Рус. — А я упорный. Так что слушайся мужа!

— Слушаю и повинуюсь, мой господин! —

сложив руки лодочкой перед пышной грудью, шутливо поклонилась Диана, но не преминула поддеть: — Но что-то тут тебе и твое упорство не очень помогает. Всего несколько деталек-то и собрал.

— Так еще только начал, — тут же парировал Руслан. — Соберу, не беспокойся. А пока пошли чай пить, цветок души моей.

И он шутливо шлепнул жену по аппетитной филейной части.

— Опять дразнишься?!

— Не опять, а снова!

Диана игриво замахнулась коробкой от пазла, сделала вид, что хочет ударить, но Руслан не дал, решительно притянул жену к себе.

До чая дело не дошло. То есть дошло, но много позже. Но весь день и вечер, до тех пор, пока не уснул, Рус то и дело снова и снова возвращался к воспоминаниям о друге детства.

«Наверное, дружба — это как любовь, только без сексуальной подоплеки», — внезапно пришла в голову мысль, и Рус сам ей удивился. Но ведь правда! Друг в детстве занимал все его мысли, чувства, присутствовал в каждой мечте. Каждая встреча с ним ощущалась как подарок судьбы.

Вдруг так ясно вспомнились все те ощущения.

Володьку Руслан именно любил. Конечно, с другими мальчишками тоже и играл, и общался, но ни с кем из них не было так тепло, легко и радостно на душе. Никто не казался таким классным, ни к кому Рус не был так привязан, ни с кем так не тянуло провести время или поделиться чем-то важным, в чем откроешься далеко не каждому. Взять хотя бы те же бальные танцы. Другим приятелям Руслан долго стеснялся признаться, что занимается ими, боялся, что засмеют. Это ведь не борьба, не бокс и даже не авиамоделирование или что-то еще такое же мальчишеское. Но Володька сразу все понял, не дразнился за «девчоночье» увлечение, наоборот — постоянно интересовался, как дела в студии, ходил на все выступления, искренне радовался успехам и сочувствовал неудачам Руса, если они случались.

Словом, Руслан тогда всем сердцем, всей своей детской душой был привязан к Володе. И Володька относился к нему точно так же, Руслан это тоже чувствовал, знал. Когда друг влюбился в одноклассницу Вику Зайцеву, то рассказал об этом только одному человеку на свете — Русу. И они тайком, чтобы никто не слышал, говорили о Вике, вместе фантазировали, как Володька спасает ее от хулиганов или во время пожара в школе…

Как же крепко они дружили! Были просто не разлей вода. Жили в домах по соседству, играли в одном дворе и в детский сад один ходили — в столовку только за руку, да и в младших классах тоже. В школе сидели за одной партой до самого Володиного отъезда, не ссорились почти никогда. Мечтали, что и дальше, после школы, пойдут учиться вместе, станут летчиками, космонавтами или, например, капитанами дальнего плавания.

В общем, были как родные.

Они даже называли друг друга «брат» или «братишка». Услышали в каком-то кино — в каком, сейчас уже не вспомнишь — и переняли. Особенно здорово это звучало в играх в войнушку. Не важно, кто на них с другом нападал — пираты, фашисты или белогвардейцы. Но кто-то из двоих друзей всегда бывал ранен или под сильным шквальным огнем, а другой его спасал: «Брат, я иду на помощь!», «Братишка, тебя зацепило! Сейчас перевяжу!», «Слева, брат, они слева! Беги, я прикрою! Вызываю огонь на себя!».

А как им нравилось обсуждать книги или играть в них! Рус рано, одним из первых в детсадовской группе, выучился читать, и это его невероятно увлекло. Как же он обрадовался, когда узнал, что им с Володей нравятся одинаковые

книги! Один «Недопесок» чего стоил. Руслан, как, наверное, большинство детей его возраста, в детстве мечтал о домашнем питомце, но мама была против. Когда впервые зашел об этом разговор, она отказала наотрез, что было удивительно — обычно Рус всегда получал то, что хотел, ну в пределах разумного, конечно. А тут мама спросила:

— Зачем тебе собака, сынок?

— Ну… — замялся Рус (ему на тот момент было, наверное, лет шесть, а может, и меньше). — Я бы играл с ним… Любил его…

— Любить надо людей, Руська, — сказала на это Галина Николаевна. — А с собакой хлопот не оберешься. Гулять каждый день — утром и вечером, в любую погоду, — кормить, прививки делать… Шерсть будет по всей квартире, убирать придется постоянно. Нет у меня на это ни времени, ни сил. Так что никаких собак.

Конечно, Руслан тогда сильно огорчился. Еле сдержался, чтобы не заплакать, страшно обиделся на маму и больше на тему домашних животных не заикался. Лишь потом, спустя много лет, понял, что сам себе навредил этой обидой. Конечно, в том возрасте, когда он еще в школу не ходил, он был не в состоянии сам ухаживать за питомцем,

и все заботы легли бы на маму, которой и так доставалось — она растила его одна, отец ушел из семьи, когда Рус был маленьким. Но, став постарше, Руслан, возможно, и уговорил бы ее завести если не собаку, то кого-то попроще в уходе, — если бы заверил, что будет заниматься питомцем сам и сдержал бы свое обещание. Ведь мама так сильно любила его и очень во многом шла ему навстречу. Но он предпочел вместо этого всю жизнь молча обижаться на маму и страдать из-за того, что ему не дали исполнить мечту. И все щенки, котята, попугаи, хомячки и морские свинки жили только в его фантазиях. А когда они с другом прочитали «Недопеска», то заболели идеей песцовой фермы, даже попытались уговорить взрослых ее завести. Сейчас, конечно, и вспомнить смешно — ну какая песцовая ферма в Бескудниково! Но тогда они, девятилетние мальчишки, искренне считали, что это возможно, планы строили, даже аргументы какие-то приводили. Говорили об этом исключительно с Володиными родителями, и те вняли их просьбам. Песцовая ферма, разумеется, во дворе не появилась, но зато в Володиной квартире поселился пушистый черный котенок, выросший в роскошного вальяжного кота Баса, или Басаврюка. Звали его так, потому

что он не мяукал, а голосил басом: «Ба-ау!» Имя кота Руслана тогда очень веселило. Он иногда просто для удовольствия повторял его на разные лады — «Басаврюк!» — и смеялся. Правда, когда позже прочитал Гоголя, имя больше не казалось смешным. Но тогда в этом коте восхищало все, и не только кличка. Казалось забавным и важное выражение его морды, и то, с какой важностью и достоинством кошак не ходил даже, а носил свое пушистое тело, словно это была величайшая в мире ценность. Кот был породистый, дорогой, и, узнав, сколько он стоил, Галина Николаевна фыркнула: «Деньги на ветер».

С годами Руслан осознал, насколько по-разному относились к деньгам в его семье и в семье Володи. Вележевы, как он сейчас понимал, зарабатывали прилично: родители были научными сотрудниками — отец доктор наук, мама кандидат, да и бабушка получала большую пенсию. Так что, даже имея трех детей, семья не считала копейки, и в ней многое могли себе позволить: шоколадные конфеты для детей, фрукты и овощи с рынка, кафе-мороженое и просто семейные обеды в кафе, а порой — по праздникам — и в ресторане. И книги, множество книг — в доме Вележевых все стены были увешаны битком

набитыми книжными полками. Книги берегли и доставали их всеми возможными способами — по подписке, в букинистических, через знакомых. Все Вележевы постоянно что-то читали, да и не только читали, вообще жили интересно. Редкий месяц семья не выбиралась в театр, на концерт, в музей или на какую-нибудь автобусную экскурсию, куда по возможности брали с собой и Руса. При этом к вещам Вележевы были абсолютно равнодушны, а одевались в то, что без проблем можно было купить в магазине.

У Руслана же дома все было наоборот. Его мама всю жизнь делала карьеру, была каким-то руководителем в ЖЭКе, сначала мелким, потом покрупнее и в итоге доросла до начальника. И, несмотря на отсутствие в семье отца, материально они с мамой тоже жили очень неплохо. Не то чтобы мамина зарплата была огромной, но источником доходов был не столько ее оклад, сколько многочисленные халтуры и приработки, порой, как догадывался Руслан, сомнительные с точки зрения тогдашних законов. И все это тратилось на вещи. Жизненным девизом мамы было «чтоб не хуже, чем у людей». Благодаря многочисленным знакомствам в нужных сферах мама постоянно «доставала», как тогда называлось, то то, то это

— вещи, которые сейчас стали обыденностью, но тогда были жутким дефицитом и предметом гордости таких людей, как Галина Николаевна. Всю стену в маминой комнате занимала неудобная, но крайне престижная «стенка», полы в обеих комнатах закрывали ковры, в серванте красовались разнокалиберный хрусталь и сервиз «Мадонна», а под кружевной салфеткой прятался цветной телевизор. Одежду, особенно сыну, мама тоже покупала почти сплошь у спекулянтов, а позже, когда пал железный занавес, — в дорогих магазинах. «Пусть все видят, какой у меня красивый сынок, — говорила она, любуясь им в очередной обновке. — Как куколка!» Рус отмалчивался, сдерживался, чтобы не ляпнуть лишнего, — ему, шестилетнему мальчишке, совсем не хотелось быть «куколкой». Лучше бы мама покупала ему самые обычные штаны, в которых можно было бы без опаски лазить повсюду, а не фирменные джинсы, которые он вечно боялся порвать или испачкать и оттого всегда чувствовал себя напряженно. Правда, позже, в подростковом возрасте, когда одежда становится предметом гордости, Рус несколько изменил свое мнение. Способствовали этому и занятия бальными танцами, где красивый и удобный костюм для выступлений

тоже играет не последнюю роль. Однако вынесенная из детства напряженность сохранялась еще очень долго.

Карманных денег мама ему не давала. «Ни к чему они ребенку, — говорила Галина Николаевна, — все, что нужно, я сама куплю». Но на мороженое Русу иногда перепадало, и в четвертом классе он с сентября начал копить «мороженые» деньги, отказываясь от любимого лакомства, чтобы собрать нужную сумму на новогодний подарок другу. Знал, что Володя мечтает о наборе солдатиков — участников Отечественной войны 1812 года. И накопить удалось, даже с избытком. Как же радовался Володя! Тут же вскрыл упаковку и расставил солдатиков на полу прямо под сверкающей гирляндой елкой. Они вдвоем начали разыгрывать Бородинское сражение и не могли оторваться от игры до самой темноты, и никто им при этом не мешал.

У Володьки были еще две младшие сестрички-близняшки, Тата и Натата, то бишь Татьяна и Наталья. Рус даже помнил, как те родились, им с другом тогда было года по четыре. Володя ласково называл сестер «мелочь пузатая» и очень любил. Злился, конечно, порой, когда они разрисовывали его дневник или ломали любимые

авиамодельки, но все равно любил. Руслан приходил в гости к Вележевым, и они играли все вместе. То «обедали» с куклами, то затевали прятки или жмурки. Но чаще всего «мелочь пузатая» просто облепляла старших мальчишек и висела на них, а те хохотали. Потом в комнату заходила бабушка Володи и забирала девчонок: «Не мешайте-ка двум капитанам, пошли кашу варить». А потом с работы возвращались родители Володи — Руслан вспомнил, что у его друга были очень добрые и веселые родители.

Вспомнил он и неизменные чаепития с разными вкусными пирогами и печеньем, которые пекли бабушка Володи и тетя Света, Володина мама. Мама Руслана никогда ничего не пекла, говорила, что мучное и сладкое вредно. Рус помнил даже чашки у Володи дома — темно-синие, с тонким золотым ободком и золотыми колосьями. Он запомнил, что они назывались «кобальт» — для его слуха название звучало сказочно. И хотя выглядели эти чашки по-настоящему празднично, Володины родители пользовались ими каждый день.

— Это же посуда, — говорили они. — Из нее надо есть и пить чай.

А мама Руслана почти никогда не доставала

из серванта парадную посуду. Сами они пили чай из старых щербатых кружек, а когда к ним кто-то приходил, ставила на стол чашки «поприличнее» — белые, в мелких розочках. А сервиз «Мадонна» «на шесть персон» так и томился за стеклом. Видимо, «персоны» никогда к ним в гости не наведывались.

Сейчас, с высоты прожитых лет, Руслан уже мог разобраться, почему ему так нравилась Володина семья: потому что дети чувствовали себя в ней свободно. Сам Руслан ничего подобного у себя дома не ощущал. Он знал, что мама его любит, и даже очень, — но эта любовь была какой-то чрезмерной, сковывающей, а порой и вовсе как будто удушающей. Постоянно было такое чувство, что, где бы он ни был, мама все время наблюдает за ним. Работая в ЖЭКе, она не сидела на одном месте, а постоянно ходила по их микрорайону «на объекты» и, пользуясь этим, то и дело заглядывала к сыну в детский сад, а затем в школу. В обед она каждый день приходила домой, чтобы накормить Руслана, а когда он подрос — проследить, хорошо ли он поел. Все десять учебных лет мама была председателем родительского комитета, знала всех учителей, контролировала, как сын учится, с кем общается, с кем дружит, и как огня

боялась, что он «попадет в плохую компанию». На работе, как знал сын, мама была строгим, авторитарным руководителем, подчиненных держала в ежовых рукавицах. Дома вроде бы все было иначе: Руса практически не наказывали, мама почти всегда была с ним ласкова, — но все равно сын не понаслышке знал, что означают слова «у Галины Николаевны не забалуешь».

В итоге все детство Рус ощущал себя как Штирлиц — вечно «под колпаком». А еще все время чувствовал себя обязанным. Он боялся разочаровать маму, оказавшись не таким хорошим, каким она хотела его видеть, боялся огорчить, потому что та могла расстроиться из-за любого пустяка — особенно если этот пустяк был как-то связан с сыном. Ей необходимо было постоянно получать подтверждения его ответной любви, заверения, что лучше ее нет никого на свете и он всегда-всегда будет с ней рядом и никогда ни на кого ее не променяет. «Мы с тобой всегда будем вдвоем, и нам никто больше не нужен», — часто говорила ему мама.

Володю и его семью мама отчего-то не любила. Из-за этого маленький Руслан тоже очень переживал. Как-то раз он пригласил друга к себе — и сильно пожалел об этом. Мама пришла с работы,

наверное, очень усталая и голодная. Чем еще объяснить то, что, увидев мальчиков, которые строили брустверы из перевернутых стульев, она закричала практически с порога:

— Да что же это такое, нигде покоя нету! Я в собственном доме могу отдохнуть или нет?!

Руслан испугался и растерялся. Они же ничего такого не делали, почти не шумели, ничего не сломали. Ну взяли два плюшевых покрывала, зеленое с маминого дивана — оно изображало травяной покров перед окопом — и коричневое с его тахты — оно символизировало саму насыпь. На взгляд Руслана, очень красиво получилось и на настоящее похоже. Но мама была насчет этого другого мнения.

— С ума сошли, на пол покрывала ложите! — закричала она, обращаясь почему-то больше к Володе, чем к сыну. — Все в пыли вываляли! А их ведь руками не постираешь, придется в чистку отдавать!

— Я домой, ладно? — шепнул Русу Володя и, наскоро собравшись, быстро ушел.

Руслана расстроило не то, что мама раскричалась — такое иногда бывало. Он боялся, что Володя больше не захочет с ним дружить… Как же он обрадовался, когда на следующий же день

друг подбежал к нему во дворе:

— Рус, пошли к нам чай пить! Мама тебя позвала. Она пирог испекла по рецепту из календаря, «Гусиные лапки» называется.

Руслан от радости дар речи потерял. Как же здорово, что они дружат! И что Володя не обиделся…

Один раз, Русу было тогда лет шесть, он случайно разбил в гостях у Володи ту самую шикарную кобальтовую чашку. Как же он испугался! Его собственная мама, если он случайно разбивал или ломал что-то дома, всегда страшно огорчалась. Иногда даже плакала и всегда долго отчитывала сына, втолковывая ему, с каким трудом ей достается каждая вещь, сколько ей приходится «пахать» и «вкалывать», чтобы у него, Руслана, «все было», чтобы они «жили не хуже людей»… И, находясь у друга, мальчик вообразил себе, что сейчас родители Володи так же сильно огорчатся. А самым страшным казалось то, что им запретят дружить…

И Рус так горько заплакал, что тетя Света схватила его в охапку и прижала к себе:

— Солнышко, да ты что! Это же просто чашка. Она не стоит таких переживаний.

И бабушка Володи участливо охала и все глади-

ла его по вздрагивающей макушке.

— Посуда бьется к счастью, — поддакивала она.

Когда мальчики переходили в пятый класс, семье Володи дали большую квартиру в новостройках — так далеко, словно в другом городе. Туда нужно было ехать на метро с пересадкой до конечной станции, а потом еще на автобусе. И телефона в новой квартире пока не было, обещали провести только через несколько лет. Но зато там было целых три комнаты и лоджия.

И, конечно, Володю переводили в другую школу — не ездить же через всю Москву.

Руслан прекрасно помнил свои чувства тогда. Первой пришла растерянность — он просто не знал, как относиться к этой потере. Вдруг сразу не стало огромного куска его, Руса, жизни. В душе внезапно образовалась болезненная брешь. Он стоял во дворе, наблюдая, как деловитые грузчики перетаскивали в две крытые брезентом грузовые машины знакомый диван, книжные полки, одежный шкаф, посудную горку, стулья, узлы и коробки… Даже плакать не мог, стоял как неживой.

— Я тебе обязательно напишу письмо с нашим новым адресом, — растерянно повторял Володя,

не зная, как еще он может утешить друга. У него самого морщился нос — так всегда бывало, когда Володьке хотелось плакать, Рус это знал.

— Обязательно… — в который раз безнадежно вторил ему Руслан. — Я тебе сразу-сразу отвечу, и будем переписываться…

Володя шмыгнул носом и сунул другу в руки лучшую, самую удачную и любимую модель самолетика, который они мастерили вместе:

— Пусть у тебя будет.

— Напишет он тебе, напишет непременно, — мимоходом потрепал Руса по голове дядя Костя, пробегая мимо. — Не переживай. Все будет нормально. Не на Северный же полюс мы перебираемся, а всего лишь в Ясенево. Будешь к нам в гости приезжать… Мужики, эту коробку можно вниз, там тоже книги. Осторожнее, тяжелая!

Конечно, взрослым было некогда — переезд дело нешуточное. Так Рус и стоял в обнимку с самолетиком, провожая взглядом удаляющиеся грузовые такси, увозящие его друга куда-то в другую жизнь.

Вот эта самая модель и была изображена на фрагменте пазла, который удалось собрать Руслану. И мальчик был удивительно похож на Володю. Надо же…

А письма от Володи Рус так и не получил. Хотя несколько недель каждое утро, едва проснувшись, первым делом бегал к почтовому ящику и после школы тоже каждый раз заглядывал… Но письма не было.

Так друзья детства и потеряли друг друга из виду, как это чаще всего и случается в этом возрасте. Правда, обычно это происходит не так болезненно, как у него.

Любые раны рубцуются со временем. Зарубцевалась и эта, хотя ныла долго, и модель самолетика долго стояла на самой верхней полке шкафа. Потом тоже затерялась. Переезды, ремонты… Жизнь, одним словом.

* * *

Миновало ленивое воскресенье, и потекли размеренные будние дни. Несобранный пазл так и остался на столе в кабинете. Когда работы невпроворот и она любимая, кто же будет вспоминать о головоломке, пусть даже интересной? Однако мысли о друге детства Володе с того дня Руслана не оставляли. Интересно, каким он сейчас стал и кем стал. Может, и впрямь капитаном или летчиком? Мало ли, все бывает. Женился ли? Есть ли дети? Небось при встрече-то Рус и не

узнал бы его…

И что же это он, в самом деле, никогда не пытался с тех пор отыскать Володю?!

— Да что я мучаюсь-то, в конце концов! — наконец сказал себе Руслан. — Не в пещерном веке живем!

В субботу он, позавтракав, вплотную засел за поиски. Надеялся, что друг его никуда из Москвы не перебрался и фамилию не сменил — не девушка, чай. Руслан забил в поисковике: «Владимир Константинович Вележев» и год рождения — свой собственный, тысяча девятьсот семьдесят третий, одногодки ведь.

И сразу же повезло. Выяснилось, что даже без года рождения можно было обойтись. Первой же ссылкой выпало: «Вележев Владимир Константинович, кандидат психологических наук, экзистенциальный психотерапевт». И фотография, а на ней Володька собственной персоной. Повзрослевший, конечно, и хорошенько округлившийся, но не полысевший и вполне узнаваемый — те же глаза, та же улыбка.

Рус даже мурашками покрылся от волнения. Надо же, Володька психологом стал, МГУ окончил, диссертацию защитил, кучу каких-то сертификатов имеет… Экзистенциальный психотерапевт

— это вообще что за зверь-то такой? Психолог — кто бы мог подумать!.. Хотя в Володьке всегда с самого детства это было — понимание людей.

Может, написать ему? Не важно, что прошло столько времени. Или важно?..

На одном из специализированных психологических сайтов нашелся и контакт в мессенджере. Руслан немного подумал и написал: «Братишка, доброго тебе всего. Узнаёшь ли меня?»

Ответ прилетел уже через несколько минут: «Братишка! Рус, ты ли это, дорогой мой? Можно тебе перезвонить прямо сейчас?»

Руслан рассмеялся от облегчения и уже через полминуты, приняв звонок, услышал незнакомый взволнованный мужской голос:

— Рус! Руслан! Это правда ты?

— Я, я! Ты не представляешь, как я… — Он задохнулся и замолк. А в смартфоне продолжало звучать:

— Господи, до чего же я рад тебя слышать! Постоянно тебя вспоминаю. Поверишь ли — до сих пор тех солдатиков храню, которых ты мне на Новый год подарил. Тогда, в восемьдесят третьем…

— Ну надо же! — воскликнул пораженный Руслан, и его прорвало, как плотину весной: — Я как раз недавно о них думал! А у меня моделька

самолетика, помнишь, вместе клеили, много лет на стеллаже стояла. Но потерялась потом. Я жалел, вспоминал. Не модельку, конечно, а тебя, нас — как мы ее мастерили… Да и вообще — всё-всё сразу! Вот судьба нас раскидала, а? В одном городе, но как на разные планеты…

— Как же здорово, что ты меня нашел… — начал было Володя, но тут же прервался, проговорил куда-то в сторону: — Бас, да отвяжись ты! И нечего на меня так смотреть! Ты ж только что поел!

— С кем это ты? — не понял Руслан.

— Да с котом… Ты же помнишь нашего Баса, Басаврюка? — засмеялся вдруг Володя.

— Еще бы мне не помнить, имя-то какое! Погоди, а он что, до сих пор…

— Да нет конечно! — Володя, как в детстве, понял с полуслова. — Хотя до двадцати лет дожил, представляешь?

— Да что ты!

— Ну! Так все последующие коты у нас тоже теперь Басаврюки и долгожители… Хотя этот, нынешний, такой обжора, что, боюсь, кавказское долголетие ему не грозит… Да бог с ним, с котом! Нашел я о чем говорить! Как ты? Где живешь, как? Чем занимаешься?

— Да я нормально. Живу по-прежнему в Москве,

только теперь в Новой. Работаю в IT-компании, начальник отдела.

— Ничего себе, — присвистнул друг. — Никогда бы не подумал, что ты в компьютерщики подашься. Мы-то все были уверены, что твое призвание — именно танцы, и ничто другое.

— Увы. Теперь это уже в прошлом, — вздохнул Руслан.

Володя тут же тактично перевел разговор на другую тему.

— Слушай, а на эти выходные у тебя какие планы?

— Никаких.

— Может, приедешь тогда? Мы тут сейчас копошимся, ленимся, затеяли было вяленько так поздний выезд на дачу с ночевкой, но теперь уж дудки. Я не поеду. Пусть Людочка одна смотается к своим теплицам ненаглядным. А ты приезжай, а?!

— А удобно?

— Удобнее некуда! — заверил Володя. — Старинный друг нашелся, еще б не удобно!

— Точно я тебя от дел семейных не оторву?

— Все остальные дела уже побоку, подождут! — твердо заверил Володя. — Раз у тебя нет на сегодня планов, давай ко мне. Посидим спокойно вдвоем.

Только на колесах не приезжай, чтоб как следует посидеть. Тем более что повод есть. У тебя же восьмого мая, если не ошибаюсь, день рождения был? И не просто, а о-го-го какой юбилей!

— Ты помнишь! — поразился Руслан.

— А то, — засмеялся Володя.

— Пиши адрес, братишка! Мне-то собраться — только подпоясаться…

Руслан уже и вспомнить не мог, когда собирался куда-то вот так — мгновенно, с места в карьер, без предварительного заблаговременного планирования. Его всего переполняла бурная, пузырящаяся, как лимонад, радость, ощущение, которого он не испытывал уже много лет. Как же он, оказывается, был привязан к другу своего детства! Как невероятно соскучился! Хотя сам этого не понимал…

— Динька! — закричал он, и голос разнесся по всем трем этажам.

Она прибежала, перепуганная, на половине лица — зеленая косметическая маска:

— Что? Что случилось?!

Рус засмеялся:

— Володька случился! Помнишь, я тебе говорил?! Друг детства старинный. Сейчас вот созвонились с ним.

— Ф-фу-уф, — выдохнула Диана. — Вот реально перепугал! Чего так кричать-то, зая?

— Я сейчас еду к нему, — объяснил он. — Возможно, зависну до завтра.

— Выпивать небось будете? — прищурилась под маской Диана.

«Не понимает, — огорченно констатировал Руслан. — А вот Оля поняла бы…»

— И пить будем, не без этого, — сказал он. — А что?

— Э… да ничего особо, — вяло откликнулась она. — Ладно, я тут дома побездельничаю.

Он чуть не съязвил, что это у нее дома получается лучше всего, но сдержался.

— Ну все, я помчался, — Рус чмокнул ее (в шею, чтобы не измазаться) и побежал заводить машину. Он уже решил, что сначала смотается в гипермаркет, купит того-сего к столу — не идти же в гости с пустыми руками. Ну и Диньке заодно надо ее любимый миндальный тортик прихватить, чтоб не дулась. А к Володе уже, как договорились, — на такси. Вот дурной, не спросил даже, что Володя пьет…

Ехать оказалось не так уж далеко — не через весь город, а всего лишь в Коньково. Хотя живи Володя где-нибудь в Балашихе, Руслан и туда

рванул бы не задумываясь…

В такси, когда уже миновали МКАД, вдруг накрыли запоздалые сомнения. А что, если вся эта эйфория, охватившая его сейчас, обернется горьким разочарованием? Вот сядут они с Володькой, выпьют, закусят. Повспоминают свои игры, двор, детский сад, младшую школу… А потом, когда эти темы исчерпают себя, окажется, что больше говорить-то и не о чем.

Но обошлось. И еще как обошлось!

Сначала просто смотрели друг на друга — изучающе, внимательно, жадно. Потом где-то в глубине мелькнуло узнавание, облегчение — и они обнялись, крепко-крепко.

— Ч-черт, — пробурчал Руслан и сердито вытер глаза.

— Вот же мужиков приучили эмоции скрывать, — хмыкнул и Володя, и Рус увидел, что у друга глаза тоже на мокром месте. — Неправильно это, кстати. Даже вредно.

— Я вот тут приволок кой-чего к столу, — пробормотал Руслан, спеша затушевать неловкость момента.

— Ну ты даешь, братишка! — ахнул Володя, оценив объем привезенного пакета. — Куда столько? Это ж мы обожремся и помрем молодыми, как

мой Руська выражается. Ладно, пошли на кухню.

Руслан послушно двинулся было за хозяином, но на секунду затормозил.

— Погоди, я что-то не понял… Руська?

— Да сына я Руськой назвал, — с улыбкой пояснил Володя, вводя гостя в кухню. — Можно сказать, что в честь друга детства, — он подмигнул — точь-в-точь как тогда. — Хотя Людмилке это имя тоже всегда очень нравилось.

— Понимаю, — кивнул Рус. — Руслан и Людмила.

Он огляделся. Кухня была именно такой, как ему нравилось, — пусть и небольшой, но обжитой, добротной, уютной. Ничего общего с тем глянцево-рекламным минимализмом, который развела у него дома Диана. Деревянная мебель, скорее надежная, чем стильная, техники не так уж много, но по каждому предмету видно, что им активно пользуются. Чисто — но в меру, не до стерильности. И все вещи, от веселых клетчатых полотенец у раковины до массивного морозильника, только что не кричат: «Я здесь для того, чтобы хозяевам было удобно!» Окна открыты нараспашку, и из них веет свежестью без всяких кондиционеров.

— Так это и есть та квартира, которую вы тогда

получили? — поинтересовался Руслан.

— Нет, что ты! — махнул рукой Володя. — С квартирами у нас такая эпопея была… Долгая история, расскажу как-нибудь при случае. Зато теперь у нас у каждого своя крыша над головой. Хотя все-все многочисленное семейство здесь, в одном районе, недалеко друг от друга.

— Родители?.. — осторожно заикнулся Рус. Страшно боялся услышать, что тети Светы или дяди Кости больше нет, но спросить было необходимо.

— У них тоже тут двушка рядом, на соседней улице. Оба пока молодцом, тьфу-тьфу-тьфу. Работать продолжают. Батя в своем НИИ консультант, мама все так же преподает… Да ты присаживайся, — Володя кивнул на удобный диван с россыпью разноцветных уютно-потертых подушек — явно не для декора, а для того чтобы, с комфортом развалившись, подсунуть их под голову, под локоть или еще подо что-нибудь. — Давай вот сюда, на Руськино место.

— А Руслан не будет против? — уточнил Рус, устраиваясь.

— Да он теперь не так уж часто у нас бывает, — ответил хозяин, накрывая на стол. — Тоже ведь теперь отдельно живет. Уже несколько лет. Хотя

мы с Людой все никак не привыкнем…

— И сколько же ему лет сейчас?

— Осенью будет двадцать три. По моим стопам пошел, тоже психолог. МГУ окончил, сейчас вот в аспирантуре…

— Да неужели? — Отчего-то трудно было поверить, что у Володьки такой взрослый сын. — Слушай, за это надо выпить!

— Так за чем же дело стало? Открывай. А я сейчас закусить быстренько соображу.

В алкоголе их вкусы не совпали: Руслан любил виски, лучшую бутылку которого прихватил из домашних запасов, а Володя предпочитал «нашу русскую» водку.

— Ничего, будем пить каждый свое, больше достанется, — весело балагурил старый друг. — Хотя мы с тобой уже вошли в тот возраст, когда важно не только что пьешь, но и чем закусываешь.

На закуску им сегодня уж точно не было повода пожаловаться. Большую часть привезенных Русланом деликатесов даже не стали распечатывать, попрятали в холодильник — довольно оказалось домашних разносолов. Тут были и тонко нарезанное сало со слезой и щедрыми прослойками мяса, и два вида грибов домашней заготовки — соленые грузди и маринованные

опята, и хрустящие малосольные огурчики с укропом и хреном, и важно занимающая центр стола ароматно дымящаяся самодельная буженина, и вкуснющая печеная картошка, и какой-то удивительный полосатый хлеб с зеленью и семечками.

— Заготовками нас матушка снабжает, — пояснил Володя. — А хлеб Людочка сама печет. На прошлый день рождения подарил ей хлебопечку. Опасная штука, скажу я тебе, эти хлебопечки! Оглянуться не успеешь, как перестанешь в дверь проходить…

— Люда, наверное, все это на дачу приготовила? — догадался Руслан и запоздало усовестился.

— Ну да, — подтвердил Володя. — Но как узнала, что мой друг приезжает, сказала, что все нам оставляет.

— А сама что же, голодная будет?!

— Ну прям! Там, на даче, все есть. Да она и малоежка у нас, не то что я… Наливай давай по второй.

Выпили по второй, как следует закусили. И отчего это еда всегда кажется вкуснее, когда разделяешь ее с близким тебе человеком? Даже если это самая что ни на есть обычная еда. А если уж такие шедевры кулинарного искусства, как

здесь!..

На кухню, не иначе как привлеченный манящими запахами, неторопливо вплыл здоровенный черный кот и застыл на пороге, изогнув пушистый хвост вопросительным знаком.

— Роско-ошный, — не смог не признать Рус. — Басаврюк?!

— Он, родимый, — кивнул Володя. — Видишь, бакенбарды какие пышные? Как человечьи.

— Слушай, они ж похожи как две капли воды! — осенило Руслана. — Тот и этот. Я словно в детстве оказался.

— Это Басаврюк Третий, — объяснил друг. — Второй был не очень похож, хотя тоже пушистый, а этот и вправду вылитый. Четыре года недавно стукнуло. Справляли! Слюнявчик ему повязали, Людок ему рыбы отварила, креветку положила, мидию. У него такой вид был именинный, что ты! Ща покажу, сам увидишь.

Полистал фото в смартфоне и продемонстрировал снимок.

— У меня, кстати, так и нет домашних животных, — поделился Руслан, принимая телефон, чтобы получше рассмотреть фотографию. — И не было никогда. Но знаешь — сейчас уже нисколько об этом не жалею. Смотрю на знакомых, как у

них питомцы болеют, умирают, сколько переживаний… Так что, в общем-то, мама была права.

— Да уж, — усмехнулся Володя. — Недаром говорят: взрослым становишься не тогда, когда перестаешь слушаться маму, а когда понимаешь, что мама была права. А как она сейчас? Галина… Михайловна, кажется?

— Николаевна, — машинально поправил Рус. — Галина Николаевна. Мама умерла, давно уже.

— Извини… Сочувствую.

Помолчали немного, после чего Володя вновь спросил:

— Ну а хорошего в жизни что?

— Не знаю, что и сказать, — пожал плечами Руслан.

На секунду ему показалось, что тот счастливчик, которым он себя ощущал после юбилея, вдруг улетучился, а на его место выплыл откуда ни возьмись неудачник. Разведенный, с бывшей семьей отношения, мягко говоря, сложные. Нынешняя, вторая, жена, конечно, молода, красива и в постели огонь, но так и не стала ему близким человеком. А вот Володьке с этим, похоже, повезло. На фотографиях, которые Руслан увидел в смартфоне друга, Людмила показалась ему похожей на тетю Свету, такой же ласковой и доброй.

Судя по всему, у них по-настоящему счастливая семья. Хлеб вот сами пекут, день рождения коту справляют…

Руслан потряс головой, точно отгоняя наваждение, и молча потянулся к бутылке, но Володя накрыл его рюмку ладонью.

— Погоди, это еще успеется. А то мы с тобой сейчас с разгона наквасимся, да так и не поговорим толком. Не виделись ведь, страшно подумать, — без малого сорок лет…

Вновь вернулись к еде, наслаждаясь покоем, уютным молчанием и ощущением единства, которое бывает только у настоящих друзей. Пусть они даже и не общались больше чем полжизни. Иногда время не значит абсолютно ничего. Время и возраст. Оказывается, у душ возраста нет, это категория вечная. Как, впрочем, и дружба.

Друзья… Словно и не было этих сорока лет. И они как были, так и остались братьями. Не по рождению — по духу.

Конечно, они и на самом деле в детстве торжественно побратались, не без этого, — после того, как посмотрели в клубе старый фильм об индейцах. Стащили дома лезвие «Нева», спрятались за гаражами, резанули бритвой ладошки, шипя от боли, пожали друг другу руки и долго не

отнимали, «смешивали кровь».

Вспомнив, Руслан поглядел на до сих пор сохранившийся тонкий шрамик на руке и заметил, что и Володя тоже невольно опустил взгляд на раскрытую ладонь. После чего оба одновременно подняли головы и улыбнулись друг другу.

— Знаешь, когда ты уехал, у меня точно землю из-под ног выбили, — сказал Руслан. — До сих пор все помню, вот как сейчас. Стою я посреди двора, гляжу вслед вашим грузовикам… Тебя увезли. И я пока еще не особо понимаю, что увезли не только тебя, но и часть меня. Не понимаю, насколько я остался одинок. Просто чувствую, что во мне разбилось что-то и кусочка меня не хватает. Вот как пазл собираешь, а одной детали нет. Знаешь, у меня с тех пор все время так. Словно смотрю на свою жизнь через призму разбитости. Постоянно не хватает какого-то кусочка. Не то чтобы я размазня, нет. Это другое… Помнишь, ты обещал написать? Я ждал письма, очень ждал. Но не дождался…

Володя, подцепивший было на вилку ломтик огурца, перестал жевать:

— Странно. Я писал. Три письма отправил, но ответа не дождался. Вот и решил, что ты отвечать не хочешь. Может, просто забыл меня. Хотя сам

долго не мог смириться. Ревел по ночам в подушку. Звонить тебе пытался, хотя автомат у нас был далеко и к нему вечно очередь. Но дозвониться так и не вышло. Все время длинные гудки. Только раз на тетю Галю попал, но она сказала, что тебя нет дома, и сразу повесила трубку. Я даже не успел тебе ничего передать. И перезвонить не мог, второй двушки не было.

Руслан молча кивнул. То, что друг не заставал его, не удивляло — в детстве он не особо любил сидеть дома. Но письма… С ними вышла уж больно некрасивая история…

— Да, я знаю, — сказал он наконец после долгой паузы. — *Теперь* знаю, что случилось с твоими письмами. Тогда, конечно, не знал и так страдал… В общем… мама призналась уже только спустя много лет. Оказывается, она твои письма просто рвала и выбрасывала.

— Вот как? — искренне удивился Володя.

— Если честно, я сам так толком и не понял, зачем она так поступала, — признался Руслан. — Она уже болела тогда, когда рассказала… Почему-то считала, что так будет лучше для меня. Что мы слишком разные с тобой… Вот честно — не понял я этого. Допытываться не стал, пожалел ее. Но долго потом все недоумевал, зачем она это

сделала…

Володя пожал плечами.

— О мотивах поступков других людей мы можем только догадываться, — профессионально ответил он. — Часто люди и сами не понимают до конца собственных мотивов… Впрочем, что сейчас об этом говорить? Дело давнее.

— Может, и давнее, — без особой охоты согласился Руслан. — Но знаешь, я последнее время почему-то часто возвращаюсь мыслями в прошлое. Не только к этой истории, вообще в детские годы. Будто ищу там какие-то ответы…

— Все наши взрослые неполадки родом из детства, — согласился Володя.

— Ох, да. И так глубоко, что я и заглядывать боюсь. Это как пытаться разглядеть, что там, на дне, за толщей воды. Может быть очень страшно. Вот мне — страшно…

— А знаешь, — помолчав, сказал старый друг, — иногда полезно переступить страх и заглянуть. На дне ведь можно не только монстров разглядеть, но и много другого. Важного, но потерянного. Или специально спрятанного. Вот ты говоришь: «все время кусочков не хватает». Так ведь эти кусочки как раз на дне и могут быть. Ты не бойся в себя заныривать. Это страшно, пока ты не знаешь,

что там. Вот как ночные звуки. Шорохи непонятные. Пугает ведь неизвестность. А как понял, где источник того, что тебя пугает, — и страх ушел. Кажется, что шаги чьи-то в прихожей, хотя ты один ночуешь в квартире, — а это всего лишь кран капает. Обычная реальность и стечение обстоятельств, никакой мистики.

— Наверное, ты прав, — кивнул Руслан. — Положи мне еще кусочек свинины, что ли… И Люде передай, что она у тебя — волшебница.

— Сам скажешь, — засмеялся Володя, отрезая щедрый ломоть сочного запеченного мяса с румяной корочкой. — Надеюсь, вы скоро увидитесь. И не раз. Тем более что живем-то по нонешним московским меркам не так далеко. Ты давно на юго-запад перебрался?

— Года три как, — прикинул Рус. — После развода с Олей. С нынешней женой, Дианой, у меня второй брак. В нем детей нет, да Динька пока и не хочет. А с Олей у нас двое. Сын и дочь, Горка и Мышка, девятнадцать и пятнадцать. Когда они были маленькие, конечно, трудновато пришлось. Все эти садики, кружки-секции-бассейны, болезни-поликлиники, поездки в отпуск всей семьей, бесконечные покупки одежды, потому что из старой они уже успели вырасти… Впрочем,

что я тебе рассказываю, ты сам отец, знаешь все не хуже меня. Вот именно тогда мне аналогия в голову и пришла, что я все время живу, словно пазл собираю, а деталей постоянно не хватает. Потом вроде складывается — но ненадолго. Опять рассыпается — и начинай по новой.

— А как выглядит в твоем пазле цельная картинка? — поинтересовался вдруг Володя.

— Гм… — задумался Руслан. Вопрос его озадачил. — Наверное, цельная картинка — это то самое пресловутое счастье… Хотя нет. Слишком пафосно. Просто нормальная, спокойная жизнь.

— Принято, — кивнул старый друг. Потянувшись, взял из стоящей поодаль вазы с фруктами мандарин, быстро очистил и протянул половину Руслану — точно так же, как они делали это когда-то в детстве. Тогда мандарины были лакомством, деликатесом, но и сейчас этот машинальный жест доставил радости не меньше, чем в давние времена.

— И знаешь, так вышло, что…

Руса перебила трель мобильника — не его. Володя принял звонок. Динамик у него был мощный, так что Руслан, вовсе не прислушиваясь, слышал весь разговор.

— Ну как вы там отдыхаете? — раздался весе-

лый женский голос.

— Пьем, Людок, — ответил Володя.

— А закусываете хоть? — засмеялась она.

— А то как же! Зря ты, что ли, столько вкусностей оставила?

— Ну и молодцы. Руслан, надеюсь, у нас заночует?

— А то! Столько лет не виделись, надо же нормально поговорить.

— Ну вот и хорошо. Положишь его в Руськиной комнате, я там чистое белье постелила. А в аптечке таблетки похмельные на всякий случай сверху положила, на виду. На завтрашнее утро. Мало ли, как вы разгуляетесь…

— Золотая женщина моя Люда, — сообщил Руслану Володя и снова вернулся к телефонному разговору: — А ты что поделываешь?

— Да полы везде перемыла, цветы полила, в парнике порядок навела и так, валяюсь на веранде. Попозже к Сазоновым пойду. К ним дети с друзьями обвалились, опять зовут в настолки играть. Я Русу позвонила, обещал приехать, если Катерину свою уговорит. Привет тебе, кстати, передавал.

— И ему! И всем остальным тоже от меня привет, ладно?

— Конечно. Ну все, солнце мое, пойду, стиралка пищит, пора белье развешивать.

— Целую тебя!

— И я тебя целую.

Владимир нажал на отбой, а Руслан подавил невольный вздох. Это была не зависть, нет, совсем напротив — он искренне радовался, что у друга в семье все так хорошо. Но в глубине души, где-то совсем глубоко, было слегка досадно, что у него не так… Хотя вроде бы — почему «не так»? У них с Динькой как будто тоже вполне себе счастливая семья… Или слова «как будто» тут ключевые?

— Знаешь, как сейчас боялся перед этой нашей встречей? — признался Руслан. — Что, мол, мы уже не маленькие и те ощущения, что я испытывал тогда, невозвратимы. Дико боялся… Но нет. Знаешь, странно. Два взрослых мужика — а я опять как тот, как тогда. И вижу перед собой ТОГО Володьку.

Не сговариваясь, выпили по третьей, закусили крекерами с кусочками привезенного Русом копченого угря. После чего Володя снова поднял взгляд на старого друга.

— Расскажешь о себе? — спросил он.

Володя оказался идеальным слушателем, внимательным, молчаливым, только периодически

задавал уточняющие вопросы — явно отлично понимал, что другу жизненно необходимо выговориться. И Руслан не мог не воспользоваться этим. Он уж и не помнил, когда последний раз говорил так долго, несколько часов подряд. Возможно, что и никогда с ним такого не бывало. А сегодня как прорвало — и он рвался поделиться со старым другом всем, что было в его жизни важного. Работа, карьера, танцы и музыка, женщины, смерть матери, детство Егора и Машки, Динька, путешествия, переезды… Но о чем бы ни начинал говорить, рано или поздно все равно сбивался на рассказ об Оле и детях, о разводе и о том, как это все было тяжело… Да и теперь, в общем-то, ненамного легче.

Руслан опомнился только тогда, когда неожиданно сам для себя зевнул во весь рот.

— Прости, братишка. Что-то меня так резко сморило…

— Так неудивительно, — усмехнулся Володя. — Времени-то уже — давно за полночь, да и посидели мы с тобой хорошо. Так что давай-ка спать. Пошли в Руськину комнату, Люда тебе там постелила.

— А помнишь, как мы с тобой устроили вигвам из одеял на вашем балконе? — вспомнил вдруг

Рус, послушно следуя за хозяином дома.

— А что, отличный «фигвам» получился! — подхватил со смехом Володя. — И классно мы тогда поиграли. Пока бабушка не пришла…

Пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по разным комнатам. Оставшись один, Руслан набрал номер Дианы и долго слушал гудки, пока не прозвучал механический голос «Абонент не отвечает». Так бывало, когда Динька нежилась в джакузи. Рус шутил: «Опять русалишь?» Ну, может, и в этот раз она снова русалит…

Быстро умывшись, Руслан сразу лег. Голова слегка кружилась — и от выпитого, и от эйфории. Старый друг нашелся, надо же… Единственный. Эти мысли и ощущения тоже переносили его в детство. Только теперь в них уже больше не чувствовалось прежней горечи…

* * *

Утро Руслан перенес на удивление легко. Проснувшись, обнаружил рядом на столике литровую бутылку воды, пустой чистый стакан и антипохмельную таблетку. Вечером ничего этого не было. Значит, Володя заглядывал. Так и остался жаворонком, как в детстве… Руслан же всегда

был совой. И в последнее время как ни шутил над своим полтинником, а спать стал больше, ранних подъемов избегал. Шути не шути, а уже не мальчик, и о здоровье надо задумываться. Пока оно, тьфу-тьфу, на уровне, и даже вот похмелье не мучает, но сон есть сон. Он необходим.

Было восемь часов, слишком рано для Руслана — но при этом таким отдохнувшим он себя не чувствовал давно. В груди разливалось тепло, так бывает после того, как в жизни произойдет что-то очень светлое и радостное. Таблетка не понадобилась, но два стакана прохладной воды он с удовольствием выпил. И понял, что надо вставать. Уж в туалет-то — точно.

Володя сидел в кухне с ноутбуком, сосредоточенно и быстро набирая что-то на клавиатуре. Нос его оседлали очки в тонкой металлической оправе.

— Как спалось на новом месте? — поприветствовал он друга.

— Замечательно, — честно ответил Рус. — Как в детстве. А ты работаешь?

— Да статью для научного журнала кропаю понемногу. Не обращай внимания. С добрым утром, что ли?

— С добрым!

Володя закрыл ноутбук.

— Овсянку для разгона будешь? — спросил он. — Пользительная штука.

— Ну, давай. Диньку вот фиг заставишь утром кашу варить!

— А зачем утром, когда это можно с вечера?

Оказывается, каша уже была готова и ждала своего часа в мультиварке. Едва Володя разложил овсянку по тарелкам, щедро посыпав голубикой и орехами, как Руслан подступил к другу с вопросами:

— Слушай, я же вчера «весь вечер на арене» был, слова тебе сказать не дал. Теперь ты рассказывай!

Володя задумался.

— Знаешь… по сути, рассказывать-то особо и нечего. Вот ты меня через сеть нашел, а там ведь на сайтах все про меня написано — ни прибавить, ни убавить. Живу, работаю. Профессию еще в школе выбрал, в старших классах, и с тех пор ни разу не пожалел. Практикую много, кандидатскую защитил, благо материала навалом. Преподаю иногда, но и сам учусь постоянно — в моем деле без этого никак нельзя. Вот, экзистенциальным подходом последнее время увлекся… Хотя вряд ли тебе это интересно, — спохватился

Володя.

— Ну почему же, — вежливо возразил Руслан. — Интересно. Я, правда, плохо понимаю, что это за экзистенциализм такой. За что вы, психологи, в нем ратуете?

— За то, что каждый человек, каждая личность уникальна, — объяснил Володя. — И бессмысленно мерить людей стандартными аршинами или пытаться загнать в какие-то общепринятые рамки или модели.

— Погоди, ну как же так? — удивился Рус. — Разве мы все не бываем похожи в чем-то? Схожие черты характера, и все такое. Или поведение. В определенных ситуациях люди ведут себя либо так, либо этак. Обычно вариантов не столь уж много. Вот, скажем, толкнули тебя в толпе. Ты либо огрызнешься, либо проигнорируешь. Разве по такому принципу психология не делит людей на определенные типы?

— Даже в твоем примере вариантов реакций много больше, — улыбнулся Володя. На его коленях угнездился пушистый Бас, и хозяин неторопливо почесывал его за ушами, а кот млел и таял, как мороженое на солнцепеке. — Кто-то догонит обидчика и надает по морде, кто-то расплачется, а кто-то — наоборот, засмеется.

Повторяю: люди уникальны. И непредсказуемы. И даже если отдельные проявления похожи, это ничего не значит. Вот ты вчера про пазл говорил, помнишь? Сравнивал свою жизнь с пазлом. С личностью — то же самое. Кусочки пазла могут быть похожи, но целая картинка в любом случае складывается у каждого своя. Уникальная, единственная в мире. Как бы ни…

Его слова прервал телефонный звонок. Звонила Динька, которая сразу накинулась на Руса:

— Ты почему не отвечаешь?! Я звоню, звоню… Ты живой вообще?!

— И тебе с добрым утром, — опешил он, но Динька не унималась.

— Что вообще за дела? — сердито продолжала она. — Уехал неизвестно куда, неизвестно к кому, телефон молчит! Я что думать должна?!

Руслан покосился на Володю. Интересно, ему слышно Динькины вопли? Не хотелось посвящать друга в неожиданную семейную разборку, но встать и выйти из кухни тоже казалось как-то неудобно, неправильно.

— Ну, во-первых, не надо на меня кричать, — терпеливо произнес он в трубку. — Во-вторых, телефон молчит, потому что на ночь у меня включается беззвучный режим, и ты об этом пре-

красно знаешь. В-третьих, я уехал не неизвестно куда, а к другу детства, о чем тоже тебе говорил.

— Ладно, — буркнула Диана после паузы. Тон она снизила, но говорила все еще сердито. — Домой когда собираешься?

— А что? Что-то случилось?

— Ничего не случилось, — помедлив, ответила Диана. — Я переволновалась просто. Извини.

— Домой приеду, извиню.

Они посмеялись, прощаясь, но Руслану было не слишком весело. Он не знал, что сказать Володьке, как все объяснить. Ведь обычно Динька так себя не вела…

К счастью, объяснять ничего не пришлось. Пока они с Динькой разговаривали, старый друг успел сварить кофе и подать к нему разноцветные рулетики домашней пастилы, приготовленные Людмилой по рецепту свекрови. И после этого разговор сам собой переключился на Володину жену, а не на жену Руслана.

— Людочка моя — музыкант, педагог по музыке, — рассказывал Володя. — Скрипка и фортепьяно. В молодости мечтала устроиться в оркестр, но не получилось, а там и Руська родился… В общем, сейчас она частным образом музыку преподает и вполне этим довольна. График свободный, сама

себе хозяйка, учеников столько, сколько сама хочет. Иногда подрабатывает концертмейстером и у взрослых, в основном по вечерам. Кстати, тут неподалеку есть небольшое кафе, «Старые ритмы» называется, с живой музыкой, там играет ее бывший однокурсник, пианист Паша Беляев. Иногда они играют вместе в четыре руки джаз. А жена Паши, Леночка — вокалистка, поет. Когда они выступают, я всегда стараюсь прийти послушать, если свободен.

— А мне можно будет прийти? — тут же вырвалось у Руслана.

— Конечно, — заверил Володя. — Там всегда есть места. Кстати, в следующую субботу в кафе будет этот, как бишь его… Джем?

— Джем-сейшн, наверное, — догадался Руслан. — Когда музыканты вместе импровизируют?

— Да-да, именно! — закивал Володя. — Будут и Паша с Леночкой, и их еще один друг, Митя Длинный, он саксофонист от бога.

— Заметано, мы с Динькой будем обязательно. Надо же… Саксофон! Джаз! Слушай, ты возвращаешь мне мой «потерянный рай»!

— Я рад, — улыбнулся Володя. — Заодно как раз все и перезнакомимся и будем дружить домами.

— Встречное предложение — дружить семьями! — процитировал Рус старое кино.

Посмеялись, но затем Руслан посерьезнел.

— И все-таки к вопросу о семьях… Может быть, ты, как психолог, посоветуешь мне что-нибудь насчет моего Егора? Похоже, потерял я его.

— Да ведь психологи никогда советов не дают, братишка, — помолчав, заметил Володя. — И не из вредности. Просто любой совет — это чужое решение. Чужая оценка ситуации, чужой вывод, чужой план действий. Чужое, понимаешь? Не твое.

— Понимаю, — вынужден был признать Руслан. — Собственно, я и сам считаю, что совет — это ведь как бы приглашение уцепиться за чужую руку и тащиться-волочиться за кем-то. Вместо того чтобы идти самому. Туда, куда именно тебе нужно. А этого направления никто, кроме тебя, знать не может. Но все-таки я думал, что психологи как раз и должны что-то советовать людям в трудных ситуациях.

— Так многие думают, — усмехнулся Володя, отставляя пустую чашку. — Психологов принято либо катастрофически недооценивать, а то и презирать — мол, шарлатаны, что они мне могут сказать такого, что я сам о себе не знаю? — либо

считать некими мудрецами, допущенными к какому-то особому тайному знанию. Вот я сейчас приду к нему на один раз, заплачу денежку — и он мне подскажет что-то такое-этакое, что за один раз решит все мои проблемы. Вроде как даст волшебную психологическую таблетку.

— А это разве не так? Обидно, — Руслан, конечно, шутил, но, как говорится, в каждой шутке…

— Нет, к сожалению, — серьезно ответил Володя. — Или, наверное, скорее, к счастью. Но на самом деле работа с психологом — это не разовая таблетка, а длительный курс. И во время этого курса ты учишься лечить себя сам… Хотя я неточно выразился. Не лечить, а улучшать качество своей жизни. Собирать себя в единое гармоничное целое.

— Как пазл, — вновь невольно вспомнилось Руслану. И он рассказал, что именно подтолкнуло его к поискам давно потерянного друга детства.

Выслушав, Володя попросил:

— Если выяснишь, кто именно подарил тебе этот пазл, поблагодари его и от меня. Не могу передать, как я рад нашей встрече. Столько лет не виделись — а такое чувство, будто их и не бывало. Ты для меня всегда был… радостью. Да, вот такое ощущение от тебя. Радость от того, что ты

есть. Потому так и сына назвал. От одного имени тепло и радостно.

Распрощались друзья не скоро. Пили кофе, потом завтрак плавно перетек в обед, только уже без алкоголя — завтра обоим на работу. Говорили и о том и о сем, гладили и кормили Басаврюка, который периодически напоминал о своем присутствии глубоким «Бау!». Володя рассказал и о сыне, и о «мелочи пузатой» — младших сестрах-двойняшках Тате и Натате. Несмотря на огромное внешнее сходство (Рус вообще в детстве какое-то время наивно думал, что они одинаковые), их жизнь сложилась по-разному, но у обеих благополучно. Наташа родила четверых детей, а Татьяна стала успешным адвокатом. Бабушки Володи уже, конечно, не было в живых, а вот с родителями, дядей Костей и тетей Светой, к счастью, все было (тьфу-тьфу-тьфу!) в порядке.

— Беспременно вытащу тебя как-нибудь к ним, — заверил Володя. — Они будут рады тебя видеть.

Прощаясь наконец в прихожей, оба одновременно взглянули на ладони, где у каждого до сих пор видна была полоска шрама от того детского братания. Усмехнулись, как тогда, пожали друг другу руки, хором серьезно произнеся свое давнее

«Друзья навсегда».

И это было лучшее, что Рус хотел услышать и почувствовать.

Руслан ощущал, что внутри его словно что-то причесалось, расправилось. Дышалось легко, спокойно, будто отступила болезнь, которая потихонечку подтачивала его много лет. Кусочек жизненного пазла окончательно встал на место.

— На джем-то приедете с Дианой? — спросил Володя уже в дверях.

— Беспременно, как ты говоришь, — улыбнулся Руслан.

Дома его ждал сюрприз — кривоватая и чуть подгоревшая с одной стороны шарлотка, собственноручно испеченная Дианой.

— Ого, еще горячая! — заметил Руслан.

— Я тоже горячая… штучка, — промурлыкала жена, ластясь к нему. — Соскучилась!

И шарлотку пришлось отложить на потом.

* * *

На джем-сейшн Руслан с Дианой прибыли загодя.

— Тут прикольненько, — заметила Диана, оглядывая интерьеры кафе. — Штучки музыкальные всякие…

Штучками она назвала развешанные по стенам и под потолком музыкальные инструменты, видимо, отыгравшие свое, — тромбоны, скрипки, флейты. Это придавало небольшому и очень уютному залу какой-то особый богемный вид и действительно было… прикольненько, по выражению Дианы.

И от одного вида интерьера этого кафе, от одного только предвкушения концерта Руслан чувствовал, что в нем начинает прорастать нечто доселе дремавшее или уснувшее. Словно бабочка, скрюченная внутри куколки, начала расправлять крылья.

В ожидании выступления музыкантов взяли по салату, десерт, бутылку вина. Володя, накануне созвонившись с Русланом, предупредил, что они приедут точно к началу: у него была встреча с клиентом.

Наконец они появились с Людой — оживленные, слегка запыхавшиеся.

— Извини, — пожимая другу руку, бросил Володя. — Работа — она такая работа…

Посмеялись, перезнакомились. Люда оказалась именно такой, какой Рус и представлял — похожей на тетю Свету, Володину маму. Не столько внешне даже похожей, сколько голосом, интона-

циями, мимикой.

При встрече женщины, Людмила и Диана, как положено, кинули друг на друга оценивающие взгляды: Людмила — дружелюбный, Диана — изучающий. Сев за стол, Люда открыла было рот, чтобы что-то сказать, но не успела.

Музыка, казалось, возникла сама по себе. Или по волшебству. Приглушенный свет заискрился, неяркий луч прожектора выхватил из полумрака фигуру пианиста, уже вознесшего руки над клавиатурой, а над небольшой ударной установкой, которая словно материализовалась из ничего, уже колдовал перкуссионист.

И завибрировал-задрожал воздух.

Оживление, аплодисменты, первые томно-хрипучие пряные звуки, которые мог издавать только саксофон. Длинная фигура изогнулась под стать своему инструменту.

— Митька, давай! — радостно крикнул кто-то в углу, и это восклицание отозвалось смехом, свистом и хлопками — здесь явно собралась давно знающая друг друга компания. Давние друзья, которым было легко и беззаботно вместе.

Неизвестно как, но Людмила, жена Володи, оказалась вдруг сидящей рядом с пианистом и легко подхватывала его пассажи. Это был игривый

диалог в четыре руки, словно переброс шутками.

— Во дают! — оценил Руслан.

— То ли еще будет, — подмигнул Володя. — Здесь скучать не приходится.

Зрители смеялись, шутили, хлопали. За столик вернулась Людмила — воодушевленная, радостно-возбужденная после игры.

А затем рядом с фортепиано возникла еще одна странная фигура в серебристом балахоне, увенчанная шапкой кудрявых африканских волос. Собственно, кроме этой шевелюры и балахона, видно ничего и не было, поскольку фигура стояла к зрителям спиной.

В зале затаили дыхание, услышав вступление.

— Ой, знакомое что-то, — встрепенулась Диана.

— Естественно, Гершвин же, — пожал плечами Володя, отчего-то внимательно вглядывавшийся в певицу.

Диана беспомощно взглянула на мужа — фамилия композитора ей явно ни о чем не говорила, хотя зазвучавшую мелодию она наверняка слышала.

— Колыбельная Клары из оперы «Порги и Бесс», — быстрым шепотом объяснил ей Руслан. — Потом расскажу, ладно?

Первые же три ноты музыкальной темы, нежно, проникновенно и высоко спетые после небольшой паузы, сорвали аплодисменты: «Summertime…»

Руслан приготовился слушать, но отвлекло то, что соседи по столу отчего-то вдруг оживились и зашептались.

— Это Леночка?

— Похоже, да…

— А откуда у нее такое высокое сопрано? — вполголоса перебросились быстрыми репликами Володя и Люда.

Руслан не особенно прислушивался к их разговору, гораздо больше его занимала музыка. Слушая, он наслаждался каждым мгновением, каждой нотой.

Он точно вернулся домой после долгого отсутствия, в один миг ощутив: это его мир. Мир музыки. Тот, который наполнял его когда-то без остатка, но на долгие годы был заперт внутри его, как в темнице, под грузом обстоятельств, обязательств и прочего. Оказывается, вот ведь все как просто. Можно жить и так — легко, спокойно, свободно, не натужно. Это был мир его радости, свободы и любви, эта радость немедля хлынула в душу, словно полноводная река, которую

больше не сдерживала никакая плотина. И вряд ли этот поток нес с собой разрушение. Эти воды призваны были напитать сад, почти погибший от засухи, вернуть его к жизни и вновь подарить возможность цвести.

А певица, допев знаменитую на весь мир колыбельную под аккомпанемент фортепиано, саксофона и ударных, на последнем такте поклонилась и сорвала с головы свою черно-кудрявую шевелюру.

Диана ахнула — певица оказалась коротко-стриженой блондинкой.

— Я думала, негритянка, — призналась Динька. — На гастролях…

— Браво, Леночка! — прокричал Володя, сложив руки рупором, а Люда неистово захлопала, и хлопки подхватила вся публика, собравшаяся в этом сравнительно небольшом помещении.

Где-то спустя час музыканты подустали и решили, что пора и им отдохнуть. Джаз играл уже просто из динамиков, а концерт превратился в дружеские посиделки. Люди переходили от одной компании к другой, сдвигали столики, громыхали стульями. Кто-то танцевал, звенела посуда, слышался смех, оживленные голоса. За спиной Руслана говорили о премьере в Театре мюзикла,

за столиком справа обсуждали перспективы организации БРИКС, слева симпатичная пара средних лет делилась с друзьями впечатлениями от поездки на Камчатку.

— Леночка обещала сюрприз с шуткой — но чтоб настолько! — смеясь, говорила Люда. — Вот вам и сопрано! Она, оказывается, специально для этого номера готовилась. Но со своего драматического меццо не соскочит, ни к чему рисковать.

Руслан наслаждался разговором, Диана откровенно скучала. Она мало что понимала и все больше помалкивала, рассматривая зал и собравшихся в нем людей. С Людмилой у них тем общих не нашлось, хотя и неприязни между ними не возникло. Просто они явно были из разных миров. Несколько раз, извинившись, Диана выходила из-за столика с телефоном, а за самим столиком уже и вовсе не поднимала глаз от экрана.

Когда Вележевы на что-то отвлеклись, Динька подергала мужа за рукав:

— Слушай… это, наверное, неудобно… но я уже хочу спать, и… у меня голова что-то разболелась.

— Да-да, конечно, — без особой охоты кивнул Руслан. Будь его воля, он бы вообще никогда отсюда не ушел. Но надо было понимать, что, в отличие от него, Диана чувствует себя здесь

неуютно, и придется пойти ей навстречу.

Не без сожаления он распрощался с другом детства и его женой и вызвал такси — ради вечеринки машина, конечно же, осталась дома.

— Ну, что ты скуксилась? — спросил Руслан по дороге. — Как тебе вечер?

Динька неопределенно дернула плечиком:

— Прикольно, как на концерте побывала.

— А недовольная-то чего?

— Да так… — нехотя призналась Диана. — Мне скучно было. У вас свои разговоры, а я сидела там как дурочка.

«Была бы в теме — сидела бы как умная», — чуть не ляпнул Руслан, но вовремя сдержался. Обвинять кого-то за то, что он не такой, как ты, — верх идиотизма.

Домой он приехал буквально переполненный впечатлениями. Очень хотелось позвонить Володе, но было уже слишком поздно, пришлось дождаться утра.

— Обязательно мне говори, когда у вас будут следующие такие вот посиделки! — сразу попросил Руслан. — Я понял, что мне просто необходимо этим дышать.

— Беспременно будем дышать, — заверил Володя. — Мы и на даче так собираемся иногда, и

дома, в городе. Рад, что тебе понравилось.

Рус обратил внимание на то, что Володя сказал «тебе», а не «вам». Похоже, старый друг догадался, что у Диньки впечатления несколько другие. И тут же мелькнула невольная мысль: «А вот будь со мной Оля, ей бы наверняка тоже там понравилось…»

— От Люды тебе привет, — продолжал тем временем Володя. — Приглашает вас на дачу в следующие выходные.

— Я обязательно приеду, — заверил Руслан. — Снова музыкальные посиделки?

— Скорее семейные. Родители мои тоже будут.

— Здорово, — выдохнул Руслан.

Володины родители! Новый шквал воспоминаний…

— Я у них тут был на неделе, рассказал, что мы с тобой нашлись. Так мама просто вся засияла. Она тебя всегда любила. Да и отец… В общем, оба сгорают от желания тебя увидеть. Думаю, ты не против?

— Конечно, не против! — заверил Руслан. — Я тоже очень хочу… Слушай, хочется сделать им что-нибудь приятное. Что твоя мама любит? Я помню, тетя Света сластена была. Вечно пекла к чаю какие-то плюшки или сладкие пироги.

— Такой же сладкоежкой и осталась, — подтвердил друг детства. — Сейчас, конечно, уже старается ограничивать себя. Но хорошим шоколадным конфетам точно будет рада. Хоть и обязательно скажет, как это вредно.

— Так, с вредными сладостями решено. А дядя Костя?

— Отец, как и прежде, лишен каких-либо пороков, — засмеялся Володя. — К сладкому равнодушен, да и вообще к еде относится спокойно. Не курит, алкоголя не употребляет. Но без шахматной партии не отпустит! Вот здесь он всегда на коне. Сядет и давай какую-нибудь мудреную партию разбирать… Так что готовься!

— Да какой из меня игрок… игрец… — хмыкнул и Руслан. — Но я понял! Буду готовиться к позорному проигрышу дяде Косте. Слушай, ну смешно же, а? Мне полтос, а я: «тетя», «дядя»…

— Братишка, а вот сейчас ты не прав, — возразил Володя. — Так и продолжай их и в глаза называть, никаких отчеств. Это им как раз понравится. Как будто возраста убавит.

— Да, верно, я не подумал…

Распрощались, уговорившись созвониться накануне выходных и ехать на двух машинах, и Руслан сразу поспешил к жене.

— Динька, в следующую субботу едем к Володьке на дачу с ночевкой, — сказал Руслан, заглянув на задний дворик, где Диана загорала в шезлонге, прикрыв лицо соломенной шляпой.

Она выглянула из-под широких полей, помолчала.

— Зай… Можно, я не поеду? — неуверенно произнесла наконец. — Не обижайся только. Я понимаю, это твои друзья. И они наверняка хорошие люди. Но я прямо как не в своей тарелке с ними. Не знаю, как объяснить…

Объяснять не было никакой необходимости. Руслан предполагал, что так оно в конце концов и обернется, правда, не ожидал, что так скоро. Думал, что несколько раз Динька все же съездит с ним к Вележевым, прежде чем окончательно поймет, что в этой компании она чужая. А она, как выяснилось, почувствовала это сразу.

— Конечно, как хочешь, — заверил он.

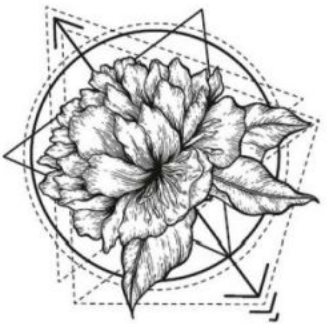
Собственно, Динька была абсолютно права. Что ей там, в сущности, делать? Приедут родители Володи, совершенно чужие, незнакомые ей люди. Они все будут радостно предаваться общим воспоминаниям о временах, где Диньки не было и в помине, и она будет только томиться, как тогда, в кафе. Пусть лучше посидит дома или съездит

куда-нибудь — в салон красоты там, или с подружками встретится. В общем, по собственным делам, а не по его.

Войдя в дом, Руслан и сам не заметил, как поднялся на третий этаж, в кабинет, где все так же скучал на столе забытый пазл. Рус сразу же нашел взглядом собранный фрагмент — мальчика, напомнившего ему Володю. А ведь правда, с этого пазла все и началось! Не будь головоломки, он, Руслан, и не надумал бы разыскать друга детства. Но Володька нашелся, и жизнь сразу изменилась, заиграла новыми оттенками, словно невидимая рука перевела стрелки его жизненного пути. Его поезд пошел по другим рельсам… Хотя нет, не поезд — самолет! Тот самый игрушечный самолетик, который держит мальчик на картинке пазла. И теперь этот самолет несет Руслана в новый прекрасный мир.

Интересно, а что-то еще получится сложить? Рус опустился в кресло и снова стал перебирать детальки. На одной из них обнаружилась кисть руки, держащая очки — старомодные такие, в массивной оправе. Что-то эти очки ему напоминали… Ну конечно же, как он мог это забыть?! Точно такие же очки были у его отца…

Фрагмент второй
Очки в толстой оправе



Глядя на кусочек картона, Рус поневоле снова ушел в воспоминания, как и пару недель назад, но теперь воспоминания были совсем другие. Думал он и о Володиных родителях, и о своих собственных. Пришла вдруг мысль, что воспоминания — это словно лестница вниз. Спускаешься с этажа на этаж, а там двери, двери, двери… И за каждой что-то спрятано. За одними то, что хочется воскрешать в памяти снова и снова, а за другими такое, что от одних только мыслей об

этом становится не по себе — то сдавливает сердце до сих пор не утихнувшей болью, то сами собой сжимаются в гневе кулаки, то заливаешься до самых ушей краской так и не изжитого стыда…

Как ни неприятно было это признавать, но за дверью с надписью «Отец» воспоминаний почти не сохранилось. Так, скорее только ощущения, чем воспоминания. Собственно, ничего удивительного в этом не было, потому что отца Рус не видел как минимум лет сорок пять, с тех пор, как тот ушел из семьи — «бросил их», по словам матери. Она редко и крайне неохотно вспоминала о бывшем муже и на все вопросы сына отвечала: «Он нас предал. Меня и тебя. Не хочу говорить о нем».

Казалось бы, после такой аттестации Руслан должен был бы ненавидеть отца. И все же то чувство, которое он испытывал к этому, по сути, фантомному образу, не было ненавистью. Скорее обидой. Обидой на то, что уход отца из семьи лишил его, маленького, чего-то очень важного, совершенно необходимого.

И — хорошего.

Потому что, несмотря ни на что, Руслан все равно сохранил о папе пусть и мизерные и весьма смутные, но удивительно приятные воспомина-

ния. Что-то на уровне ощущений — поскольку, как отец выглядел, Рус не помнил и даже не представлял. Ни одной папиной фотографии не сохранилось. Старых фото в их доме вообще почему-то не было: ни мамы в детстве, ни ее родителей. Мама была интересной женщиной — высокой, статной, с большими глазами и пышными каштановыми волосами, — но фотографироваться отчего-то не любила. Разве что с сыном. Вот фотографий Руслана у них действительно был полный дом — особенно снятых после того, как он начал заниматься танцами. А снимков отца не было ни одного. Только далекие-далекие смутные ощущения…

И теперь, сидя за письменным столом над фрагментом пазла, изображающим очки в толстой оправе, Рус вдруг сумел вернуться в те самые детские ощущения. Словно осветили фонариком темную комнату, и вокруг стали проступать очертания предметов. Он вспомнил, как спокойно и хорошо было, вскарабкавшись к отцу на руки, засыпать там, где было безопаснее всего. На руках отца… Кажется, Руслан даже почувствовал запах отцовского одеколона и прикосновение чуть шершавой щеки, когда папа его целовал.

«Капитан, капитан, улыбнитесь…»

Чей это голос? Конечно отца, ведь он частенько напевал сыну эту песенку. А Руслан слушал и снимал с него очки, чтобы разглядеть папины глаза. Его серые глаза в разбегающемся веере лучиков-морщинок, которые у отца всегда появлялись от улыбки. Глаза его улыбались, а без очков взгляд как будто слегка делался беспомощным. Еще Рус вспомнил, что, когда он снимал с отца очки, глаза того словно становились больше. Ну, правильно: очки же для дали, с минусовой диоптрией. Но ребенком-то он таких вещей не знал и всегда видел в этом маленькое волшебство.

Отец…

И вдруг как озарение откуда-то свыше, дарованное особыми, неподвластными человеческому пониманию силами, пришла мысль: ведь он, Руслан, вообще ничего не знает о своем отце. Даже фамилии — потому что мать после развода дала ему свою. Не говоря уже обо всем остальном: кто тот по специальности, где живет, когда родился и сколько ему сейчас может быть лет. Если он вообще жив…

Внезапно Руслана охватил настоящий ужас. Ведь он уже давно лишился матери. А отец?! Его Рус потерял и вовсе рано. И даже став взрослым, ни разу за всю жизнь не сделал и попытки хоть

что-то узнать о нем.

Но это ведь, в сущности, бесчеловечно. Тем более что отец для него всегда был хоть и далеким, но таким светлым воспоминанием. Конечно, в детстве Рус никоим образом не был способен отстоять свою позицию перед матерью и предпочел просто никогда не упоминать о папе, чтобы, как обычно, не огорчать маму.

Но теперь-то ситуация совсем другая!..

* * *

К дому Володи Рус прибыл в субботу точно в девять утра, как договаривались. Пожал руку другу, вышедшему из подъезда с большой пузатой сумкой, и уточнил:

— Динька не поехала.

Володя лишь понимающе кивнул в ответ:

— Твоего тезку тоже сегодня не ждем. У какой-то родственницы Катерины, его девушки, репетиция свадьбы.

— Тематической. В стиле «Русских Супергероев», — уточнила следовавшая за мужем Людмила.

— Ух ты! — присвистнул Руслан. — Надо будет потом фотки посмотреть.

Загрузились по машинам и отправились за

Володиными родителями, которые, как выяснилось, действительно жили совсем недалеко, буквально на соседней улице.

Володина мама узнала Руслана с первого взгляда. Всплеснула руками, крепко обняла, а потом отстранилась, чтобы получше рассмотреть.

— Ну надо же, какой ты стал… Прям красавец-мужчина. Как кинозвезда.

А он тоже во все глаза смотрел на нее и узнавал. Оказывается, она совсем невысока ростом, едва достает ему до плеча. Волосы, прежде русые, теперь стали совсем белыми. Короткая стрижка ей очень к лицу. Да, постарела, конечно, но не одряхлела и не сгорбилась, не потухла взглядом.

— Вы почти не изменились, — искренне произнес он. — Выглядите великолепно.

— А зубы-то какие, а! — подмигнув, похвасталась она в ответ на его комплимент и продемонстрировала голливудскую улыбку, а потом с гордостью поделилась:

— Дети подарили недавно.

Тут подошел и тоже немного постаревший, но полностью узнаваемый дядя Костя, шутливо ворча:

— Дайте и мне приложиться-то. Припасть к телу, так сказать. А то оттеснили старика… А ты

и впрямь красавец вымахал. Спортивный, форму держишь, молодцом! Танцуешь еще?

Совершенно неожиданно для себя Руслан прокрутил легкое фуэте прямо на асфальте.

— О как! — крякнул дядя Костя, а тетя Света захлопала в ладоши.

— Не танцую, дядя Костя, — сокрушенно признался Руслан и осекся. — То есть я хотел сказать — Константин Владимирович.

Тот махнул рукой:

— Как называешь, так и называй. Что еще за церемонии?

— Хорошие мои, может, поехали? — взмолилась Люда. — А то шашлыки протухнут, жарко ведь… И никакая сумка-холодильник не спасет.

И все дружно послушались, без всяких возражений отправились рассаживаться по машинам, продолжая болтать и смеяться. Несмотря на годы и появление в семье новых лиц, у Вележевых все было по-прежнему. Дружная семья, где общаются легко и с теплотой. Как и тогда…

Родителей Володи усадили в машину сына, нагрузили до отказа пустой багажник Руса — Володя попросил ничего съестного с собой не брать.

— Перебор будет, — предупредил он. — Мама так рассуетилась — она ведь заготовками зани-

мается, так столько банок тебе припасла, что бо'льшую половину на дачу не возьмем, а оставим у тебя же в багажнике. С собой увезешь.

— Вот кто бы спорил! Тети-Светины заготовки — это м-м-м… — Руслан прищелкнул языком и мечтательно закатил глаза. — Не поверишь, до сих пор помню ее кабачковую икру. Никакая другая с ней не сравнится.

— Что же — поверю, — возразил Володя. — Мамуля только совершенствуется с годами. Это ты еще ее огурцы не пробовал!

После недолгих обсуждений решили, что Люда сядет за руль Володиного авто и повезет старшее поколение, а друзья детства поедут на машине Руслана.

Всю дорогу говорили о детях — вернее, как уже повелось, говорил в основном Рус, а Володя только слушал да изредка задавал наводящие вопросы. Руслан рассказывал о дочке, которая собралась летом с подругами на рафтинг по реке где-то в Нижегородской области. От такой новости Рус здорово разволновался, пришлось даже с Олей переговорить. Хотя, впрочем, слово «пришлось» тут совсем не подходило. На самом деле он был только рад, когда находился предлог позвонить Ольге, а еще лучше — встретиться с

ней. Ему все еще хотелось видеть бывшую жену, нравилось общаться с ней, даже просто слышать голос в телефоне. Но — и в этом Руслан пока что не признался даже Володе — просто так, без повода, общаться у них не получалось. Да и с поводами, честно говоря, не очень хорошо выходило… Так что, с одной стороны, Рус был даже где-то как-то рад, что у дочки возникла такая идея, но что касается самого рафтинга — тут он был против категорически. Сразу же связался с Олей и высказал все, что думает по этому поводу. Что еще за фантазии? Девочке всего пятнадцать лет. Разве можно отпускать ее, считай, одну в длительный поход, да не просто поход, а сплав по реке? Он как отец категорически возражает.

Однако бывшая жена отнеслась к Мышкиной затее на удивление спокойно. Явно повторяя с чьих-то чужих слов, Ольга заверила, что рафтинг предполагается совсем простенький, для начинающих. Река безопасная, мелкая, не быстрая, плавает их дочь очень хорошо. Участвует в рафтинге целая группа, в основном семьи с детьми, многие меньше Мышки, самому младшему вообще всего лишь пять. Будет много взрослых, а ведет их в поход опытный инструктор — отец Мышкиной подруги, чью семью Ольга хорошо

знает и полностью доверяет им. Руслан выслушал ее аргументы, но продолжал настаивать, и в итоге разговор закончился так же, как чаще всего у них с Олей случалось после развода — ссорой и взаимными обидами.

— И что же вы в итоге решили? — поинтересовался Володя, выслушав эмоциональный монолог друга.

— Да, по ходу, Мышка все же поедет… — нехотя признал Рус, не забывая, однако, глядеть на дорогу. — Будь я с ними, конечно наотрез бы отказал ей. Но мы в разводе — и получается, что мой голос уже как будто и не имеет силы. Хотя ведь это чушь собачья! Разве мужчина перестает быть отцом, когда разводится с матерью своих детей?

— Всякое бывает… — хмыкнул друг детства. — Но у тебя, конечно, совсем не тот случай. Пить хочешь?

— А? Нет, спасибо. А Ольгу я вообще понять не могу! — продолжал Руслан, притормаживая на светофоре. — Как можно быть такой беспечной! А вдруг с ребенком что-то случится? Они еще даже не уехали, а я уже сам не свой от тревоги за Мышку.

— Не только за Мышку, — откликнулся Володя, открывая бутылку воды. — За себя тоже. Соб-

ственно, почему мы так боимся, что с нашими близкими что-то случится?

— Как это «почему»? — удивился Руслан. — Потому что любим их. И желаем им только хорошего.

— Это, конечно, верно, — кивнул Володя и сделал большой глоток. — Но боимся мы не только за них, но и за себя. Боимся той боли, которую обязательно испытаем, если с ними случится несчастье. И тут нет ровным счетом ничего такого, чего следовало бы стыдиться или скрывать. Это не эгоизм или что-то подобное, а всего лишь проявление инстинкта самосохранения. То есть того, что главным образом помогает нам всем выживать в этом непростом мире.

— Гм… — хмыкнул Рус, на миг оторвав взгляд от шоссе, но тут же вернулся к управлению автомобилем. — Признаться, я никогда не думал об этом в таком аспекте. Возможно, ты и прав… Знаешь, вот поделился с тобой — и вроде действительно как-то меньше стал волноваться за Машку. Эх, если бы с Егором было так просто…

— Ты, кстати, о нем так и не рассказал, — заметил Володя, закручивая крышку на бутылке. — Сколько ему сейчас лет? Чем занимается? Где учится?

— Ох, тут сложно все… — покачал головой Руслан. — Ему девятнадцать. И нигде он пока не учится. Сказал, что хочет взять после школы год, ну, как на Западе, Gap year. Он всегда любил спорт, а в старших классах увлекся горными лыжами. После выпускного сразу рванул в Красную Поляну. Устроился там куда-то то ли в мастерскую спортинвентаря, то ли сторожем, то ли официантом… Я, признаться, смутно себе представляю, что там летом на этих горнолыжных курортах делается. Но так или иначе, а к началу сезона сумел полностью экипироваться. Подработал, что-то с рук купил, привел в порядок… Во всяком случае, у нас с Олей денег не просил.

— Что ж, это делает ему честь, — похвалил Володя. — Молодец.

— Молодец, — вынужден был признать Руслан. — И теперь круглый год в Сочи пропадает. Домой только наездами, в межсезонье. Летом подрабатывает там, где и чем может, зимой катается. Моего мнения, как ты понимаешь, и тут никто не спросил. Со мной-то он по-прежнему не разговаривает, я только через Машу и Олю иногда что-то о нем узнаю… Погоди, мы что, приехали уже? Так быстро?

— Ну да, я ж говорил, что дача у нас недалеко, —

кивнул Володя. — Вон наш дом, третий от угла.

Открыли ворота, въехали на участок, припарковались на специально отведенной для этого площадке, где уже стояла Володина машина. Стали разбирать вещи, и с заготовками в его багажнике вышло именно так, как и предсказывал друг детства.

— Вот, Русик, — строго заявила тетя Света, забрав из обширных запасов всего две банки. — А это все повезешь к себе домой. Тут огурцы, опята, лечо, свекла с яблоком, варенья три вида… Икра кабачковая. Помню, ты в детстве душу за нее готов был продать.

— Я и сейчас могу! — рассмеялся Руслан. — Спасибо… Это уж подарок так подарок.

Уже в доме он вручил родителям друга свои гостинцы. И снова все вышло в точном соответствии со словами Володи: тетя Света обрадовалась элитным шоколадным конфетам, а дядя Костя — редкому сборнику, посвященному шахматному турниру в Дебрецене двадцать пятого года прошлого столетия.

— Издание, понятно, репринтное, — пояснил Рус. — Зато переплет хороший.

— Уважил старика, — покачал головой довольный дядя Костя. — Будет чем заняться долгими

зимними…

— Рус, а ведь и у нас для тебя еще кое-что есть, — таинственно произнесла тетя Света и извлекла небольшой подарочный пакет. — Ну, это так. Небольшие воспоминания детства.

Руслан заглянул — внутри была винтажная кобальтовая чайная пара.

— Из тех самых? — ахнул Руслан.

— Из тех, из тех…

— Невероятно. Вот спасибо. Я ведь недавно эту чашку вспоминал, и… вообще всё-всё… — он был так растроган, что не мог подобрать слов.

Володя уже колдовал у уличного мангала в глубине сада. Люда тоже что-то готовила, и от помощи Руслана оба отказались категорически. Мол, сами справимся, а ты иди с родителями пообщайся, они так хотели тебя видеть.

И Руслан не без охоты повиновался.

Сели втроем на открытой веранде, разлили по стаканам мятный лимонад, неторопливо поговорили о том о сем — кто как да у кого что. А через некоторое время, когда в разговоре возникла пауза, у Руслана вдруг само собой вырвалось:

— Скажите, а вы знали моего отца?

Володины родители переглянулись, на их лицах отразились удивление и некоторая рас-

терянность, и одинаковое выражение на миг сделало пожилых людей похожими друг на друга, словно они были не супругами, а братом и сестрой.

После долгой паузы тетя Света осторожно подтвердила:

— Да… Мы знали его. Приятельствовали. Можно даже сказать — дружили, особенно Костя.

— Пожалуйста! Расскажите мне о нем! — попросил Руслан и, видя, что выражение растерянности не сходит с их лиц, торопливо пояснил: — Я сам помню об отце так мало… а знаю и того меньше. Мама вообще ничего о нем не говорила. Ну, кроме…

Он запнулся.

— Мы понимаем, — вздохнула тетя Света, опять помолчала и затем уточнила: — Володя нам сказал, что Галины Николаевны… больше нет?

Рус кивнул молча.

— И она тебе действительно ничего не рассказывала об отце? — спросил дядя Костя.

— Нет, — мотнул головой Руслан. — Она вообще не любила говорить о прошлом. Даже о своем детстве ничего не рассказывала. И о папе она за всю жизнь не сказала ни слова… Ну, кроме того, что он бросил нас. Я правильно понял, что он

ушел к другой женщине?

И, увидев, как снова переглянулись его собеседники, предположил:

— Или все было не совсем так?

– *Совсем* не так, — буркнул дядя Костя, подчеркнув интонацией первое слово.

— Так расскажите, как было на самом деле! — почти взмолился Рус. — Почему они разошлись?

— Русик… — снова помолчав, осторожно проговорила тетя Света. — Не думаю, что рассказывать тебе об этом должны мы. Ведь это твои родители и их отношения. Да, мамы твоей больше нет. Но очень надеюсь, что с твоим отцом все в порядке, пусть мы и давно потеряли друг друга из виду. И о том, что между ними произошло, вправе рассказывать только они.

— А я что же? — мотнул головой Рус. — Разве я не имею права знать о своем отце?

— Об отце — имеешь, — твердо сказал дядя Костя. — И я с удовольствием расскажу тебе о нем, потому что он был прекрасным человеком. Хочется верить, что и остается. Не в том смысле, — тут же поправился он, — что Боря изменился, в такое трудно поверить, а в том, что он жив и здоров. Так что слушай.

Дядя Костя допил последний глоток лимона-

да, снова наполнил стакан, откинулся на яркие диванные подушки и неспешно приступил к рассказу, в который тетя Света периодически вставляла уточнения и дополнения. А Руслан жадно внимал, боясь пропустить хотя бы одно слово.

Выяснилось, что дядю Костю и Бориса, отца Руслана, подружили именно они с Володькой — будучи совсем крохами. Тетя Света на момент рождения первенца еще училась в институте, и муж всячески помогал ей закончить учебу. В выходные дни и вечерами после работы он подолгу гулял с коляской, чтобы жена могла позаниматься и немного отдохнуть. Тогда такое было редкостью: в советское время считалось, что детьми, как и всем домашним хозяйством, должны заниматься женщины, мамы и бабушки, а дело мужчины — обеспечивать семью, а не возиться с младенцами. При этом факт, что женщины работали (за исключением недолгого декретного отпуска) наравне с мужчинами, да и зарабатывали не меньше, а иногда и побольше, в расчет отчего-то не принимался. Соседи, особенно бабушки и молодые мамы, с недоумением, а порой и с осуждением поглядывали на длинноволосого парня в брюках-клеш, нарезающего

с коляской круги по двору. Потому Костя и был особенно рад встретиться с Борей — «товарищем по счастью», как кто-то из них пошутил в первые же минуты знакомства. Худощавый, коротко стриженный, с застенчивой улыбкой и в очках с толстой оправой, Борис был воплощением типажа «скромного интеллигента», который в те годы был персонажем каждого второго отечественного фильма. Он, как и Костя, часто гулял с месячным сыном Русланом, так что вскоре молодые отцы стали «совмещать приятное с полезным» — созванивались и выходили во двор в одно время. С Галиной, мамой Русланчика, Вележевы тоже вскоре познакомились, но с ней дружба как-то не завязалась, уж очень они были разными. Рассказывая сейчас об этом, дядя Костя и тетя Света изо всех сил старались не лепить ярлыков и не давать никому оценок, особенно негативных, но даже по их более чем тактичным формулировкам Рус сразу представил себе картину — ведь свою мать, в отличие от отца, он прекрасно знал. Конечно, у интеллигентных Вележевых было мало общего с разбитной, энергичной и малокультурной Галей, превыше всего в жизни ставившей материальные блага.

Как оказалось, по взглядам на жизнь и системе

ценностей отец оказался гораздо ближе к Вележевым, чем к маме. Борис был мягким, скромным, вежливым, хорошо образованным и совершенно непрактичным. Только сейчас Руслан впервые узнал, что его отец, оказывается, окончил математический факультет педагогического института, после чего его по распределению отправили преподавать в техникуме. Техникум коммунального хозяйства (или как он там тогда назывался?) считался далеко не самым престижным местом работы, и остальные выпускники всеми силами постарались избежать такого распределения. Вот и досталось место скромному и безотказному Борису, который был несказанно рад уже тому, что его оставили в Москве, а не отправили куда-нибудь за Урал.

Именно там, в техникуме, он и познакомился с Галиной Левашовой. Та приехала в Москву из Липецкой области, как это тогда называлось, «по лимиту». Поработала несколько лет на заводе, потом устроилась в ЖЭК, там тогда была реальная перспектива через несколько лет получить квартиру в столице. Попав в систему коммунального хозяйства, Галя решила в ней остаться, сделать карьеру. Но для этого необходимо было образование, хотя бы среднее специальное, — вот она

и поступила в техникум, где и увидела молодого преподавателя математики.

Завидным женихом Бориса трудно было бы назвать — не красавец-спортсмен, не душа компании, не сын обеспеченных влиятельных родителей. Ни дачи, ни машины, зарплата скромная, жил в коммуналке с братом и родителями, отец — инвалид войны. В общем, никакой не принц на белом коне, просто хороший и добрый человек. Но у многих не избалованных богатством выбора молодых коллег-преподавательниц и студенток он пользовался успехом, что, впрочем, в силу природной скромности и невысокой самооценки почти не замечал. Зато его заметила Галя и сразу оценила по достоинству: москвич, непьющий, внешне симпатичный, да еще и добрый, мягкий, покладистый.

Слушая рассказ Володиных родителей, Рус так и не понял, любила ли мама отца или просто прибрала его к рукам, потому что хотела замуж, да и «возраст уже поджимал» — ей на тот момент было около тридцати, она была старше отца. А вот Борис однозначно влюбился. Романтик, знавший жизнь только по хорошим книгам, будущий отец Руслана принял то, что происходило между ним и Галей, за счастливую любовь. Галя

— яркая, бойкая, настойчивая, приглашала его к себе в общагу, кормила его любимыми блюдами, лепила пельмени, даже пироги пекла. Борина собственная мама-учительница готовила так себе, да и не до пирогов ей было — на руках муж-инвалид. А тут тебе — и угощение, и забота, и смотрят ласково… Ну и секс конечно. Дядя Костя со свойственной их семье деликатностью на эту тему ничего не говорил, но Рус и сам догадался, что у его двадцатитрехлетнего отца Галина, возможно, и вовсе была первой женщиной… Пока она еще училась в техникуме, Борис стойко держал оборону, но как только Галя получила диплом, сдался и уже той же осенью повел свою бывшую студентку в ЗАГС. Почти сразу же после свадьбы Галина забеременела и еще до рождения сына сумела выбить для своей молодой семьи двухкомнатную квартиру в том же дворе, где тогда жили Вележевы — тоже молодожены, только что произведшие на свет Володю.

Первое время у Бориса и Галины Арефьевых шло ни шатко ни валко, но с каждым месяцем семейная жизнь все меньше напоминала безмятежное счастье. Руське не было и полугода, когда Галя вышла на работу — молодой семье нужны были деньги. Сыном чаще занимался

Борис, у него, как у преподавателя, было больше свободного времени. Понимая, что в смысле культурного уровня жена сильно ему проигрывает, он старался ее «образовывать», рассказывал, объяснял, водил на хорошие фильмы, в музеи, театры и на концерты, приносил книги, зачитывал ей выдержки из того, что самостоятельно она никогда бы не осилила. И до свадьбы Галя на все это соглашалась, даже делала вид, что нравится, ходила с мужем «просвещаться», и книги иногда читала, и слушала, что тот ей читает. Но с рождением ребенка все «образовывание» сошло на нет. Устав притворяться, Галина вновь стала самой собой и начала посвящать выходные не чтению и походам с мужем на выставки, а промтоварным магазинам, сплетням с подругами по телефону и обсуждению, кто что купил. Пельменей и пирогов в домашнем меню становилось все меньше, но страдал Борис, конечно же, не от этого, а от того, что в семье не стало понимания. Да и было ли оно когда-нибудь вообще — между такими разными людьми? «Стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой», — цитировала Пушкина Светлана, глядя на чету Арефьевых. Очень быстро стало ясно, что общего у этих двоих только одно — любовь к сыну, в котором оба

действительно души не чаяли. Борис не говорил о своих переживаниях другу, не жаловался, не было у него такой привычки, но Косте все было понятно и так. Он догадывался, что в семье друга больше нет супружеской любви — если она вообще когда-то была со стороны Гали. Но ясно было и то, что Борис хоть и понял, что счастья с женой не будет, все равно не собирался ничего менять и намерен был сохранять семью — ради сынишки.

Вот только жизнь распорядилась иначе.

В один совсем не прекрасный день Борис сказал другу, что разводится с Галиной. Что послужило причиной, для Руслана осталось тайной, Вележевы ему этого так и не сказали. Узнал он только то, что разрыв родителей оказался окончательным и бесповоротным. Галя выставила мужа из дома, и тот безропотно собрал свои немногочисленные пожитки и ушел.

— Ты попробуй понять их обоих, Русик, — говорила тетя Света, отодвигаясь от заглянувшего на веранду солнца. — Тут ведь важно не то, кто прав, кто виноват и насколько виноват, — дело прошлое… Важно то, что они оба тебя очень любили. Для Галины ты вообще весь свет в окошке был. Она ведь день и ночь мечтала только о том, чтобы ты был счастлив — в ее представлениях

о счастье, конечно. Чтоб у тебя была московская квартира, дом полная чаша, высшее образование, престижная непыльная работа. Она страшно боялась, что с тобой что-нибудь случится, что ты в плохую компанию попадешь или того похуже. Отчаянно боялась потерять тебя. Вот она и тряслась над тобой, как орлица над орленком…

Руслан в ответ только кивнул — о маме он все знал не хуже Вележевых.

— А что папа? — спросил он.

— Борис тоже очень любил тебя, — это сказал уже дядя Костя. — Но Галя после развода так злилась на него, что и тебя маленького настроила против отца. Каждый раз, когда Боря пытался встретиться с тобой, ты кричал ему: «Уходи, ты плохой! Я тебя не люблю!» Плакал, с кулаками на него бросался, а потом убегал.

— Не передать, как нам тогда было тебя жаль, — тихо сказала тетя Света. — Конечно, было понятно, почему ты так себя вел. Малышу невозможно справиться, когда такие противоречия. Ты ведь и папу любил, и маму. Но папа теперь был далеко, а мама оставалась с тобой. Накручивала тебя, и ты ее слушался. Мы тогда втроем с Борисом посовещались и решили, что надо дать тебе время, не травмировать тебя пока встречами.

— Пока мы жили с вами рядом, — продолжал дядя Костя, — то часто перезванивались с Борей. Он потом уехал из Москвы, но по межгороду звонил. Все расспрашивал, как ты. Мы рассказывали. Как ты растешь, как учишься, чем интересуешься, как не на шутку увлекся бальными танцами. Мы-то все это знали от вас с Володькой. А Боре, как разведчику, приходилось добывать сведения окольным путем… Но тебе об этом мы не говорили ни слова.

— Решили, что для тебя так лучше, — пояснила тетя Света. — Тебя же Галя так против него настраивала…

— Ну а потом мы переехали в Ясенево, — закончил рассказ ее муж. — Тебя больше не видели и с Борей потихоньку потерялись. Знаешь, как это бывает…

— И вы не знаете, где он сейчас? — глухо спросил Руслан. — Хотя бы жив ли?

Константин Владимирович и его жена с сожалением покачали головами — почти в унисон.

— Знаешь, Русик, — мягко сказала тетя Света. — Ты только не вини себя ни в чем, прошу. Ты был слишком мал, чтобы хотя бы понимать, что происходит.

Руслан впервые поднял глаза и прямо посмот-

рел на Володиных родителей.

— Странно я себя чувствую, — сказал он. — Словно весь мой привычный мир вдруг рассыпался… Как пазл, знаете? На кусочки.

Тетя Света ободряюще положила теплую ладонь на его руку.

— Все образуется, Русик. Вот увидишь.

А дядя Костя похлопал его по плечу:

— Всё в наших руках.

Эту последнюю фразу и услышала Люда.

— В наших руках сейчас будет замечательный шашлык, — торжественно объявила она, поднимаясь на веранду. — Идемте, все готово!

Что надо для счастья человеку? Пожалуй, именно быть в обществе дорогих ему людей. И разделять с ними вкусную еду. Как раз во время еды происходит особенное сближение. То самое сакральное «преломить вместе хлеб». Возникает какая-то особая общность, не понятная больше никому постороннему. Это так прекрасно — хотя, по сути, ведь такая малость. Почему же мы отказываем друг другу в этой малости, крадем друг у друга и у себя самих кусочки счастья, сами, своей волей вынимаем их из общей картины? Жизнь ведь не такая уж и длинная…

Это был чудесный день, и Руслан наслаждал-

ся каждой его минутой, каждым мгновением. Ему нравилось здесь все — большой участок, аккуратная полянка для барбекю с беседкой и мангальной зоной затейливой ковки, ухоженный огород, где только недавно вскопанные и засаженные грядки разбегались от центральной, как солнце, — расходящимися лучами. И дом с двумя этажами и маленькой мансардой, которую все с улыбкой называли «мезонином». В каждой комнате ощущался необыкновенный уют, который рождали мелочи. То вязаный оранжевый человечек верхом на подушке, то цветок в причудливом кашпо, то забавная этажерка из необструганных березовых полешек, то мохнатые коврики, в которые так приятно зарываться пальцами ног. «У меня дома совсем не так уютно», — вдруг подумал Руслан, но вслух этого говорить не стал. Как не высказал и другой промелькнувшей мысли: если бы сейчас с ним были Оля и дети, он был бы абсолютно, полностью счастлив.

Вечером пили чай — Руслан из синей кобальтовой чашки, теперь уже своей, «законной». И играли в лото. Какая мирная, домашняя, семейная, старинная игра! Как она напоминает блаженное время, когда не надо никуда спешить, лететь, решать проблемы. Просто — отдыхать.

Просто — жить…

И спалось Руслану в ту короткую майскую ночь на диво хорошо. Он попросился в мансарду, где пахло свежестью и цветущей сиренью, и уснул, едва голова коснулась подушки.

Проснулся он рано, долго лежал, глядя в окно на небо, и думал, думал, думал. Пока где-то внутри не созрела твердая решимость.

И сразу после завтрака засобирался.

— Куда же ты, Русик? — искренне огорчилась тетя Света. — Мы хотели тебя на озеро сводить. И в лес. Правда, ни грибов, ни ягод пока еще нет…

— Все будет, — с улыбкой заверил он. — И грибы, и ягоды. И на озеро сходим — если еще позовете меня сюда, конечно. А пока…

И, выслушав заверения, что ему всегда будут тут рады, отправился складывать свои вещи. Хотя собирать было особо нечего — зубную щетку, спортивный костюм, в котором он тут ходил, да с благодарностью принятый подарок — синюю чашку.

— Я смотрю, ты на что-то решительно настроился, — заметил Володя, поднявшись в мансарду. Он уже был в курсе, что родители рассказали Руслану о его отце.

— Мне правда надо ехать, — кивнул Рус. — Все

обдумать, все осмыслить. Вчера я столько узнал… И теперь я чувствую себя… немного другим. Как будто повзрослел. Как ты считаешь, можно ли повзрослеть после пятидесяти?

— Смотря что ты подразумеваешь под этим словом, — серьезно ответил друг.

Руслан задумался над формулировкой.

— Ну… Наверное, когда научаешься получать удовольствие от ответственности и исполнения своих обязанностей.

— Удивительно хорошее и точное определение, — оценил Володя. — Украду мысль, можно?

— Дарю с удовольствием. Но смех смехом, а у меня такое чувство, что я начал вдруг что-то осознавать. Что-то, чего не понимал раньше.

— Что ж тут смешного, — возразил Володя. — Вся наша жизнь состоит из осознаний. Практически каждый день. Если процесс остановился — мы умерли… Давай, братишка, не пропадай надолго.

Они пожали друг другу руки, привычно сложив шрамики на ладонях.

Руслан ехал осторожно — помнил, что в багажнике банки. Пусть и упакованные по всем правилам, но все же…

Пока он добрался к себе, погода начала пор-

титься. Поднялся ветер, захлопал створками растворенных окон квартиры в таунхаусе. Диньки видно не было, и Рус не стал ее искать. Он решил выпить белого чаю и достал подарочный пакетик с кобальтовой чашкой. Ее вид немного успокоил, как и первый же глоток ароматного напитка. И сразу после этого в кухне появилась Динька.

— Ух ты, какая раритетная фигня! — она потянулась к чашке, видимо, рассмотреть поближе.

— Сама ты раритетная фигня, — неожиданно разозлился Руслан.

Встал из-за стола, забрав с собой чашку, и поднялся к себе в кабинет. Вот, пожалуй, чем он займется. Пазл! Руслан решил еще раз взглянуть на очки, напомнившие ему об отце, и внезапно обнаружил, что совпали еще несколько фрагментов картинки. Как же он раньше-то не заметил? Вот рукав свитера, бежево-желтого, ну вот же он, манжет! Так, дальше…

Это состояние было сродни трансу — углубление и сосредоточение. Руки Руслана существовали словно отдельно от него самого. Они подбирали картонные кусочки, передвигали их, составляя не просто картинку. Каждый сложенный кусок будто становился фрагментом его собственной

утраченной жизни…

Наконец сложилась еще часть пазла. И теперь с собранного куска на Руслана смотрели мудрые и печальные глаза старика, сжимавшего в руке очки в толстой оправе. Подумалось вдруг, что старик может быть похожим на его отца. Таким, каким отец мог стать сейчас. Судя по рассказам Володиных родителей, отцу в этом году должно было исполниться семьдесят пять.

— Я тебя найду, — прошептал ему Руслан. — Обязательно. Ты только будь жив. Пожалуйста…

Больше всего удивило то, что и в другом собранном кусочке — с мальчиком — тоже что-то неуловимо изменилось, но понять, что именно, было невозможно. А остальные части пазла по-прежнему не подходили друг к другу настолько, что даже оставалось неясно, что изображено на картине. Загадка! Но такая притягательная…

Не откладывая дело в долгий ящик, Руслан открыл ноутбук, вышел в интернет и набрал в строке поисковика данные отца: имя, фамилию, отчество, год и место рождения. Результат оказался нулевым. Ну что ж, никто и не ожидал, что будет легко…

Рус спустился в кухню, сполоснул и поставил чашку, заглянул на веранду. Динька с кем-то

вполголоса говорила по телефону, но, увидев мужа, прикрыла динамик рукой и спустилась во внутренний двор, хотя уже начал накрапывать дождь. Девчачьи секретики? Или все еще обижается после их недавней размолвки? Впрочем, почему — размолвки? Они не ссорились. Просто… Ладно, потом.

— Я — спать, — сообщил ей вслед Руслан.

Он вдруг почувствовал, что очень устал. Надо же, настал вечер. Вроде бы только что день был. А завтра на работу.

* * *

В офисе все шло своим чередом. Обычный будний день, обычная работа над обычными проектами. Вся коммуникация, весь обмен информацией велись через сеть, дистанционно. Процесс был у Руслана настолько налажен, что не было особой необходимости приезжать сюда, но он все равно старался выбраться в офис хотя бы два-три раза в неделю. «Чтобы подчиненные не забыли, как выглядит начальник отдела», — шутил он. Но сам считал, что, какой бы хорошей ни была команда, позволять народу расслабляться все равно нельзя. Сколько труда ему стоило вновь наладить работу в офисе после того, как

закончилась самоизоляция из-за пандемии! Ребята тогда избаловались, привыкли работать из дома, сидеть за компьютерами в трусах — хотели и дальше так продолжать, слезно просили сохранить дистанционный режим; Вадик, ведущий специалист, даже чуть было не уволился из-за этого. Но Руслан, как обычно, настоял на своем.

В обеденный перерыв, попивая кофе с круассаном, Рус позвонил другу детства.

— Привет, не отвлекаю?

— Привет, братишка, — отозвался тот. — Как раз вовремя. У меня следующий клиент только в три. Как ты? Ты, как я заметил, уехал, будто на грани какого-то решения.

— Да не то чтобы решения. Скорее, осознания. Я понял, что мне необходимо срочно разыскать отца.

Володя усмехнулся в трубке.

— Родители мои тем же самым озаботились. Вчера весь вечер перебирали старых знакомых, думали-гадали, кто может о Борисе Васильевиче что-то знать.

— Бог даст, что-нибудь получится, — от души пожелал Руслан. — А я пока его через техникум поищу.

Он и правда занялся этим, и результат не

заставил себя ждать — разумеется, снова отрицательный. Никакого техникума коммунального хозяйства в Москве давно не существовало, специалистов нужных направлений готовили в разных колледжах.

Но зато родителям Володи повезло больше. Они развернули кипучую деятельность и какими-то сложными путями, что называется, козьими тропами, через какого-то соседа по старому дому, вышли на одну из бывших учениц отца, которая как-то раз случайно встретила его в метро. И Борис Васильевич рассказал ей, что лишь недавно вернулся с Севера, где жил и преподавал больше двадцати лет. А теперь собирается поселиться «на исторической родине, у истоков» — в Рязанской области, откуда был родом его дедушка, перебравшийся в Москву еще до революции. Смущало то, что эта встреча бывшей студентки и преподавателя состоялась очень давно, чуть ли не в девяностые. Но зато та самая бывшая ученица даже назвала место, где планировал поселиться Борис Васильевич, — то ли деревня, то ли село под названием Муромское.

— Она запомнила, потому что в то время выступала в народном ансамбле, — объяснил Володя. — И у них песня в репертуаре была «На

муромской дорожке».

Руслан торопливо записал название на первом, что попалось под руку, — бумажном пакете, в котором вчера доставили ужин из рыбного ресторана.

— И это все, — закончил рассказ друг детства. — Ничего более свежего найти не удалось, уж не взыщи. Чем богаты…

— Очень даже богаты. Очень, — заверил Руслан. — Спасибо тебе, дорогой мой. Это очень полезная зацепка. Буду искать, что это за Муромское такое.

Никакого Муромского, ни деревни, ни села, в Рязанской области не обнаружилось. Зато нашелся рабочий поселок Мурмино, оказавшийся довольно интересным местом, историческим, известным с шестнадцатого века, когда он звался «сельцо Муромино» и принадлежал рязанскому архиепископу. Руслан пробежал глазами историческую справку, впрочем, не особо вдаваясь в подробности. Сейчас «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» его совершенно не интересовали. Гораздо больше внимания привлекло то, что в населенном пункте с тремя тысячами жителей имелась своя школа. Логичнее всего предположить, что если отец решил

осесть в Мурмино, то работал именно в этой школе. Возможно, это, конечно, просто его, Руслана, фантазии… Ну, ничего. Главное — что-то делать. И прямо сейчас.

Телефон школы отыскался быстро, но трубку никто не взял. И не брал, сколько бы и в какое время Руслан ни названивал. Это было странно — на дворе конец мая. Учебный год уже заканчивается, но ведь еще экзамены впереди, уходить в отпуска учителям явно рано. Он отыскал адрес электронной почты, оправил письмо — но ответа тоже не получил.

Что ж, если гора не идет к Магомету… Рус прикинул маршрут по карте и выяснил, что на машине можно добраться часа за четыре. Неплохо. Можно даже выехать не особенно рано, скажем, около восьми утра, — и к полудню он будет уже на месте. Походит по поселку, поговорит с местными из тех, что постарше. В таких небольших местечках все про всех знают.

Русланом почему-то овладело нешуточное беспокойство. Он торопился, словно чувствовал, как само время подгоняет его, чтобы он исправлял ошибки прошлого. Ведь не зря говорят: «Ошибка, которую можно исправить, — это не настоящая ошибка, а лишь еще не выполненная задача».

Только бы не оказалось поздно…

— Динь, мне нужно будет уехать на день-другой, — объявил Рус жене тем же вечером.

— И куда? — поинтересовалась та, снимая с подставки блендер, в котором только что приготовила себе овощной смузи.

— В Мурмино. Это поселок в Рязанской области.

— Что еще за хрень?! — Холеная рука с изящным маникюром замерла над стаканом, в который еще мгновение назад лилась густая зеленая смесь. — Зачем тебе в эти пампасы?

— Я еду искать отца, — коротко объяснил он.

— Какого еще отца? Ты же говорил, что знать его никогда не знал…

— Ну а вот теперь ищу.

Вид у Диньки был обескураженный. Она рассматривала мужа, словно видела его впервые — изучая.

— Ты в последнее время какой-то… — она повертела свободной рукой, не находя сравнений. — Как не здесь. Как не со мной. Что вообще происходит?

— Только хорошее, Динь. Только хорошее.

— Хорошее?!

Рус промолчал.

— И это началось с тех пор, как ты уехал от меня к этому своему… другу, — слегка насупившись, продолжала она. — Ты другой стал. Со мной не общаешься…

— Ты преувеличиваешь, — отозвался Рус, но осознал, что слегка лукавит.

Точнее, даже не так. Что ему было лукавить? Разумеется, с ним что-то происходило. Словно из спячки вырвали, но он еще не разобрался, где проснулся. Как попаданец — только непонятно куда. То, что в новый мир, это было ясно как божий день. А вот что с этим всем делать… И конечно, Динька чувствовала, что с ним что-то происходит. Просто вряд ли смогла бы стать ему помощницей в том, что он сейчас переживал и чувствовал. С Олей, конечно, все было бы иначе… Но Оли рядом с ним больше нет. Есть «прекрасная Диана». И Рус внезапно понял, что она в его жизни… просто украшение. Красивый цветок. Но никак не близкий человек, с которым хочется делиться и обсуждать то, что действительно важно. Да, Динька хорошенькая, милая, забавная и, что всегда казалось очень значимо, невероятно сексуальная. И молодая, слишком молодая. Он пока сам толком не понимает, что с ним происходит, неудивительно, что этого не понимает и Динька.

Вот она и напряглась. Надулась как мышь на крупу. Как ребенок. Да, конечно, она намного младше его, но какой же она, в сущности, ребенок в двадцать восемь-то лет?! И, пожалуй, действительно поддержки от нее никакой. Но не озвучивать же ей это. Она обидится. Те, кто молод, всегда обижаются, когда им на это указывают. Это с возрастом начинаешь понимать, что в молодости ничего обидного нет, все прямо наоборот…

Он взял ее за подбородок:

— Динь. Давай выясним отношения потом. Уже поздно, а я хотел выехать завтра пораньше. Не скучай тут, хорошо?..

Да. Разница в возрасте все же чувствовалась. Сейчас — особенно остро. Какая там формулировка, когда расписывают? «Вместе в горе и в радости»? А у него сейчас что, горе или радость?.. «Надеюсь, что радость», — подумал он. Потому что где-то на дне души жила надежда… И, пожалуй, даже не надежда, а уверенность, что отец жив. Но Диана не понимала этой радости, не разделяла ее и, что самое неприятное, совсем не хотела ни понять, ни разделить.

Ладно, разберемся и с этим. Но потом. Сейчас главное — отец.

* * *

Дорога хороша тем, что есть время подумать. А за три с лишним часа можно обдумать ну очень много.

И Руслан, отключив телефон и оторвавшись абсолютно от всякого общения — с коллегами, с женой, даже с дочерью и Володей, — понял с особенной отчетливостью, что ему надо торопиться. Нет, не в смысле «втопить педаль газа». Ему нужно поспешить и успеть разобраться с собственной жизнью. Интересно, так бывает в пятьдесят лет?..

Ему пятьдесят. В некотором роде зажился. «Земную жизнь пройдя до половины», — внезапно вспомнил Руслан. Раньше, когда он слышал эту цитату, особо даже не задумываясь и не углубляясь, зная только, что это «Божественная комедия» Данте, то автоматически делил сто на два. Пятьдесят. И лишь не так давно до него дошло, что кой черт сто?! Столько не живут, особенно в средневековье. Сейчас, конечно, не средние века и продолжительность человеческой жизни увеличилась, но не до ста же лет! Даже в интернет слазил и узнал, что лирическому герою Данте было тридцать пять. В тридцать пять этот че-

ловек начал проходить круги ада, так сказать, подбивать итоги, или о чем там книга — Руслан, к стыду своему, не читал ее. Но так или иначе герой Данте начал расставлять все точки над і в тридцать пять. А он, Руслан, чухнулся вот только что. Опоздал как минимум на пятнадцать лет.

И сейчас, двигаясь в плотном потоке машин на ЦКАД, он думал о том, что сделал за свои пятьдесят лет. Да, вот такая пафосная постановка вопроса. Ну, профессионалом стал. Начальником, у руководства на хорошем счету — хоть это и дается порой ох как непросто… Дом построил, если отделку квартиры-новостройки в таунхаусе и прилагающегося дворика можно назвать строительством дома. Еще жена есть, да. Молодая и красивая. Детей выра… М-да. Тут сложнее. Егора он разве вырастил? У него есть сын-то?.. Дочь, слава богу, есть, только вчера целый час проболтали об этом ее проклятом рафтинге. Руслан подробно инструктировал Мышку, что делать в том случае, а что в этом. Будем надеяться, что она намотала на ус и все будет в порядке… В общем, он счастлив?.. Ему казалось, что да. Да. Все ведь хорошо?.. Хорошо. Но все равно внутри постоянно что-то точило…

Сказать, что он сейчас проходит круги ада, было

бы слишком громко и несправедливо. Какой там ад! Если считать прижизненным адом моральные муки, то самый пик пришелся, наверное, на момент развода с Олей. Ладно, это позади. Почему-то это наконец-то вспоминалось уже почти без всякой боли. Наверное, прав Володя — Рус уже свободен. И давно принял неизбежное, не важно, как это там называется в Володькиной психологической терминологии.

Но все же до последнего времени Рус чувствовал, что жизнь его необъяснимо расползается по швам. Рассыпается на кусочки, как пазл. И надо собрать его как можно скорее, потому что можно не успеть. Потому что это не картоночки, это живые люди. Володя. Какое счастье, что он нашелся. Точнее, что он, Руслан, нашел его. Успел. А отец? Успеет ли он его найти? «Господи, сделай так, чтобы батя был жив. Пожалуйста…»

Руслан осознал, что губы его шевелятся. Словно он молился. А может быть, и молился…

…Мурмино Руслан особенно не рассматривал, хотя места были приятные, красивые: зелень, озеро, несколько храмов. Навигатор привел к школьному зданию — трехэтажному, приземистому с узнаваемо большими окнами. При взгляде на него Рус сразу понял, почему никто

ему не отвечал по телефону: в школе шел ремонт, судя по всему — основательный, капитальный. Деловитые работяги из Средней Азии плохо говорили по-русски и мало чем могли помочь, но привели то ли завхоза, то ли сторожиху — кто она, Руслан так и не разобрался.

— Так он ведь и сейчас здесь живет, Борис-то Васильич, — словоохотливо объяснила в ответ на его вопросы кругленькая женщина с не по годам свежим румяным лицом. — А вы кто ему будете?

— Сын, — ответил Руслан и понял, как внутри его поднимается и растекается теплая спокойная волна от одного только этого произнесенного вслух слова.

— Сы-ын? — протянула собеседница, округлив глаза, большие и ярко-голубые, как у куклы. — Откуда ж нарисовался?! Что ж отца-то не навещаешь? Отродясь тебя тут не видала. Иди, конечно, скорее к нему, адрес сейчас продиктую. Сдает ведь отец-то твой, годы берут свое… А какой учитель был! Ребятишки в нем души не чаяли. Он их всех по имени помнит, кого выучил за столько лет. Да и они… Есть чем адрес записать-то?

Руслан слушал, кивал и глупо улыбался. Отец жив. Он сейчас его увидит. Записал адрес в смартфоне. Улица Лесная, дом семнадцать.

— Спасибо… Спасибо большое, — он улыбался, бормотал и пятился.

Так, взять себя в руки. А то подумают, что он псих какой-то…

Дом оказался небольшой, старенький, но опрятный, покрашенный синим. Краска слегка облупилась. Крышу, похоже, не так давно чинили, заметно, где залатано. Калитка заперта изнутри на крючок, но лишь для того, чтобы не болталась. Просунь руку сквозь редкие доски штакетника, снимай крючок и входи. Старая деревенская привычка.

Во дворе никого не видно и тихо, собаки явно нет. Руслан поднялся на крыльцо, поискал глазами звонок — не нашел. Постучал. Подождал, постучал снова. Никто не ответил. Тогда он решился и потянул на себя дверь. Не заперто.

Прошел в сенцы. Еще одна дверь. Так тихо… Только слышно, как голосит неподалеку чей-то дурной петух. Вроде же петухи рано утром должны петь? А этому вдруг в полдень поорать вздумалось…

За другой дверью комната, чистые половички на полу. И пол тоже чистый, деревянный, крашеный. Внутреннее убранство дома под стать его внешности — старенько, но опрятно.

— Есть кто? — неуверенно спросил Руслан, неожиданно оробев. Точно он не взрослый мужчина, а мальчик, который входит к кому-то большому, от которого зависит его судьба. Собственно, ведь так оно и было…

Он очень боялся той картины, что успел сам себе нарисовать в воображении: отец лежит в постели, слабый, немощный, укрыт ветхим одеялом до подбородка и не может встать, рядом табуретка, сплошь заставленная лекарствами… Но лекарствами не пахло. Зато в соседней комнате, где не было двери, а висела полосатая занавеска, послышались шаги. Не быстрые, но и не шаркающие.

Когда он вошел, сердце Руса отчетливо стукнуло. Это был тот самый старик с картинки — с грустным и мудрым взглядом. Без очков. Очки он держал в руке. Очки в толстой немодной оправе…

Несколько секунд отец и сын молча смотрели друг на друга.

— Руслан, — наконец произнес Борис. Это прозвучало утвердительно, но взгляд был вопросительным, словно отец боялся поверить самому себе.

Сын, все так же молча, кивнул в ответ. «Папа».

«Отец». Как часто он произносил эти слова про себя, когда был совсем маленьким, да и потом, когда подрос. Но сейчас они застряли у него в горле, и стоило немалого труда выпустить их оттуда.

— Папа, — наконец произнес он и не узнал своего голоса.

Сделал несколько шагов вперед, взял отца за руку, отпустил. Тот помедлил, потрогал сына за плечо, неуверенно улыбнувшись.

— Русик, — тоном необычайного удивления снова сказал отец. — Давай сядем. Ноги не держат. Вот ведь как, а…

Они сели к круглому столу на два скрипучих венских стула.

— Ты здесь… как? По делу? — робко улыбнувшись, спросил отец.

По делу. Конечно, по делу. Его делом был — отец… Невероятно. У него есть отец.

— Папа, я к тебе. Именно к тебе. Можно ведь?..

Почему он не узнает своего голоса?..

— Чайник, — сказал папа, вдруг засуетившись и сразу став каким-то беззащитным. — Надо чайник поставить…

Встал, но руки его затряслись, и ноги, видимо, тоже не слушались, потому что он снова опустился на стул.

— Сейчас! — чуть не крикнул Руслан и опрометью выскочил за дверь.

«Вот дурак, — подумал, — надо было сразу пакет с собой взять. Отца напугал своими прыжками… Сейчас!»

Добежал до машины, схватил пакет, вернулся обратно в дом.

— Папа, — повторял он.

Сообща им как-то удалось и поставить на газовую плиту красный чайник в горошек, и кое-как сервировать для чая стол — разномастные чашки, тарелки…

— Ты голодный, Русь? — спросил отец.

Как это прекрасно прозвучало! Имя, как целая страна. Вдруг вспомнилось, что папа именно так и обращался к нему в детстве. А больше никто и никогда так Руслана не называл.

И он засмеялся счастливо:

— Да! Уж и забыл даже, что голоден. С утра не завтракал, а пока сюда доехал, пока в школу, пока туда-сюда…

Говорил, а сам выгружал на стол гостинцы. Ох и поломал же он голову, выбирая их! Что любит отец, он, конечно, не помнил, да и не мог помнить, ориентировался на соображения, что можно пожилому человеку, а что нельзя. От

задумки купить торт отказался, но печенье и темный шоколад привез. Как и несколько сортов сыра, и окорок, и хрустящий багет, и фрукты…

— Нам ведь сюда недавно газ провели, — с гордостью сказал отец, снимая с плиты закипевший чайник. — Так удобно стало — теперь с привозными баллонами возиться не надо.

«О господи… — думал Руслан. — Он же тут совсем один… Как же справляется с хозяйством в деревенском-то доме? А зимой? Тут ведь, может, и отопления-то нет…» То, что Борис Васильевич не обзавелся новой семьей, ясно было без слов: в прихожей обувь только мужская, одежда тоже, быт истинно холостяцкий. Но зато повсюду книги — на стеллажах, полках, подоконниках, даже стопками на полу. И даже допотопный компьютер стоит на письменном столе.

— А вообще, ты не думай, я не пропадаю, — продолжал отец, словно прочитав его мысли. — Надо мной тут шефство взяли. Из школы, опять же. Добрые души. Ну и сельсовет или как это теперь называется. Раз в неделю девчушки приходят, порядок наводят, полы перемоют, половики постирают… Мне аж неудобно.

«Неудобно», — с горечью повторил про себя Руслан.

Он распаковал мясо и сыр, нарезал багет, помыл и быстро настрогал помидоры и огурцы, соорудил сэндвичи.

— Царская еда какая-то, надо же, — смущенно заметил отец. — Я ведь ем-то мало…

«Ох, — снова подумал Руслан, даже сердце защемило. — Сэндвич — „царская еда“…»

— Папа, — сказал он. — Как же я рад тебя видеть.

— Русь, — отец смотрел на него, не отрываясь — удивленно, радостно и грустно одновременно. — Вот смотрю я на тебя… Сын. Мой сын, надо же… Мой взрослый сын.

Он прокашлялся:

— Давай, правда, кусанем чего-нибудь. А то я сейчас…

Махнул рукой. Принялись за еду.

Еда — и вправду замечательный способ и успокоиться, и сблизиться задушевно. Чай — обычный, черный, крепкий и сладкий. Просто как запивка к бутербродам. Потом Рус заварил зеленого, а отец достал какие-то голые розовые конфеты, облепленные сахарным песком.

— Как в детстве, надо же, — хмыкнул Рус. — Я такие любил, когда маленький был…

— Помню…

Разговор перетек в немного опасное русло, в воспоминания. Конечно, Руслан рассказал, что встретился с Володей и его родителями, но замолчал, нерешительно поглядывая на отца.

— Папа. А правда… Ты же не бросал меня, правда?! — это вырвалось у него само собой и прозвучало почти умоляюще.

— Руська! — отец даже руками всплеснул. — Русь… Ну вот как я мог тебя бросить?.. Как… Нет конечно. На пустом же месте рассорились. На пустом… Но понимаешь… Я ведь во многом сам виноват. Я… я уж потом столько раз пожалел…

И он умолк на полуслове, встревоженно и вопросительно глядя на сына, опасаясь, что сболтнул лишнее. На глазах у него выступили слезы, скатились по морщинистым щекам, и Руслан не на шутку испугался: а ну как бате сейчас станет плохо? Пожилой ведь человек — а тут такое потрясение. Нет уж, лучше все разговоры о прошлом и выяснения, что и как, отложить на потом.

— Прости меня, сынок, — продолжал тем временем Борис Васильевич. — Если бы я знал, что так все сложится… Я бы все-таки нашел способ, помирился бы с Галей… Ради тебя. Тебя-то я как любил так и… до сих пор. Если б знал! Но думал-

то, что хоть и расстанусь с Галей, но с тобой-то буду видеться… А оно вон как обернулось… А ты ж совсем маленький еще был… Вот я и уехал на Север… Подальше от проблемы, которую так и не сумел решить… Да и потом тоже… Можно ведь было разыскать тебя, когда ты уже подрос. Поговорить, хотя бы попробовать все объяснить… Сколько лет я собирался… Да так и не собрался. Смалодушничал. Боялся…

— Кого? — не понял Руслан. — Маму?

— Нет конечно, — лицо отца осветила улыбка — робкая, чуть вымученная, но удивительно добрая и красившая его. — Не Галю, что ты… И вообще не «кого», а «чего». Боялся, что ты меня оттолкнешь. Скажешь, как тогда, маленьким, что знать меня не хочешь. Всякое ведь могло быть… А я бы тогда… Вот честно — не знаю, как бы я пережил такое, Русь. Потому и прятался от тебя все годы…

Воспользовавшись паузой, Руслан прервал эту сбивчивую речь, в которой не понял и половины. Да и не хотел понимать — во всяком случае, пока.

— Пап, давай не сейчас об этом, — попросил он. — Я ж вижу, что тебе тяжело вспоминать. Да и мне, честно говоря, не хочется сейчас слушать

неприятные вещи. У меня ведь такая радость — я тебя нашел.

Борис Васильевич хотел что-то ответить, да не смог — по щекам вновь потекли слезы. Так что вместо слов отец и сын просто обнялись — так тепло и нежно, что сразу стало ясно: пусть это и первое их объятие за столько лет, но далеко, далеко не последнее.

У отца Руслан просидел до самого вечера, слушал его рассказы о том, как вскоре после развода Борису предложили поработать на Севере и он принял предложение. В первую очередь потому, что надеялся: за время его отсутствия страсти улягутся, Галя успокоится и разрешит ему видеться с сыном. Он был уверен, что едет года на два, максимум на три, но ошибся. Сначала пришлось задержаться — в северных школах не хватало учителей, замены не нашлось, и остаться Бориса Васильевича упрашивали все: и коллеги, и ученики, и их родители. Потом началась перестройка, все в стране стало разваливаться, поток приезжающих, раньше привлекаемый северными надбавками, иссяк. Но кто-то все равно оставался, и Борис Васильевич не мог их бросить. Тем более что в Москве его никто не ждал. Галя на его письма не отвечала, а когда он пытался

звонить, бросала трубку. Так что в итоге Борис вернулся в родные края только тогда, когда на этом настоял врач, категорически заявивший, что пациенту нужно срочно сменить климат на более теплый и комфортный. Конечно, вернувшись в Москву, Борис Васильевич мечтал разыскать сына, несколько раз приезжал к школе, которую Рус на тот момент оканчивал, бывал на его танцевальных выступлениях, но подойти и заговорить так и не решился.

Когда расселяли коммуналку его родителей, отец купил этот самый домик. На Севере у него было две мечты: встреча с сыном и жизнь в тихой сельской глуши, с утопающими в цветущих садах домиками и живописными закатами над пахнущим травами и цветами полем. И вот теперь он уже почти тридцать лет здесь, вырастил несколько поколений учеников, которые до сих пор, к его удивлению, его не забывают и всячески помогают… У Руслана от этих слов сжималось сердце — чужие люди столько лет помогали его отцу, а он, родной и единственный сын, был далеко, занимался своими делами.

Об этих делах отец, разумеется, очень подробно расспрашивал Руслана. И тот успел рассказать чуть не всю свою жизнь: как страстно увлекался

музыкой и бальными танцами, но вынужден был их бросить, как поступил в технический вуз и в итоге нашел себя в IT-сфере, как встретил Олю и женился на ней, как родились и росли сначала Егор, а потом Мышка, как жила и работала, а потом болела и умерла мама, как тяжело он, Руслан, переживал развод, но потом встретил Диану… Слушая о жизни и смерти Галины Николаевны, отец точно окаменел — видно, до сих пор эта тема была ему далеко не безразлична. Зато, узнав про внуков, воодушевился: «Вот подарок на старости лет — стать отцом взрослому сыну, да еще сразу и дедом…» Борис Васильевич полюбовался на многочисленные фото в Руслановом смартфоне — Маша-Мыша, Егор, семейные отпуска, виды-море-пальмы, красавица Диана: «Хороша… как в кино…» Об Ольге отец ничего не сказал, и за это Руслан был ему особенно благодарен.

Расстались очень тепло. Было около восьми вечера. Руслан не предполагал оставаться ночевать, он же ехал практически в неизвестность с одной только надеждой — только б отец был жив… И теперь уезжал с легким сердцем.

— Я не прощаюсь, не надейся, — пошутил он, выходя из дома.

На столе, пока батя не видел, оставил несколько

крупных купюр. Почему-то знал, что отец тратить их будет не сразу. Если вообще будет…

Дорога в Москву показалась короче, чем в Мурмино, хотя по времени заняла столько же, и дома Рус был только к полуночи. Но Динька не спала, ждала его, возлежала на кровати в одном черном прозрачном пеньюаре. Ей явно хотелось близости, но Руслан — наверное, впервые за все время их знакомства — отчего-то не вспыхнул ответным желанием. Все-таки он здорово устал, проведя целый день за рулем. И был занят совсем другими мыслями и переживаниями.

Так что ограничился тем, что просто чмокнул жену в пахнущий духами лоб и завалился спать.

* * *

Утром за завтраком — собственноручно приготовленной яичницей — Руслан поделился:

— Динька, у меня такое событие… Представляешь, я вчера встречался со своим отцом.

— Да? — вяло поинтересовалась та, не поднимая взгляда от смартфона. — Ты раньше про него ничего не говорил. Говорил, что у тебя нет отца.

— Раньше я не знал, где он, — объяснил Руслан. — А теперь нашел его. Так же, как нашел и Володю, друга детства. Видишь, как все повер-

нулось… Теперь в моей жизни появились сразу два близких человека из прошлого.

— Зато стал исчезать ты, — заметила жена, все так же не отрываясь от телефона.

— Послушай, я никуда не исчезаю. — Руслан отложил вилку, чувствуя, что внутри начинает закипать раздражение. — Ты всегда знаешь, где я, и всегда можешь мне позвонить.

— Раньше мне это было не нужно. — Она наконец соизволила поднять на него глаза. — Раньше ты всегда свободное время проводил со мной. А теперь у нас все изменилось. Странно, что ты этого не замечаешь.

— Динька, но мы же с тобой взрослые люди, — поморщился он. — А не влюбленные подростки, чтобы целыми днями держаться за ручки. У каждого из нас могут быть свои интересы, свой круг общения. Я же ничего не имею против твоих увлечений. И всегда предлагаю тебе поехать со мной, куда бы ни направлялся. Хоть в гости к Вележевым, хоть на музыкальные посиделки. А хочешь, мы и к моему бате вместе съездим в следующий раз? Он классный, вот увидишь!

— И сколько туда ехать? — с сомнением в голосе уточнила жена, а услышав цифру, ахнула: — Фига себе! И ты собираешься еще мотаться в такую

даль? В эту глухую деревню?

— Ну конечно, а как же иначе? — попытался объяснить он. — Ведь это мой отец, которого я не видел много лет! Все эти годы мне его так не хватало… И потом — он человек уже немолодой, одинокий. Ему элементарно нужна помощь.

— Ну, как знаешь, — Динька дернула плечиком и снова уткнулась в телефон.

«Не понимает, — с горечью подумал Руслан. — Вот была бы на ее месте Оля — она бы поняла. И Володька поймет, конечно. Пойти скорее ему позвонить!»

* * *

С той поры в жизни Руслана появились радостные хлопоты. Он купил отцу новый мобильник вместо древнего кнопочного, у которого, как оказалось в следующий его приезд, и кнопки западали, и динамик хрипел. Показал, насколько несложно управление новым гаджетом, поставил самый крупный шрифт. Сделали несколько селфи — дома и у Оки, куда вышли прогуляться. Рус научил отца, как делать фото и как их пересылать. Несмотря на солидный уже, казалось бы, возраст, Борис Васильевич на удивление быстро все схватывал и сразу запоминал. Тут же вошел

в только что скачанное приложение для сообщений, нашел Володю, отправил ему лучшую, по его мнению, фотографию. Тот не задержался с ответом, тоже прислал несколько снимков с семьей.

— Володька, надо же, — улыбался Борис Васильевич. — Были ведь мелюзга совсем, а стали взрослые… Знаешь, мне это так хорошо знакомо по школе… Приходит малышня — и на твоих глазах растет. Оглянуться не успеешь, а уже все — выпускной. Для меня это всегда чудо. А тут — свои… Я вот тут все думал после твоего отъезда, что мой сын рос не на моих глазах. Но вот так повернулась жизнь. И именно мой сын нашел в себе силы повернуть ее по-другому. Когда у меня самого сил уже почти ни на что не осталось. И это тоже — чудо…

Список контактов в новом отцовском телефоне разросся относительно того, что перенесли с его старого аппарата. Добавились и дядя Костя, и тетя Света, которые очень этому обрадовались. Конечно, им было о чем поговорить…

Положительно, и в жизни Бориса Васильевича тоже началась новая, светлая полоса. Вот уж правда, лучше поздно, чем никогда…

В следующий приезд сына отец похвастался, что сам скачал на смартфон несколько логиче-

ских игрушек и освоил их.

— Смотри-ка, тренинг! Чтобы мозги не закисли, — шутил он.

А Руслан пожурил его за то, что батя и в самом деле так и не тронул оставленные купюры. Сказал, слишком их много, не знал, как подступиться и куда тратить.

— Я всегда долго раскачиваюсь, прежде чем пятитысячные менять, — признался Борис Васильевич. — Когда пенсия приходит. Все думаю — а что нужно? Нужно так мало, оказывается…

— Сделай ты мне приятное, пожалуйста, — умолял Руслан. — Захоти чего-нибудь. И купи!

— Ну… хорошо, — сдался отец. — Куплю себе крем для бритья.

И Руслан тут же научил его заказывать доставку, как всегда делал сам, — в отличие от Диньки, любившей прошвырнуться по моллам и бутикам, ему всегда жаль было времени на шопинг. Тем более что совсем неподалеку, на той же улице, где жил отец, имелись пункты выдачи популярного интернет-магазина. Вот тебе и «глухая деревня»! Наладили сын с отцом и интернет для старенького компьютера — им Борис Васильевич, как оказалось, тоже неплохо умел пользоваться. Соцсетями, играми и прочими развлечениями не

интересовался, но читал политические новости и по мере необходимости находил нужную информацию, о чем не без гордости сообщил сыну. И сын действительно им гордился.

С момента встречи они теперь созванивались практически каждый день, хотя инициатива здесь почти всегда принадлежала Руслану. Борис Васильевич сам звонил крайне редко — стеснялся, не хотел отрывать от дел. И хотя бы раз в неделю Рус все равно норовил приехать к отцу лично — и по хозяйству помочь, и просто своими глазами посмотреть на батю, убедиться, что у него все в порядке. Во время таких поездок он отдыхал душой — рассказывал о себе, говорил о своей жизни, работе, женах, детях. Расспрашивал и с удовольствием слушал рассказы бати — как тот жил за полярным кругом, где вечные морозы и больше полугода длится ночь, каких людей встречал, как преподавал в школе и каких учеников воспитал. Несколько часов с отцом пролетали как одно мгновение. Однако Динька была права — долгая дорога туда и обратно, конечно, выматывала. И в душе Руслана поселилась все крепнущая идея — забрать отца к себе. Не прямо сейчас, конечно. Сразу такие дела не решаются, да и Диньку надо подготовить. Но сделать это

было, как он решил, необходимо.

Однажды, попивая чай с полюбившимся Борису Васильевичу шоколадным печеньем, Рус сказал:

— Папа, я тут подумал… Давай-ка ты переселишься ко мне. У меня квартира в таунхаусе под Москвой, просторная, три этажа, пять спален. Места более чем достаточно. Тихий уютный поселок, много зелени. Лес рядом, даже речка есть, маленькая, правда. Зато дома большое джакузи.

— Джакузи… — повторил отец, точно пробуя слово на вкус, и неожиданно усмехнулся.

— Ты чего?

— Да представил джакузи в нашей бывшей хрущевке… — Он посерьезнел. — Это уже другой уровень, сын. Боюсь, я ему не соответствую…

Руслан вздохнул. Он и сам понимал, что начал разговор слишком рано, слишком в лоб. И преждевременно. Ведь даже с Динькой еще ничего не обсудил, хотя мысль о переезде отца уже какое-то время вынашивал.

— Папа, ну, вот этого я и боялся! Я понимаю, у вас совсем другое поколение, идеалы другие, и прочее… Но я же про семью говорю! А услышал от тебя про «соответствие уровню». Вот это и страшно.

Он встал и, расстроенный, прошелся по малень-

кой отцовской кухне.

— Я ведь не для себя все это устроил, — говорил Руслан. — Всю жизнь старался, работал как вол, чтобы семья ни в чем не нуждалась. И вот теперь все есть, а…

Он осекся, махнул рукой и замолчал. Хотел сказать, что семьи сейчас у него нет, но понял, что это будет нечестно по отношению к Диньке. Получается — что? Что у них с Динькой не совсем семья? А что же тогда?.. Да, права его жена, как-то все изменилось. Вот теперь и думай, в лучшую сторону или нет. «В трудную, — понял он. — Но в лучшую. У меня есть отец. Это очень важно».

— Сын, — мягко произнес Борис Васильевич. — Ну, не сердись. Я ведь тоже про семью. Я ж понимаю, что старики практически всегда в тягость. Вот сейчас сделаешь то, что кажется тебе правильным, а потом можешь и пожалеть… Конечно, ты мне этого не покажешь, но будешь мучиться. А я этого не хочу. Мешать не хочу.

Руслан молчал, задумавшись. Отец смотрел в самую суть. Он, Руслан, был бы только рад переезду отца и всегда будет рад. Даже если у того к старости испортится характер или, сохрани господи, отец заболеет и придется за ним ухаживать. Но Динька — другое дело. Нельзя так резко пере-

вернуть с ног на голову ее налаженную жизнь. Она выходила замуж за Руслана, когда у него отца никакого не было и в помине, даже разговоров о нем не было. По сути, для нее это незнакомый посторонний старик. И, конечно, в ее доме он будет ей в тягость… Конечно, необходимо время.

— Видишь, вот ты и задумался, — сказал отец.

— Ты совершенно неправильно, кстати сказать, истолковал то, по поводу чего я задумался, — возразил Руслан.

Об этих его размышлениях отцу знать совершенно не обязательно. Незачем его тревожить.

— И о чем же? — спросил отец.

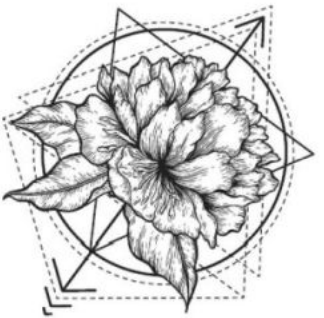
— О том, что я не хочу, чтобы ты думал, будто я твою жизнь обесцениваю, — ответил Руслан. — Твои достижения. Мол, джакузи круче, чем домик в деревне. Не круче. Просто когда человек в жизни наломается, ему отдохнуть хочется. Честно скажу, я бы не выдержал преподавания в школе ни дня. А ты выдержал.

— Да тоже мне подвиг, — отмахнулся отец. — Педагогика — это ведь такое благодарное дело. Не всегда, конечно, не со всеми детьми. Далеко не со всеми. Ребята ведь разные. Семьи разные. Много неблагополучных, таких, о которых даже говорить не хочется. Но знаешь, даже в них порой

хорошие люди вырастают. Вот послушай такую историю…

И отец с удовольствием, с горящими глазами начал рассказывать об одном из своих учеников. Руслан вежливо слушал, но про себя решил, что к разговору о переезде он еще обязательно вернется. Просто не сегодня.

Фрагмент третий
Пара, танцующая танго



Дочке, Маше-Мыше, Рус об отце пока ничего говорить не стал. Успеется. Но общаться с ней продолжал часто, расспрашивал, как она и брат проводят лето. Сын все так же был в Сочи, работал, в свободное время лазил по горам и ездил на море, слал фото сестре, а та, тайком от брата, перекидывала их отцу. Сама Мыша благополучно сплавилась в свой рафтинг (или как об этом правильно говорить?) и теперь, отдохнув от приключений, была по уши занята новым хобби

— скрапбукингом.

— Это еще что за зверь?.. — поинтересовался Руслан, а сам тем временем записал незнакомое слово. Обязательно надо будет посмотреть в интернете, надо же быть в курсе жизни своего ребенка.

— Это хенд-мейд такой, — не слишком-то понятно объяснила дочь. — Вроде кардмейкинга… Сейчас скину тебе фотку, посмотришь, как я оформила свой личный дневник, и сразу поймешь.

— Это ты что, сама делаешь?! — поразился Рус присланному фото. Обычная тетрадь превратилась в утопающий в бумажных цветах сказочный домик с дверью из дощечек и настоящим ключиком на ней.

— Ну а кто же? — фыркнула дочь.

— Прямо шедевр! — искренне восхитился Рус.

— Да ладно, это еще несложно…

Мышкина поделка из разноцветных кусочков картона напомнила о пазле, и ладони Руслана просто зачесались от предвкушения. Он поднялся в кабинет, посмотрел на стол и в который раз поразился тому, как меняется его восприятие головоломки. В первый момент показалось, что деталек мало и он соберет картинку за один вечер. Потом частей вдруг словно стало больше, и

они упорно отказывались хоть как-то сходиться между собой, сколько ни бейся. Затем так же неожиданно все сдвинулось с мертвой точки. Сейчас Рус уже понимал, что общая картинка представляет собой старую квартиру и находящих в ней людей. Мальчик с самолетиком и старик с очками в руках уже были собраны. Но пока оставалось много деталей, которым еще только предстояло воссоединиться.

Наверное, решить эту головоломку можно было бы и гораздо быстрее, но Руслан специально не торопился. Ему нравилось думать, что каждый из фрагментов картинки, точно постепенно проявляющаяся фотография, странным образом напрямую связан с вехами его жизни. Необъяснимо, но факт. Недаром он уже давно сравнивал с пазлом собственную жизнь — еще до появления странного подарка.

В этот раз ему бросилось в глаза, что на двух кусочках похожий рисунок. И как он раньше не заметил! Это же чье-то лицо… Ну да, вот глаза, нос, ухо с крупной серьгой, черные волосы, убранные в высокую прическу. Та-ак, интересно… А вот шея, плечо, красный рукав на белом фоне. Рука женщины лежит на спине мужчины? А где же нижние части фигур? Может, они соберутся

из вот этих ярко-красных кусочков? Они вроде бы подходят друг к другу… Руслан сложил их, и действительно получилась развевающаяся широкая юбка, алая, с неровным, точно из лепестков цветка, подолом. Такая юбка была… у Рио-Риты!

Во внезапно нахлынувшем волнении Рус оставил головоломку, встал, прошелся по кабинету. На него шквалом обрушились воспоминания — о бывшей партнерше, их выступлениях, тренировках, соревнованиях. Как же ему всего этого не хватало потом всю жизнь! И ведь так и получилось в точности по проклятию оскорбленной «испаночки» — он не танцевал почти тридцать лет…

…Когда Рус учился в первом классе, мама увидела по телевизору программу о бальных танцах. Показывали выступления взрослых участников, потом появились кадры с совсем юными танцорами. Галине Николаевне понравилась передача, и она задумалась — а почему бы не отдать любимого сынулю на бальные? Будет при деле, культурное увлечение опять же. Можно было бы и в спорт отдать, конечно, но спортшкола и секции далеко — пришлось бы возить. А бальные танцы — в Доме пионеров через два квартала. Плюс это безопаснее спорта — никаких

травм можно не опасаться. К тому же мальчиков там всегда меньше, чем девочек, — Руслан будет нарасхват. Может быть, и его покажут по телевизору как-нибудь… Словом, в конце августа Галина Николаевна отвела сына в Дом пионеров неподалеку и записала в танцевальную студию.

Тогда Руслан в очередной раз согласился с мамой — но теперь не потому, что не хотел ее обижать, а вполне охотно. Ему действительно хотелось себя в этом попробовать. К какому-либо спорту у него никогда особенно душа не лежала, а вот музыку он всегда любил, все время двигался под нее, когда слышал, пытался подражать танцорам из телевизора. Звуки музыки всегда были для него чарующими, манящими, и его тело отзывалось чуть ли не на любую мелодию практически бессознательно.

С этого момента у Руслана началась новая жизнь. Все остальное, кроме разве что дружбы с Володькой, отошло на второй план. Со студией ему повезло — это оказалось отличное место с прекрасными педагогами, любящими детей и свое дело. Туда не просто «ходили на танцульки» — там занимались танцевальным спортом и готовили настоящих профессионалов. Ученики и выпускники студии становились призерами

разных конкурсов, в том числе всесоюзного и международного уровня, получали спортивные разряды в соответствии со своим возрастом. Их фотографии гордо смотрели со стен на новичков, и в первый раз Рус, поглядев на снимки танцующих пар в красивых костюмах, сразу дал себе слово, что станет таким же, как они. И тут же стал прилагать к этому все усилия.

— Ирина Георгиевна сказала, что у меня отличные способности! — выпалил Рус встречающей его матери, когда, запыхавшись, выбежал после первого занятия.

— Уж я-то это всегда знала, милый, — заверила сына Галина Николаевна, но Рус увидел, что она довольна.

Необычайно доволен был и Руслан. Ему невероятно понравилось в студии. Предупреждения педагогов, что достичь успеха можно будет только долгими усилиями и напряженной работой, его не отпугнули, а напротив, даже порадовали. Делать то, что тебе по-настоящему нравится, — разве ж это работа! Это не посуду мыть и не буквы из прописей копировать. Единственное, чего ему тогда не хватало для совсем уж полного счастья, — это возможности разделить удовольствие с другом. Володя хотя и всячески поддерживал

увлечение Руса, но к танцам был абсолютно равнодушен и заниматься вместе с ним в студии не хотел. Но зато попросил родителей записать его в какой-нибудь другой кружок в Доме пионеров — чтобы можно было ходить на занятия вместе. Это оказался кружок авиамоделирования. Занятия там были в те же дни, что и в танцевальной студии, и Руслан каждый раз продлевал себе удовольствие, делясь с другом на обратном пути впечатлениями от прошедшего дня.

И педагоги, и родители отлично знают, как это бывает: в сентябре в тот или иной кружок, секцию или студию может записаться и сотня детей, но многие отсеиваются после первых же занятий. К концу года может остаться только десяток, а порой и меньше. А через несколько лет из этого десятка и вовсе может остаться только один. Именно этим одним и стал Руслан Левашов.

Ему нравилась дружеская атмосфера в студии, где все были точно одной большой семьей, даже несмотря на значительную (особенно для детских лет) разницу в возрасте. Самые старшие ребята оканчивали школу (несколько человек уже и окончили), а младшие были даже меньше Руса — дошколята, их называли «Категория 0». Но все они, сколько бы им ни было лет, чувствовали

принадлежность к особому, удивительному, почти волшебному миру танца.

Шло время. Рус старательно занимался. Преподаватели хвалили его, и было за что. Он упорно оттачивал каждое движение, добиваясь предельной четкости, стараясь не только попадать в такт, а обыгрывать музыкальную тему. Ведь в любом музыкальном произведении присутствует многоголосица инструментов — и Рус слышал их все. Каждый раз он пытался танцевать то скрипку, то гитару, то фортепиано, а то просто барабанный ритм. Ему одинаково нравились и европейские, и латиноамериканские танцы. Танго, венский вальс, медленный фокстрот — или самба, ча-ча-ча, пасадобль — в каждом он находил что-то особенное, непередаваемое, для каждого создавал при помощи движений особый рисунок, не похожий ни на какой другой.

«Какой музыкально одаренный мальчик», — постоянно слышал он разговоры о себе.

Нет, его не захвалили и он не загордился. Но, разумеется, было очень приятно. Он понимал, что заслужил высокую оценку своим трудом, и просто радовался, потому что действительно здорово чем-то заниматься и получать от этого удовольствие да еще и похвалы. В школе было

иначе. Русу нравилась только часть предметов — математика, физика, английский. С ними он справлялся легко, с остальными же не без усилий старался держаться на четверочном уровне, в основном для того, чтобы не было проблем из-за пропусков учебы. Бальные танцы ведь предполагают соревнования, поэтому было много поездок, конкурсов, выступлений. Ребят возили по разным городам и республикам СССР, и почти всегда из таких поездок Руслан привозил дипломы, грамоты, медали. Рус повышал категории, и с годами исполнилась его честолюбивая мечта — в шестнадцать лет он получил звание мастера спорта. Это было очень почетно и престижно, ведь спортивные звания у бальников — это показатель высшего пилотажа. Ему нравилось внимание, оживленная атмосфера, царящая во время выступлений, это было словно вечный праздник — «праздник, который всегда с тобой».

Наблюдая за его успехами, мама чуть не лопалась от гордости и делала все для того, чтобы «ее солнышко» было «лучше всех». Руслану шились на заказ прекрасные костюмы для выступлений, покупалась совсем не дешевая танцевальная обувь, что приходилось делать довольно часто, потому что у Руса быстро росла нога. Все полу-

ченные сыном грамоты и фото с его выступлений мама вставляла в рамки и вешала по стенам квартиры. Бальные танцы «сынули» на много лет стали ее главной темой в разговорах с подругами и знакомыми. А сам «сынуля» втайне мечтал, чтобы мамин интерес к его жизни хоть немного поослаб. Да, конечно, здорово, что она им так гордится. Но все же было бы лучше, если б мама принимала чуть менее активное участие в его жизни, не требовала бы постоянных отчетов о каждом моменте минувшего дня, не донимала бы педагогов своими разговорами, не лезла в его общение с другими ребятами…

Шли школьные годы, Руслан взрослел, но он не бросал своего хобби, прикипел к нему всей душой. У него менялись партнерши, с некоторыми даже завязывалось что-то вроде отношений — если, конечно, так можно назвать подростковые прогулки за руку, долгие телефонные переговоры и первые неумелые объятия и поцелуи.

Но все изменилось, когда в его жизни появилась Рита.

Рус встретил ее в конце первого курса. К моменту окончания школы он уже твердо решил для себя, что не станет делать танцы своей основной профессией. Он трезво смотрел на вещи

— при такой матери просто нельзя было вырасти человеком непрактичным. Руслан прекрасно понимал: шанс действительно преуспеть на танцевальном поприще, чтобы как следует обеспечить себя и будущую семью, весьма невелик. Так что специальность нужно выбирать другую, менее творческую, более реальную. Вот и поступил, как и советовала мама, в приличный технический вуз, выбрав еще довольно молодую в те годы специализацию — компьютеры. Ухитрялся, хоть это было и непросто, совмещать учебу и активное хобби.

И тут возникла Рита…

Их знакомство произошло на одной из танцевальных вечеринок в кооперативном кафе, где собрались ребята из нескольких хореографических школ. В их особом мире Рио-Рита, как все ее звали, была своеобразной легендой, но до того момента они с Русланом близко не встречались. Он просто часто слышал о ней и несколько раз видел ее выступления с партнером и вживую, и в записях. В латиноамериканской программе их паре (имя партнера Риты Руслан не особо помнил, Михаил, кажется, — она его всегда затмевала) просто не было равных. Оценки — всегда наивысший балл, неизменно овации, неизменно первые

места. О самой Рите Рус знал совсем немного, просто всегда восхищался ею. Похожая на испанку — темнокудрая, с горящими глазами и страстной манерой исполнения — девушка была старше Руслана на два года и занималась бально-спортивными танцами с трех лет. Для него она была настоящей звездой. Конечно, он, как говорится, и сам был не лыком шит, но с Ритой и не думал тягаться. Все же она и по возрасту была старше, и опытнее. И в глубине души Руслан, хоть и стал мастером спорта среди юниоров, чувствовал, что до нее недотягивает. Не профессионализмом даже — харизмой.

Вот эта харизма и впечатлила его на той вечеринке.

— А я тебе говорю, что «Рио-Рита» — это не фокстрот, а пасадобль, — услышал он где-то за спиной и, обернувшись, увидел за соседним столиком Риту, которая спорила с незнакомой ему шатенкой. И даже не спорила, а поучала. В непререкаемом тоне Риты смешались насмешка, легкое презрение и безусловное превосходство сильного, которого осмеливается задирать слабый. Таким тоном могла бы говорить Кармен на табачной фабрике со своей товаркой — перед тем как пырнуть ту ножом. Словно горячий ветер

подул — вот так Руслан ощутил ее энергию. Его даже повело слегка.

— Это вы все танцуете «Рио-Риту» как фокстрот, — продолжала Рита, раздувая тонкие ноздри. — Порхаете над танцполом аки мотыльки. Вы где там легкость увидели?

— Но ведь исторически… — пыталась отстоять свою точку зрения шатенка, но Рита не дала ей договорить.

— Ты музыку услышь, — жестко сказала она. — Там не мотыльковая легкость, там четкий военный ритм. Это не танец любви. Это бой, битва, смертельная схватка.

— Ну ты и сказанула. «Бой», — усмехнулась шатенка, не вразумленная скрытой угрозой Риты.

Та встала со стула, и на долю секунды Руслану показалось, что по залу пролетел резкий порыв ветра.

— Майк! — воззвала с легкой хрипотцой Рита куда-то в пространство, и из-за спин толпившихся рядом людей материализовался подтянутый высокий парень с горделивой осанкой.

«Точно, — вспомнил Рус. — Это же ее партнер. И да, точно, Михаил…»

— Майк, — продолжала «испаночка». — А давай-ка жахнем нашу «Рио-Риту». Покажем всем,

что это именно пасадобль, а не… фокстрот.

Последнее слово она выделила с особенным пренебрежением. Михаил коротко кивнул и куда-то исчез, а Рита с ленивой грацией стащила с себя длинную прозрачно-черную кофточку-накидку и осталась в алом платье, подол которого свисал отдельными лепестками, точно языками пламени.

Фоновый джаз умолк, а появившийся Миша несколькими жестами расчистил вокруг себя и Риты пространство, так что сразу стало ясно: это — выступающие, а вот — зрители. Потом он махнул рукой звукооператору, видимо, уже о чем-то договорившись с ним, когда исчезал на какое-то время.

И раздались звуки «Рио-Риты», хорошо знакомой всем присутствующим, в том числе и Руслану. Ему и самому, как Ритиной оппонентке, эта мелодия казалась легкой, ненапряжной, даже безмятежной. Под нее хорошо, как в старых фильмах, танцуя, весело и ни к чему не обязывающе флиртовать с партнером, а разойдясь, тут же навсегда забыть друг о друге.

Но после первых же тактов оказалось, что зазвучала эта песня в аранжировке военного духового оркестра. И то, что все увидели, совершенно не

сочеталось с их шаблонным представлением, как надо обыгрывать эту музыку в танце. Они стали свидетелями полного страсти диалога-размолвки мужчины и женщины, возможно даже Хосе и Кармен. Диалог этот начался с легкого поддразнивания, а продолжился опасным водоворотом. Так бывает в ссорах, когда, как говорится, «слово за слово — и мебель в щепки», и вот ты понимаешь, что остановиться уже невозможно, нужно идти до конца и конец неминуем.

Ведь характер самой мелодии менялся — вслед за игривыми кастаньетами в ней возникла тема тревожных духовых, настойчивая маршевая ритмика. Вскоре от легкости не осталось и следа. Да, сама музыка продолжала быть акварельной, но характер танца перетек в непримиримую войну двух смертельно опасных противников, ни один из которых не хотел отступать или уступать. И, глядя на этот танец, полный муки, страсти, издевки, оскорбленного страдания — черт подери, откуда они взяли-то все это?! — все уже и саму музыку начали воспринимать через призму исполняемого танца. И вот уже кастаньеты стали не ажурным украшением, а тревожными молоточками, предвестниками неминуемой беды…

ОНА наступала, ОНА дразнила, язвила, прези-

рала, мстила за что-то и с каждым мгновением все больше распалялась. Все вокруг нее пылало яростью, и алые лепестки подола метались пылающими протуберанцами. И уже ОН, уязвленный, не готов был прощать ни ее претензий, ни оскорблений, которые не спустит на тормозах ни один уважающий себя мужчина. Это все настолько читалось в пластике танцоров, что словесного разъяснения не требовалось. Какая разница, в конце концов, из-за чего пара разругалась в пух и прах. Страсть — это взрыв. И не зря, ой не зря говорят, что от любви до ненависти — один шаг…

А техника танца! Ведь все понимали, что он был тщательнейшим образом отрепетирован этой яркой, блистательной парой. Это был крутой замес хореографии и спорта, танец с элементами акробатики — вольты, поддержки, шпагаты, кувырки. Собственно говоря, этому они и обучались, и занимались на протяжении многих лет.

Сомнений в том, что это именно пасадобль, а не фокстрот, ни у кого не осталось. Танец-бой, а не «мотыльковое порхание». Потому что в самом финале две фигуры яростно сплелись, затем раскатились… и замерли. И было понятно, что никому из них подняться уже не суждено. Победителей в подобной схватке не бывает.

После долгой, словно онемелой от потрясения паузы присутствующие на вечеринке разразились яростными аплодисментами. Как и всегда, когда выступали Рио-Рита и Майкл.

Но это был отнюдь не радостный финал. Рио-Рита откуда-то извлекла микрофон и сунула его своему партнеру. Тот было отвел его ладонью, но Рита решительно настояла.

— Ну хорошо, — вздохнул он. — Друзья, это было наше последнее выступление.

И снова пауза, после которой возник недоуменный и протестующий ропот:

— Как?

— Почему?

— Да ладно!

— Не выдумывайте!

А потом толпа, жаждущая объяснений, окружила Михаила, а Рита отошла от него и вернулась за свой столик. Поискала кого-то взглядом, и глаза ее остановились на Руслане, стоявшем буквально в двух шагах.

— Привет, — сказала ему Рита.

Так запросто, словно они давно были хорошими приятелями. Он даже ответить ей не смог — от неожиданности язык его буквально прилип к гортани.

— Слушай, можешь принести что-нибудь попить? — спросила тем временем Рита. — Лимонада. Или сока там… Да хоть воды из-под крана. В горле пересохло.

«У меня тоже», — подумал Руслан, согласно закивал и умчался к буфетной стойке. Вернулся с двумя запотевшими стаканами безалкогольного коктейля — других в их компании не употребляли. Во всяком случае, на танцевальных сборищах.

— Только осторожно, — предупредил он внезапно прорезавшимся голосом. — Холодный очень. Зато вкусный…

— Спасибо, — засмеявшись, сказала она и сделала глоток. — Смотри-ка, и правда очень вкусный. Вишневый… А я тебя знаю, кстати.

От ее крутых виражей в голове у Руслана снова поплыло. Она его знает! Королева. Звезда…

— Видела твои выступления, — пояснила Рита как ни в чем не бывало. — Ты ведь Руслан, да?.. Я запомнила, потому что имя красивое. И редкое.

— Только имя запомнила? — рискнул уточнить он.

— Не только, — усмехнулась она. — Ты слышал, что сейчас было? Ну, то, что Майк при всех в микрофон сказал?

— Что это ваше последнее выступление… Я так и не понял, что случилось…

— Карьера, — коротко ответила Рио-Рита. — Танцы стали мешать Мишиной учебе и работе. Он ведь в этом году диплом в вузе защищает и уже прошел практику у отца в министерстве. Его туда же и на работу устроят. Так что будет не до танцев.

Руслан промолчал.

— Когда уходит твой станцованный партнер, не надо объяснять, какая это потеря, — продолжала она. — Жалко потраченного времени, жалко загубленной перспективы. Я-то себе жизни без танцев не представляю! Специально в физкультурный поступила, чтобы всю жизнь танцам посвятить. И сейчас мне необходимо быстро найти Майклу замену. А поди-ка отыщи профи! Не так-то это легко. Я давно ко многим присматривалась, в том числе и к тебе. Мне нравится легкость, с которой ты двигаешься. И хотя до профессионала тебе еще, конечно, расти и расти, я все же рассматриваю твою кандидатуру. Хочешь попробовать стать моим партнером? Не переживай, я тебя подтяну. Но работать придется жестко, я требовательная.

Первые несколько секунд он даже думал, что

ослышался. Слишком это было неожиданно и очень лестно для него — практически профессиональная танцовщица, да еще и… такая красивая. Испаночка. Кармен. Рио-Рита…

— М-м-м… — протянул он.

— Что, не подхожу? — подтрунила она. — Или сдрейфил?.. Запомни: смелость города берет. Ну и опять же, если не пойдет, всегда могу сменить тебя на другого.

— По рукам, — торопливо выдохнул он, пока она не передумала.

Несколько лет они танцевали вместе, вместе фанатели по музыке, засмотрели до дыр все доступные в видеосалонах музыкально-танцевальные фильмы. На всех соревнованиях неизменно занимали призовые места, а потом и мечта матери Руса сбылась — несколько раз их выступления мелькали по телевизору. Галина Николаевна была на седьмом небе — хотя Риту как отчего-то невзлюбила с первого взгляда, так и продолжала не любить. Принимая такое активное участие в жизни сына (теперь Руслан с подачи Володи знал, что в психологии это называется гиперопекой), мама знала всех его друзей и, конечно же, всех партнерш по танцам. И ни к кому из этих девочек и девушек большой симпатии не испытывала —

но Рио-Риту почему-то возненавидела особенно. Согласившись танцевать с ней, Руслан был уже в том возрасте, когда с мамой по таким вопросам не советуются, но, увидев его новую партнершу впервые, Галина Николаевна скорчила гримасу.

— Ох, сынок, напрасно ты связался с этой девицей, — заявила она. — Помяни мое слово: ты от нее еще натерпишься.

— Ну что ты, мам! — попытался возражать Рус. — Она классная. Можно сказать, звезда. На всех конкурсах занимала только призовые места. Мне крупно повезло, что она стала танцевать со мной.

— Ну-ну, — мать поджала губы. — Поживем — увидим.

Это произошло спустя несколько месяцев после знакомства, в квартире Руслана. Мама предупредила, что придет в тот вечер поздно, и Рус решил, что нельзя не воспользоваться такой возможностью. Они с Ритой уже давно, чуть не с первых недель совместных танцев, как-то само собой стали парочкой, обнимались, целовались, «и так далее», но до «самого главного» дело пока не доходило. А в тот вечер — дошло.

— У тебя это что, в первый раз? — округлив и без того огромные, похожие на спелую черешню,

глаза, осведомилась Рита после того, как они оторвались друг от друга и, оба без сил, повалились на узкую тахту Руса.

— А что, все так плохо? — пробормотал растерянный Руслан.

— Да не, нормально, — не очень-то утешительно ответила она. — Просто я никак этого не ожидала. С виду-то ты такой… уверенный. И девчонки столько о тебе говорят… Ладно, проехали.

Как это обычно и бывает, первая в жизни любовная страсть захватила Руслана почти целиком. Так сильно значима для него была в жизни разве что дружба с Володей в детстве. Ну и танцы, конечно. Но сейчас обстоятельства сложились так, что танцы и чувство к Рио-Рите слились в одно целое, стали чем-то неразделимым, когда одно отражает другое и наоборот. Возможно, именно в этом и была причина профессионального успеха их пары — хотя Руслан, конечно, прекрасно знал, что они с Ритой в этом отношении далеко не одиноки. Многие пары, и не только в танцах, а в фигурном катании, например, или даже в кино и на сцене, становятся любовниками и в жизни. Некоторые женятся, кое-кто даже ухитряется счастливо прожить вместе долгие годы. Но подобное удается далеко не всем. Им вот не удалось.

Руслан с Ритой использовали для интимных встреч любую возможность, будь то гостиничные номера в поездках на конкурс, свободные квартиры друзей или даже особо темные ночные уголки летних парков. Но возможности представлялись куда реже, чем хотелось, и потому Руслан иногда приводил Риту к себе, когда мама была на работе. Не лучший, конечно, вариант, но видеться у Риты было вовсе нельзя — большая семья, дедушка-бабушка и младший брат, кто-то постоянно дома. Руслану же не допускать встреч мамы и Риты удавалось довольно долго. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается.

Когда Галина Николаевна пришла домой — неожиданно раньше времени, они с Ритой уже выбрались из постели. Все «следы преступления» были тщательно ликвидированы, все было убрано и пристойно — на столе чай, пряники. И время-то было еще детское, где-то половина десятого вечера. Но Галина Николаевна все равно напряглась.

— Не поздновато ли принимать гостей, Руслан? — спросила она с порога.

— Здравствуйте, — оторопело сказала Рита.

Уж насколько она была девушкой решительной и уверенной в себе, но тут растерялась. А

Галина Николаевна просто игнорировала ее.

— Сыночек, я устала. Могу я спокойно отдохнуть в своем доме? — осведомилась она у Руслана, принципиально не глядя на его гостью.

— Но мам… — Руслан растерялся еще больше, чем его партнерша.

— Извините, — сухо сказала Рио-Рита.

Она быстро вышла, Руслан метнулся было за ней в прихожую, но Рита в одно мгновение обулась, накинула плащ и вышла за дверь, молча кивнув Русу в сторону квартиры — иди, мол, разбирайся сам.

— Мама, ты ее разве не узнала? — пробормотал он, возвращаясь в кухню. — Это же Рио-Рита, мы танцуем вместе, она… она моя партнерша… партнер… Ты же ее давно знаешь, столько раз видела, разговаривала…

— Да узнала конечно, — устало откликнулась мать. — И лишний раз убедилась, что не ошиблась в ней. На ней же пробы ставить негде! Понимаю, ты влюблен и этого не замечаешь, но поверь, сыночек, она тебе не пара. Вот увидишь — наплачешься ты из-за нее.

В ответ он, конечно, вспылил. Вышел из себя, кричал на маму, что устал от ее непрекращающейся опеки, от настойчивости, с которой она

лезет во все стороны его жизни, что ему уже девятнадцать лет и он достаточно взрослый для того, чтобы самому выбирать себе девушек. Он орал, обвинял маму, та обиделась, расплакалась. Потом ему стало стыдно, он просил прощения, и мама, конечно, простила, обнимала его и, еще всхлипывая, как всегда, повторяла, как сильно она его любит, как хорошо им вдвоем и что «никто больше нам не нужен»…

А вскоре выяснилось, что и тут мама оказалась права — как в воду глядела.

Рано утром, когда он собирался в институт, позвонила Рита и решительно заявила, что «надо поговорить».

— Ну что, — сумрачно объявила партнерша, когда они встретились у памятника Пушкину. Был конец октября, серо, промозгло. Накрапывал мелкий дождь, и листья уже почти облетели. — У меня задержка. Восемь дней. Что будем делать?

Застигнутый врасплох Руслан сначала даже не понял, о чем речь. Только через несколько мгновений сообразил, что задержка, видимо, означает беременность. И мир буквально пошатнулся, даже удивило то, что чугунный поэт остался на своем месте и голуби, сидевшие у него на голове, тоже не шелохнулись.

— Но мы же предохранялись… — растерянно пробормотал Руслан.

— А тогда, у Наташки на даче, — нет. Помнишь, нечем было?

— Ну, так это же всего один раз…

Рита хмыкнула.

— Иногда, знаешь ли, хватает и одного раза. — Она очень нервничала и часто облизывала губы. Руслан еще никогда не видел ее такой — дерганой, осунувшейся, с бегающим взглядом.

— А ты уже была у врача? — спросил он, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Нет, но задержка говорит сама за себя, — раздраженно ответила Рита. — И меня мутит.

— Все же надо сходить, — настаивал он. — Может быть, у тебя… и не из-за этого.

Но задержка была именно «из-за этого», что через две недели подтвердил и врач.

— Что будем делать? — настойчиво спрашивал Ритин голос в телефонной трубке.

Руслан молчал, медлил с ответом. За эти две недели он многое передумал, но все еще пребывал в полной растерянности. Не каждый, далеко не каждый парень хочет в девятнадцать лет стать отцом. Руслану подумалось, что таких, наверное, и вовсе не существует. А если и есть несколько

человек, то они хранятся где-нибудь в музее уникальных редкостей.

Конечно, по-хорошему, он должен был жениться на Рите и вместе с ней растить ребенка. Но… Слишком много их было, этих «но». Где им жить? Ни у нее, ни у него невозможно. У нее и так, как она сама выражалась, «народу полна коробочка». А у него мама — которая невзлюбила Риту, а значит, совместная жизнь станет адом для них обеих, а заодно и для него. Снимать комнату? На какие шиши? Никто из них двоих еще не работает, Рита только оканчивает свой физкультурный, ему, Руслану, еще почти три года до выпуска. Бросить учебу? И что? Идти работать? Но куда? Варианты, конечно, имелись. На дворе были девяностые, многие знакомые начинали свой бизнес, а некоторые потянулись в криминал, но Руслан, интуитивно чувствуя, что первое и второе довольно крепко связаны, старался держаться подальше и от того и от другого. И остальные варианты казались не менее сомнительными. В хорошее место, куда-нибудь на фирму или в банк, без образования не возьмут. Но не идти же торговать в ларек или на рынок! Ну не готов он был так резко переломить свою жизнь. Даже ради Риты. Да, она нравилась ему, с ней очень хорошо

было танцевать и заниматься сексом, но это было не любовью, а лишь «химией». Руслан давно об этом догадывался, но признаться себе осмелился только сейчас.

А хуже всего оказалось то, что о беременности Риты узнала мама. Рус ничего ей не рассказывал и не собирался этого делать, но Галина Николаевна подслушала его телефонный разговор через тонкую стенку комнаты (как частенько это делала) и, не стесняясь, высказала все, что думает по этому поводу.

— Небось ребенок-то вовсе и не твой, — заявила она. — Я про эту твою Риту поспрашивала у других мамаш в студии — ничего доброго о ней не говорят. Танцует она, конечно, хорошо, этого не отнять, — но оторва настоящая, с кем только не переспала… Теперь вот нагуляла неизвестно от кого, а ты отдувайся. Не ведись, сыночек, не дай этой девке себя облапошить!

Руслан возражал, спорил, снова повысил голос и под конец ссоры удрал из дома. Далеко он, конечно, не убежал, побродил по улицам, как следует вымок под ноябрьским дождем со снегом и вернулся. Никогда в жизни ему еще не было так тяжело на душе, разве что после Володиного отъезда. И самым неприятным было то, что матери

удалось заронить в его душу сомнения. Нет-нет да вспоминалось… То округлившиеся глаза Риты: «У тебя что, это первый раз?» — у нее-то явно был далеко не первый… То случайно услышанные за спиной перешептывания девчонок из танцевальной студии… То поцелуй в губы, которым Рита с бывшим партнером Майком недавно обменялись при встрече…

Наутро немного успокоившаяся Галина Николаевна сказала, что готова помочь с деньгами на аборт, и Рус поспешил с этой новостью к Рите.

— Слизняк, — после паузы презрительно бросила ему партнерша. — Тряпка. Маменькин сынок. Поди прочь и даже имя мое забудь. И… знаешь, что? Я тебя проклинаю. Не танцевать тебе тридцать лет и три года.

Плюнула ему под ноги и ушла.

Конечно, это был пафосный жест. Как в кино, в каких-нибудь бразильских сериалах, которые Руслан никогда не смотрел. Но слова Риты неожиданно так сильно подействовали на него, что он несколько месяцев еще не мог прийти в себя. Жил, ездил на учебу, выполнял задания, разговаривал с мамой, встречался с друзьями — всё как во сне. На танцы не ходил. Потом понемногу восстановился, вновь научился улыбаться,

смеяться, радоваться жизни. Но к танцам так и не вернулся, они исчезли из его жизни вместе с Рио-Ритой. Мама была в отчаянии, но Руслан решил, что заслужил эту кару. Нельзя было быть таким беспечным тогда, на даче у Наташки…

Постепенно вся остальная жизнь — та ее часть, в которой не было танцев, — окончательно вошла в привычную колею. Руслан вплотную занялся учебой, а потом и карьерой. С бывшей партнершей они с тех пор больше не виделись и не общались. Он даже ничего и не слышал о ней, потому что не просто ушел из танцев, а порвал все связи. Можно сказать, захлопнул за собой дверь в танцевальный мир. О Рите старался не вспоминать, но часто, даже слишком часто видел во сне танцующую женскую фигуру в алой юбке, развевающейся и дрожащей, точно языки пламени.

* * *

…Руслан поймал себя на том, что сидит в кресле, уставившись в одну точку — так захватили его воспоминания.

Он заставил себя вернуться к столу, где ждал его пазл с наполовину собранной картинкой. Удивительно, но сейчас работа шла как по маслу.

Кусочки находились сами собой, точно и не было этого мучительного периода времени, когда казалось, что головоломка бракованная и ни одна деталь не подходит к другой. Через несколько минут собрался включенный телевизор — старенький, еще массивный, но цветной. На экране сцена, кулисы, а на сцене танцует пара. Это они с Ритой? Нет. Если танцовщица была вылитой Рио-Ритой, то ее партнер, хоть и виден был только со спины, Русланом явно не был. Брюнет с волнистыми волосами почти до плеч. Седая прядь… Интересно, на что эта часть пазла намекает?..

И буквально через несколько дней Руслан узнал на что.

Случайно оказавшись в центре, в пешеходной зоне, он услышал звуки музыки. Звучала «Рио-Рита», и Рус хмыкнул от такого совпадения. Он шел по Кузнецкому Мосту в нужном направлении, музыка становилась все громче, и в конце концов Руслан оказался на площади между Неглинкой и Петровкой, где, по-видимому, проходил какой-то уличный фестиваль. Мощный динамик, толпа зрителей вокруг подиум-площадки, на которой танцует пара…

Что???

Не может быть!

Тем не менее это была она.

Рио-Рита.

Но как? Ведь она на два года старше Руса! Ей сейчас пятьдесят два! А фигура как у девчонки — тонкая, изящная. И движется так, что и молодая танцовщица позавидует. Как вообще возможно так сохраниться?!

Партнером Риты был сухощавый брюнет с волнистыми волосами. Руслан заметил в них седую прядь — точь-в-точь как на сложившейся картинке пазла. Интересно…

Аранжировка песни была знакомая, та самая, которую Рус слышал много лет назад, когда познакомился с Ритой: с духовыми, четким ритмом, тревожным перестуком кастаньет. Но танец был другой. Да и движения другие — не было акробатических элементов, больше напоминало балет. Партнеры, как и в тот раз, танцевали ссору, но теперь между ними не было смертельной схватки. Именно просто страстная ссора — которая развивалась с переменным успехом то одной половины, то другой, но наконец завершилась примирением, не менее страстным объятием и даже имитацией поцелуя. Это было очень красиво. Помимо воли Рус вместе с остальными зрителями неистово зааплодировал, попутно

отметив, как сжалось сердце. Как же долго он не танцевал! Почти столько времени, на сколько предрекла, проклиная его, «испаночка», — тридцать лет и три года… Румба на корпоративах, увы, не то, совсем не то…

Тем временем музыка сменилась на танго, и рисунок танца тоже стал другим. Это была уже не ссора, а любовь… Как же великолепно двигалась эта пара! Слаженно, точно единое целое. Руслан залюбовался, все острее чувствуя, как в нем прорастает и укореняется тоска. Он тоже мог бы так танцевать, если бы не…

После аплодисментов зрителей Рус долго колебался, но все же решился подойти к ней, не без труда пробившись сквозь толпу. Рита не видела его, стояла спиной и с кем-то разговаривала смеясь. Ну надо же… Это действительно она! И вблизи абсолютно не выглядит на свои годы. Максимум можно дать лет сорок — и то с натяжкой.

Наконец она обернулась, скользнула по нему взглядом, и в глазах мелькнуло узнавание. Но вслед за этим, вместо того чтобы хоть как-то это показать — поздороваться или как минимум кивнуть, — она отвернулась и продолжила разговаривать с собеседником. Разве что улыбка с лица исчезла.

Они так и продолжали стоять совсем рядом, и Руслан чувствовал себя не в своей тарелке. Конечно, он не надеялся, что Рита радостно бросится ему на шею, но поздороваться-то можно хотя бы из вежливости! Все-таки столько лет не виделись. Однако Рита, очевидно, настроилась игнорировать его. Но просто сдаться и уйти после такого явного пренебрежения с ее стороны Рус не мог и не хотел. Чувствовал, что хоть что-то они должны сказать друг другу. Что ему это очень важно, даже необходимо.

«Музыка, — понял Руслан причину своей горечи и тоски. — Это все музыка. Я не могу без музыки и танца. Как я только существовал без них все эти годы — ума не приложу. А теперь как плотину прорвало…»

За плечом Риты появился ее партнер, брюнет с седой прядью. Теперь Рус рассмотрел его как следует. Среднего роста, великолепно сложен, двигается с той непередаваемой грацией, которая присуща только танцорам. Взгляд умный, волевой, ироничный. Видно, что он старше Руслана и старше самой Риты. «Они подходят друг другу, — не мог не признать про себя Руслан. — Даже чем-то похожи, как… как два красивых хищника».

Рита наконец улыбнулась — своему партнеру. Ее собеседник тем временем распрощался и отошел.

— Мне кажется, что тебя упорно кабесеят, — негромко заметил ей брюнет и чуть насмешливо улыбнулся одной половиной рта. Она ответила ему понимающей улыбкой.

«Что-что делают? Как он сказал?» — пронеслась мысль в голове Руса.

Рита наконец соизволила «узнать» его и посмотрела ему прямо в глаза — равнодушно, даже бесстрастно.

— О, — сказала она, словно заметила его только сейчас. — Какими судьбами? Познакомься — это мой муж, Андрей. Андрей, это Руслан. Мы танцевали с ним когда-то, сто лет назад. Один из партнеров.

Рус понял, что она до сих пор его не простила, и это было неприятно. Словно он сполна «отмотал срок» за преступление, а ему по-прежнему предъявляют обвинение. Впрочем, Рита всегда была жесткой.

— А что вы танцевали? — заинтересовался Андрей.

— Да бальную программу, — отмахнулась она. — Ой, это было так давно. Детство, короче

говоря.

— Там, на подиуме, сейчас бачатеро будут и кизомберы, — непонятно выразился муж Риты. — Может, пойти кофе попить?

Он перевел вопросительный взгляд с Риты на Руслана и опять на Риту, явно не зная, как быть. И Рус решил взять инициативу в свои руки.

— Пойдемте, конечно, — сказал он. — С удовольствием угощу вас хорошим кофе. Тут совсем рядом есть отличное местечко.

Он был почти уверен, что Рита откажется. Но та неожиданно кивнула и последовала за ним, предварительно взяв мужа под руку.

Кафе действительно было уютным, но Руслану было дискомфортно — что он, впрочем, всячески старался скрыть.

— Ну, хоть расскажи, как ты, что ты, — как можно более нейтрально пытался расспросить он, когда официантка, приняв заказ, отошла от их столика. — Столько воды утекло.

— Да все хорошо, — пожала плечами Рита. — Мы с Андреем давно женаты, у нас своя танцевальная школа на Чистых Прудах. Довольно популярная, кстати.

— А направление какое? — спросил Рус. Несмотря на всю неловкость ситуации, было приятно

хотя бы говорить о том, что он любил, с тем, кто понимал и разделял его страсть.

— Мы преподаем аргентинское танго, — ответила она. — Это основное направление нашей школы.

— Ну, танго мы тогда среди прочего тоже танцевали, — заметил было Рус, но она прервала довольно резко:

— Это АРГЕНТИНСКОЕ танго, ничего общего с бальным. И не «среди прочего».

На помощь Руслану неожиданно пришел Андрей, видимо, заметив, что собеседник несколько обескуражен.

— Она яро чтит кодигос, — пояснил он. — И исторические корни АТ. Просто именно АТ — аргентинское танго — действительно не бальное. Ничего не танцуется напоказ, вся страсть и чувства внутри. Это история для двоих, не для зрителей. Каждая танда — маленькая жизнь.

Руслан почувствовал, что с Андреем ему проще общаться, и обратился к нему:

— Я уже столько терминов незнакомых услышал. «Кабесеят», «кодигос», «танда». Чувствую себя как-то… не в теме. Разве что слово «кодигос» — могу предположить, что оно созвучно с «кодексом».

— Так и есть, — кивнул Андрей. — А то, что ты не в теме, — это нормально. Терминология, неизвестная другим, она же в каждой узкой профессии есть. Я так понял, ты бальник. У вас ведь тоже свои термины. Но аргентинское танго… Как бы тебе это сказать… не совсем танец. Это больше про отношения. АТ — это то, что может изменить жизнь. Занять ее целиком. Нас вообще чокнутыми извращенцами считают, такое важное место АТ занимает в нашей жизни. Мы постоянно о танго говорим, конечно, другим, непосвященным, этого не понять. Как только не обзывали! Тангосектой, например. Тангонутыми. Аббревиатуру выдумали, ЭВТ — Это Ваше Танго…

— Завидуют, — равнодушно бросила Рита.

Им принесли кофе. Руслан машинально кивнул официантке, поставившей перед ним чашку, и продолжил расспрашивать Андрея:

— Вот ты говоришь, «не напоказ». Но я же видел, как вы именно выступали, потому и подошел.

— Это эсценарио, — объяснил Андрей. — Чисто сценическое направление. Как раз сейчас думаем, стоит ли его включать в программу обучения. Танцуется оно под альтернативную, не танговскую музыку. А хореография включает в себя элементы и балета, и нуэво, и отчасти ак-

робатики.

— А нуэво — это что?

— Тоже танго, но в новых ритмах, продиктованных временем. Если сравнивать с «Золотым веком», то…

— За лекции по танго ты, между прочим, деньги получаешь, — ехидно заметила Рита.

— Да ладно тебе, — засмеялся Андрей. — Ты же видишь — Руслану интересно.

— Не то слово, как интересно, — заверил Руслан. — Я, правда, давно уже не танцую…

При этих словах он невольно взглянул на Риту, но та упорно не поднимала на него глаз, смотрела на свой кофе.

— Уже почти тридцать лет, — продолжал Руслан. — Но сказать по правде, сильно скучаю по танцам. И чертовски вам завидую.

— Так в чем же дело? — удивленно спросил Андрей. — Что мешает вернуться, если тянет?

— Да я все забыл уже, — смутился Руслан. — Столько времени прошло…

— Навык обычно не уходит, — заверил Андрей. — Тело все вспомнит. Это как велосипед. К тому же ты в отличной форме. Постура у тебя вполне танговская, осанку держишь… Так что дело только в твоем желании. Хочешь, приходи

ко мне на индив по танго — посмотришь, как оно тебе, сравнишь с тем, что танцевал раньше. Можно и не на танго. Социальные парные танцы сейчас тоже набирают обороты. Так называемые соушел дэнс — сальса, бачата, кизомба. Их в нашей школе преподает Элька, наша дочь. А ее муж — хастл, вэ-ка-эс и степ.

— У вас такая взрослая дочь? — удивился Рус.

— Да не то слово, — хохотнул Андрей, явно очень гордясь. — Уже и внучка имеется. У нас двое детей, Элла и Антон, мы зовем их Элька и Тони. Элла старшая, у нее у самой уже дочка, Сонечка, недавно два годика исполнилось. Вот, полюбуйся.

— Андрей, не надо! — нахмурилась Рита. Но ее муж уже протягивал Руслану телефон, демонстрируя фото, на котором была снята вся семья.

— Это мы на яхте друга, — объяснил Андрей. — Днюху Тони справляли, нашего сына.

Руслан принял телефон у него из рук и принялся рассматривать фото, увеличивая детали. Рита в красном купальнике — она действительно до сих пор в отличной форме. И красный цвет всегда любила. Лицо Андрея вышло чуть смазанным. Зато Тони получился отлично — красивый парень и явно знает себе цену. Похож на отца. А

вот Элла, держащая на руках очаровательную пухлую малышку, больше похожа на мать. И еще кого-то неуловимо напоминает…

— Красивые у вас дети, — прокомментировал Руслан, возвращая телефон. — Сколько им лет?

— Тони двадцать, а Эльке… — начал было Андрей, но Рита прервала его, резко поднявшись на ноги.

— Слушайте, мне пора, — объявила она. — Некогда рассиживаться, дел по горло еще. Андрей, пойдем, пожалуйста.

— Пойдем, внезапная ты моя, — засмеялся Андрей и протянул Руслану визитку: — Звони, как надумаешь…

— Я подумаю, — искренне пообещал Руслан. — Правда подумаю.

Их компания разошлась, точнее, ушли Рита и Андрей, а Рус остался за столиком. Хотелось спокойно посидеть в тишине почти пустого в этот час кафе, подумать о том, что произошло. А произошло за короткое, в общем-то, время не так уж и мало. Он встретил Рио-Риту и понял, что та до сих пор так и не простила его. Хотя, казалось бы, у нее все хорошо, муж, дети, даже внучка. В общем, счастливая семья. Чего ж до сих пор злиться на Руслана?

И другой не менее, а может, и более важный момент — приглашение от Андрея в их танцевальную школу. Одна мысль об этом будоражила душу, заставляла бурлить и искриться все внутри, точно там плескалось холодное шампанское. А может, и правда тряхнуть стариной?

Руслан вынул из сумки ноутбук, вышел в интернет и нашел сайт школы. Почитал рекламные материалы, отзывы, посмотрел фотографии, заглянул на страницу «Наши педагоги». Здесь тоже были фотопортреты: Риты, Андрея, Эллы… На снимке девушки взгляд задержался подольше — на этом фото она явно кого-то напоминала. И вовсе не Риту.

Руслан присмотрелся повнимательнее. И тут, как озарение свыше, пришло осознание. Элла была похожа на Бориса Васильевича, его собственного отца. Глаза, нос… Если прикрыть нижнюю часть лица, то сходство и впрямь поразительное.

Но этого же… этого же не может быть?

Руслан пробежался по соцсетям, отыскал страницы Эллы, посмотрел дату рождения, прикинул. Все сходится — и год, и даже месяц. Получается, Рита не стала делать аборт? Родила ребенка и ничего ему не сказала?

Вот это поворот…

Появился большой соблазн заказать водки, но Руслан не относился к числу любителей заливать проблемы алкоголем. Так что заказал пока еще один кофе, достал телефон и набрал номер. Друг ответил после второго же гудка.

— Володька, — сообщил Рус, — вот сейчас я как никогда хочу напиться. Я этого делать не буду, но не поделиться с тобой не могу.

— Опа, — прозвучало в ответ. — Ты где сейчас?

Руслан сказал.

— Я сейчас приеду, жди.

Как же хорошо, что есть такой друг! Братишка…

К тому моменту, как Володя показался в дверях кафе, Руслан вдруг обнаружил, что дико проголодался. Выяснилось, что и Володя не прочь подкрепиться, так что друзья заказали по салату, рыбу в горшочках и кувшин домашнего лимонада.

— Перечисляй сначала плюсы ситуации, — скомандовал Володя. — И не домыслы, а факты. Разрешаю не торопиться.

Руслан задумался.

— У меня, кажется, есть взрослая дочь, — выдал он наконец. — Даже не кажется, а с вероятностью

девяносто девять процентов.

— Ясно. Еще плюсы есть?

— Я понял, что снова хочу танцевать. Даже не так — я снова НАЧНУ танцевать.

— Так. Хорошо. Еще?

— Пожалуй, всё.

— А минусы?

Над этим вопросом Руслан раздумывал дольше.

— Из минусов, наверное, только эмоции…

— И какие эмоции?

— Скорее всего, стыд. В те времена мы с Ритой оба попали в одинаково трудную ситуацию. Но ее ситуация была сложнее. И то, что она сумела справиться, делает ей немалую честь…

И он по возможности кратко изложил «братишке» всю историю.

— И какой вывод? — Володя отодвинул опустевший горшочек и аккуратно промокнул губы салфеткой.

— Вывод такой, что я должен поговорить с Ритой, — заключил Руслан. — Расставить все точки над i. Возможно, просить у нее прощения.

— Вот видишь, — сказал Володя. — Все выяснилось. И пить не надо.

— Спасибо тебе. Мне полегчало, — отметил

Руслан. — И стало неудобно, что я тебя так внезапно дернул…

— Балда, — отмахнулся Володя, допивая лимонад. — Во-первых, я сам дернулся. Во-вторых, мне приятно тебя видеть, причем всегда. В-третьих, как сказал замечательный поэт и не менее замечательный человек Михаил Светлов, «дружба — понятие круглосуточное». Ну а в-четвертых, каков наш мушкетерский девиз? Правда, мы тогда не знали мушкетеров… Но ты ж понимаешь, о чем я.

— Друзья навсегда, — откликнулся Руслан.

Володя протянул ему руку с давно зажившей ниточкой-шрамиком на ладони. Руслан протянул свою в ответ. Как всегда.

* * *

Позвонить Рите Руслан не мог — не знал ее номера. Но он дозвонился в школу танцев, спросил ее и узнал, что Рита будет завтра с десяти. Что ж, уже хорошо. На другое утро он уже без всякого звонка сразу поехал на Чистые Пруды, думая о том, что может увидеть там не только Риту, но и Эллу. Свою почти тридцатилетнюю дочь. Эта мысль до сих пор как-то не укладывалась в голове… Хотя нет, так выразиться было бы, пожалуй,

неправильно. В голове эта мысль была, но как будто записанная там буквами, чисто формально, не вызывая никакого отклика в душе, никаких эмоций, ни радостных, ни негативных.

Старинное здание в извилистом переулке, где находилась танцевальная школа, Рус отыскал без труда — спасибо навигатору — и спросил на ресепшене Риту. Ей позвонили, и она довольно быстро вышла. На лице ее написано было неудовольствие, которое она даже не пыталась скрыть.

— Рита, здравствуй. Я понимаю, что тебе меня видеть не особо приятно, — быстро заговорил Руслан, упреждая любые ее слова, — но я пришел с миром и просьбой уделить мне несколько минут. В конце концов, прошу тебя меня выслушать, просто чтобы побыстрее от меня отделаться, — так пойдет?

Видимо, он выбрал верный тон. Рита пожала плечами и бросила взгляд на часы:

— Вот это ты точно подметил. Иначе от тебя не отвязаться… Хорошо. Занятия у меня в полдень. И на время до этого у меня были свои планы. Но коли уж ты пришел… Ладно, идем. Тут с другой стороны здания кафешка.

Минуту они посидели за столиком молча, и

Рита смотрела в сторону.

— Сначала скажу я, — начала она. По-другому просто не умела. — Да, мне неприятно видеть тебя, потому что в моей жизни ты человек лишний. И да, никакого аборта я не делала.

— То есть Элла все же моя дочь, — пробормотал Руслан. Собственно, он это знал и так, но все равно услышать подтверждение было необходимо.

— Заруби себе на носу, — тихо сказала Рита, уставившись ему прямо в глаза, и он прекрасно помнил этот непререкаемый тон. — Элла МОЯ дочь. Моя и Андрея. И если у меня хватило характера решиться родить, то хватит и…

Руслан поднял руки, опустив глаза.

— Я понимаю, что глупо просить о прощении, — сказал он глухо. — Но я попытаюсь. Я не буду себя оправдывать ни своей молодостью, ни строгой матерью. Я виноват, и я это признаю. Но сейчас я прошу у тебя мира.

Рита молчала, пила кофе и думала, изредка взглядывая на Руслана.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Допустим, я поверю, что ты искренен и понимаешь, что такое решиться родить и воспитывать ребенка без отца. Как правило, это очень тяжело. Расписывать подробности я не буду. И врать не буду. Мне

просто чертовски повезло… Мне только непонятно — чего ты добиваешься своими визитами? А то как в кино получается — нарисовался через много лет такой горе-папаша, и… «Я хочу видеть свою дочь», будьте-нате. Что ты от нас хочешь сейчас?

— Сам не знаю, — честно признался Руслан. — Я просто шел по Кузнецкому и услышал на улице музыку. И не просто музыку, а именно ту мелодию, с которой у меня много связано… Связаны воспоминания об одном из лучших периодов жизни. Вся моя жизнь была тогда музыкой и танцем. И ты была для меня музыкой и танцем. Музой. Вдохновляющим огнем, который я по ошибке принял за любовь. Но расплачиваться за мою ошибку пришлось тебе.

Рита молчала, водя пальцем по узору на скатерти — белому на белом.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Раз пошел такой каминг-аут, скажу, что это и моя ошибка тоже. У меня ведь было в точности то же самое. Страсть — это страсть, не любовь. Мужику надо удерживать ее в штанах, а женщине — в холодной голове. Вероятно, я виновата даже больше, чем ты. Я все-таки была старше, должна была соображать, что ты зеленый пацан на мамкином

воспитании и многого можешь не знать и не понимать. А я уже насмотрелась всякого и поняла, что придется самой прогрызать себе дорогу в жизни и ни на кого не рассчитывать. Заботиться о контрацепции нужно было в первую очередь мне.

— И мне тоже, я же мужчина… — начал было он, но Рита как будто и не слушала.

— И давить на тебя уж точно не стоило, — продолжала она. — Тут я действительно виновата по горло. Я страшно перепугалась тогда, растерялась, не знала, что делать. И толком не понимала, чего требовала от тебя. По сути, ведь хотела, чтобы ты, как волшебник, взмахнул палочкой и как-то исправил безвыходную ситуацию. Типа: раз! — и ничего нет, и не было никакой беременности. Не умом, конечно, этого хотела, но… В общем, дура была.

— Но как же ты все же решилась родить? — осторожно поинтересовался Рус. — Без мужа, без постоянного заработка, без нормального жилья?

— У меня отрицательный резус-фактор, — объяснила Рита. — Я об этом даже не знала, пока анализы не сдала. Врач сказала, что если я сделаю аборт, то может больше не быть детей. И я оставила ребенка.

— Ясно… — кивнул он, не зная, что еще можно сказать.

— И заявляю ничуть не кривя душой, — Рита упрямо тряхнула черными волосами — как хорошо он помнил это движение! — что ни разу, ни на мгновение об этом не пожалела. Первое время было очень трудно, что греха таить. Но спасибо моей семье, они мне все помогали. И мама, и отчим, и брат, даже бабушка с дедушкой из последних сил. Сидели с Элькой, отпускали иногда меня танцевать. А я еще до беременности познакомилась на одном из танцевальных фестивалей с одним тангеро, хотя тогда я еще даже не знала, что это так называется. Он был сыном нашего полпреда в Аргентине и старше меня на шесть лет. С детства увлекался латиноамериканскими танцами, был в них как рыба в воде. С тех пор как его семья вернулась в Москву, работал преподавателем различных танцевальных направлений и был одним из тех, кто привез в Москву АТ, аргентинское танго. Из всего многообразия предпочитал именно его. Как ты понимаешь, речь идет именно об Андрее.

— Да, я понял, — кивнул Руслан.

— Эльке было всего семь месяцев, когда мы встретились снова, — продолжала Рита. — Тан-

цевали, потом проговорили всю ночь. И можно сказать, что с тех пор уже больше не расставались. Нас закрутило, как в водовороте. Если честно, я первое время постоянно со страхом ждала, что все вот-вот закончится. Ведь я впервые в жизни испытала… поняла, что такое любовь. До этого были мужчины, конечно, но со всеми бывало… ну как с тобой. А здесь совсем другое чувство. Глубокое, как море. Андрей потом сказал, что и у него было в точности так же. Но как ни боялась его потерять, все равно сразу же рассказала, что у меня есть дочь.

— А он что же? — не выдержав, поинтересовался Рус.

— А он улыбнулся и сказал: «Хорошо, что уже готовая. Сможем всю жизнь с тобой танцевать без перерывов на беременность».

— Молодец! — искренне восхитился Руслан.

— А я о чем, — усмехнулась Рита. — Я тогда расплакалась, наверное, впервые в жизни расплакалась от счастья. Вот так круто у меня все повернулось. Мы поженились, стали вместе растить Эльку, и Андрей действительно принял ее и полюбил как собственную. Иногда мне даже кажется, что он любит ее больше, чем Тони. С сыном он бывает строг, а с ней — почти никогда. И Элька

даже не подозревает, что Андрей не настоящий ее отец. Впрочем, что такое «настоящий»? Только тот, кто растит, а не тот, кто зачал…

— Ты права, — вынужден был согласиться Руслан. Раньше он как-то никогда не думал о том, как трудно в жизни бывает так называемым «сильным» женщинам. Да, сила, да, харизма, да, жизнестойкость. Но ведь женщина всегда остается женщиной. Такой, какой Рита сейчас предстала перед бывшим партнером: самоотверженной, любящей, нежной и страстной. Да, повезло Андрею…

Руслан вздохнул. Он понимал, что судьба предоставила ему шанс исправить ошибки прошлого, но это совсем не гарантировало от новых, может быть, еще бо'льших ошибок. Увы, но порой и в пятьдесят лет понять, как лучше будет поступить, ничуть не легче, чем в двадцать. Но сейчас он, похоже, принял правильное решение. Отправляясь на встречу с Ритой, Руслан подумывал о том, что стоит, наверное, повидаться с дочкой и внучкой, открыться им… Но хотел ли он этого? Надо быть честным с самим собой — не слишком-то он этого хотел. Ему бы с собственной жизнью разобраться, а ведь он далеко не идеал, в некоторых вещах скорее и наоборот. Бросил собственных детей, сын

от него отрекся, с дочкой общается все больше по телефону. Оля… Об Оле вообще лучше не вспоминать. А жизнь Эллы, внешне похожей на его отца, вполне налажена, она живет в гармоничной семье, в покое и любви. Зачем ей какой-то внезапно свалившийся на голову «биологический отец», когда есть Андрей? А он, Руслан, — какое он вообще имеет право врываться в чужую жизнь, что он может дать этим людям? Если бы мог что-то привнести, чем-то помочь, приукрасить их существование своим появлением, тогда было бы другое дело. Если б Рита так и осталась одна, Элька выросла бы без отца, но всю жизнь думала о нем и хотела узнать, Руслан, конечно, поступил бы совсем по-другому. А так…

— Я что хочу сказать, Рита, — начал Руслан. — Собственно, за тем и приехал, чтобы все с тобой прояснить. Я рад, очень рад, что у тебя все сложилось наилучшим образом. И не стану скрывать, когда узнал, что у меня есть взрослая красивая дочь и прелестная маленькая внучка, был не только потрясен и растерян, но и обрадовался. Но это ровным счетом ничего не значит… Для них, конечно, не для меня. Могу тебе поклясться, что никогда, никаким образом не стану вмешиваться в твою жизнь. Ни самой Элле, ни Сонечке, ни

Андрею, ни кому-либо еще никогда не скажу ни слова об этих пресловутых «биологических корнях». Ты — моя давняя хорошая знакомая, замечательная танцевальная партнерша, но ничего больше.

— Спасибо, — Рита кивнула сдержанно, но Руслан догадывался, что внутри у нее бушует целая буря. — Знаешь, судьба мудра, гораздо мудрее людей. Ей зачем-то понадобилась эта наша с тобой встреча. Зачем — станет ясно потом.

Бросив взгляд на лежащий на столе телефон, Рита энергичным жестом подозвала официантку:

— Счет, пожалуйста. Раздельный.

Потом посмотрела на Руслана и впервые за встречу улыбнулась.

— Знаешь, а Андрей почему-то к тебе проникся. Ну ты же понял, что мы с ним сумасшедшие тангерос? И он эти дни так все и говорил: «Слушай, какой ценный кадр — и не танцует. Но ведь хочет, а?!»

— Он прав, — серьезно подтвердил Руслан. — Хочу. Очень. И всегда хотел, но только недавно признался себе в этом. И как будто вода прорвала плотину. Я не могу без музыки и танца. Я заморозил, зажал в себе это на долгие годы, но…

В глазах Рио-Риты что-то мелькнуло, Рус это заметил и усмехнулся:

— Помнишь, как ты сказала: «Не танцевать тебе тридцать лет и три года»? Прошло времени поменьше, конечно, но все равно… Это было что-то вроде твоего проклятия. Ты… можешь.

— Я могу, — согласилась она без тени улыбки, но потом все же засмеялась и добавила: — Ладно, снимаю свое проклятие. Хочешь прямо сейчас с Андреем поговорить? Его сегодня нет в школе, но я позвоню и вы договоритесь насчет индива.

* * *

Вернувшись домой в совершенно радужном настроении, Руслан буквально взлетел на третий этаж в свой кабинет и вернулся к недособранному пазлу. Тот опять тянул его как магнитом. Да, картинка с Рио-Ритой совпала, но, помнится, была в ней некая незавершенность. Что-то там нужно было еще…

И неожиданно к фрагменту с танцующей на экране телевизора парой добавился целый десяток частей головоломки. Довольно быстро сложился целый законченный кусок, край картинки: выцветшие обои в цветочек, у стены, на подставке с высокими ножками — такие были в

его детстве, — цветной телевизор, тоже старый, с выпуклым экраном и круглой ручкой для переключения каналов. А на экране танцуют тангера в красной развевающейся юбке и ее партнер — брюнет с седой прядью в волосах…

С Андреем об индиве договорились на послезавтра. У Руслана не осталось, конечно, ни обуви, ни одежды для танцев, но в наши дни это, к счастью, не представляет такой проблемы, как во времена его детства. Легко можно купить все необходимое, а лучше даже заказать доставку.

— Динька, — сказал Рус жене, которая, сидя за туалетным столиком, корректировала линию бровей. — Помнишь, я тебе говорил, что в молодости серьезно занимался танцами? В общем, я тут решил по-серьезному тряхнуть стариной.

— В каком смысле? — поинтересовалась Диана, на миг оставив в покое свои брови и бросая на мужа настороженный взгляд.

— В смысле решил вернуться к танцам, — объяснил Руслан. — Не в смысле дискотеки. А к нормальным парным. Давай со мной.

В последнее время их общение практически свелось к минимуму. Так бывает в супружеской жизни. Первые восторги года за полтора-два утихают, начинаются покой и размеренность, со-

провождающаяся некоторым охлаждением. Даже их постель остыла, выражаясь совсем высокопарно. В этом нет ничего страшного и угрожающего — обычное течение жизни. И Рус надеялся, как говорится, одним выстрелом убить двух зайцев. Во-первых, совместные занятия сближают, а во-вторых, тактильные совместные занятия сближают в прямом смысле. Он ведь тоже чувствовал, что они как-то отдалились, и надеялся, что в своей молодой жене обретет половинку не только в быту и постели, но и в любимом деле.

— А с чего это ты вдруг такое надумал? — спросила Диана, снова вернувшись к своему занятию.

Лицо ее было каменным, как маска, — видимо, так надо для коррекции формы бровей.

— Да попал случайно на уличный фестиваль, — не стал скрывать Руслан. — Встретил там бывшую партнершу по бальным, а ее муж как раз преподает танго. Уверяет, что это совершенно отдельный вид танца. Я не совсем понимаю, что он имеет в виду, и хочу попробовать начать не то чтобы с нуля, но… для меня, пожалуй, после такого перерыва будет почти что с нуля. Так что ты можешь…

— И сколько раз в неделю? — перебила Диана.

— Пока будет индивидуальный урок, а так, наверное, раза два, — пожал плечами Рус. — И еще практика по воскресеньям.

— То есть тебя дома совсем уже не будет, — констатировала жена, упорно не глядя в его сторону.

— Так потому я и зову тебя заниматься вместе. — Он подошел сзади, хотел положить руки ей на плечи, но она решительно отодвинулась. Ножки пуфика противно скрипнули по полу.

— Мне это вообще неинтересно. Ну вот совсем. Танго это…

«ЭВТ, Это Ваше Танго», — сразу вспомнились Руслану слова Андрея. А жена тем временем продолжала:

— Я ж тебя не зову участвовать со мной в вебинарах по флористике!

Пожалуй, в словах Дианы был резон. У каждого есть собственные интересы, и глупо навязывать свои тому, кто их совершенно не разделяет. Его привлекают танцы, ее — цветы. Но откуда у него такое чувство, что Динька с ним не вполне искренна?

* * *

Со смесью любопытства и ностальгии Руслан осмотрелся в танцзале так внимательно, словно

попал в подобное место впервые. Кроме Андрея там была незнакомая женщина, как показалось Руслану, лет сорока. Про такие фигуры говорят: «крепко сбитая».

— Лариса, — представилась она и вдруг обняла его.

Он удивленно обнял ее в ответ. Такое прекрасное ощущение, оказывается.

— Привыкай, мы все обнимаем друг друга в начале и в финале урока, — подмигнул и засмеялся Андрей. — И вообще по жизни.

— Отлично, — засмеялся и Руслан. — Мне нравится.

— Лариса в танго одиннадцать лет и волонтерит на индивах — для тех, кто пришел на занятия без пары, — пояснил Андрей. — Хотя чаще, конечно, без пары оказываются женщины.

Сначала была небольшая, минут на двадцать, неспешная разминка. Руслан с удовольствием ощущал, как расправляются и разогреваются мышцы. А затем Андрей включил спокойное медленное танго.

— Мне нужно посмотреть, как ты двигаешься именно под эту музыку.

Руслан подошел к партнерше, встал в изначальную позицию, повел. Лариса удивительно

послушно и пластично пошла за ним.

— Подожди, — остановил его Андрей. — Ты не чувствуешь ее. Ты не танцуешь, ты показываешь мне свою технику, словно рядом с тобой не женщина, а спарринг-партнер. А техника здесь не главное. Включи воображение. Вот ты ее пригласил, и она встала тебе навстречу, но вы незнакомы. Ты не знаешь, как она будет двигаться, какой у нее темперамент, куда ты хочешь ее повести. И не спеши сразу это узнать. Просто обними. Замри. Прислушайся к музыке. Синхронизируй свое дыхание с ее. Почувствуй, что в твоих объятиях живая женщина со своей индивидуальностью. И больше ничего и не надо. Танец — он внутри. Тут не нужно ни с кем соревноваться. Хвастаться можно только той драгоценностью, которая сейчас в твоих руках. А не тем, какой ты крутой и как всех сейчас победишь или затмишь. Обними и дыши. Хочешь станцевать хорошо — просто люби ее в это время. Именно ее…

Руслан прислушался к себе, к своим ощущениям, ощутил рядом живое тепло женских рук, нежно и трепетно обнимающих его. Он почувствовал ее доверие и покой, и этот покой и неспешность передались ему. В самом деле, здесь

не нужно было никого побеждать и с кем-то соревноваться. Просто получать удовольствие — от музыки, от доверившейся ему в танце женщины, от того, что его собственное тело послушно ему. Музыка усиливала то, что он ощущал, и Руслан с удивлением понял, что сейчас танец будет совсем другим. Он просто слушал музыку и дыхание той, что была рядом, и они вместе диктовали ему, что нужно делать.

— Ощути, что ты должен беречь ее. Кольцо твоих объятий — ее надежная крепость. А она — та, что сейчас в твоих руках, — нежная лилия, твой цветок. Не загуби его, будь бережным, — говорил Андрей. — Поведи ее уверенно через огонь и бури и не дай ни одному волосу упасть с ее головы… Просто иди вперед. Веди свой белоснежный фрегат.

И Руслан повел свой драгоценный кораблик по волнам мелодии танго.

— Ну вот, теперь ты был живым, — сказал ему Андрей, когда музыка кончилась.

— Я хочу ожить окончательно, — воскликнул Руслан, все еще не придя в себя от целого спектра пережитых только что ощущений. — Лариса, спасибо огромное! Андрей, когда у вас групповые занятия?

Именно на первом уроке Рус внезапно понял, как это все действительно резко отличается от того, что он знал и ощущал во время прежних занятий и выступлений. Пришедший из Аргентины начала двадцатого века, обросший легендами и байками танец был не просто танцем — для Риты, например, он стал образом жизни, как только она начала танцевать его с Андреем. Уважая традиции, Рио-Рита неуклонно и жестко, как все, что она делала, соблюдала кодигос — кодекс поведения на милонгах (вечеринках, где танцуют исключительно аргентинское танго). Рита иногда приходила к Андрею на занятия и потихоньку помогала вводить Руса в курс всех тонкостей.

Так началось его «возвращение к себе» — именно так Руслан воспринимал происходящее сейчас с ним.

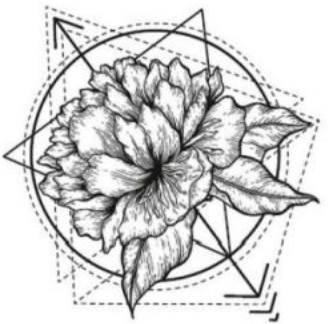
Андрей определил его в старшую группу, и партнерши у Руса постоянно менялись — ведь в танго, как и много еще где, женщин было гораздо больше, чем мужчин.

Понемногу Руслан стал узнавать детали и нюансы этого особого и совершенно потрясающего мира: например, почему партнершу нельзя приглашать «с руки», что такое «кабесео» и «мирада», «пивот» и «очо», с кем танцуется первая и ультима

танды и «Кумпарсита» — ОСОБЕННО «Кумпарсита». На каждом новом уроке он впитывал все это по капле и пьянел. Это было потрясающе — ново и свежо.

Началась еще одна новая полоса в его жизни, и снова счастливая.

Фрагмент четвертый
Черно-белый снимок



В это лето жизнь Руслана стала невероятно насыщенной. И танцы, и поездки к отцу (что греха таить, отнимавшие немало времени), да и работу, собственно, никто не отменял, и там тоже надо было постоянно быть в тонусе: лето, жара, работать всем лень, так что хочешь не хочешь, а начальнику приходится закручивать гайки. Но странное дело — Руслан как-то ухитрялся все успевать. Стал организованнее, научился не отвлекаться на постороннее, стал эффективнее

совмещать дела — по дороге к отцу и от него слушал в машине не просто абы что по радио, а специально отобранную музыку, аудиокниги или подкасты Андрея об аргентинском танго (Руслан по старинке называл их для себя лекциями). Андрей рассказывал очень интересно, живо, с многочисленными историческими примерами и забавными байками. Слушая его, Руслан все больше проникался, понимал, что аргентинское танго — это не просто удивительный танец, один из тех, с которыми он выступал когда-то. Это целая жизненная философия, выходящая за рамки просто набора движений, подобно тому, как йога выходит далеко за рамки системы упражнений.

Однажды он вернулся от отца раньше обычного — повезло с дорогой, нигде надолго не застрял. Динька смотрела в гостиной какой-то девчачий сериал, а Руслан поднялся в кабинет, к пазлу. И тогда в оставшихся «бесхозных» детальках вдруг попались на глаза черно-белые кусочки. Руслан удивился — общая картинка была цветной, и раньше ни черных, ни белых фрагментов он не замечал. И что же это такое? Удивительно, но уже в который раз показалось, что деталей гораздо больше, чем было вначале, и рисунок на них совершенно другой.

Рус отобрал все подходящие кусочки, подвигал их так и этак. И они сошлись. Получилась висящая на стене черно-белая фотография в рамке. Белое небо и очень приметное кривое дерево, так апокалиптично изогнувшееся на светлом фоне — воздетые в немом страдании ветви, словно руки с растопыренными пальцами. И на Руслана как озарение снизошло — фотография была похожа на те снимки, что делала Даша. Ох, Даша-Даша…

Руслан даже застонал. Этого еще не хватало!.. И в этот момент раздался сигнал телефона.

— Володька, ты, как всегда, вовремя! — обрадовался Руслан. — Сам хотел тебе звонить. Слушай, братишка, я завтра буду по делам рядом с твоим офисом, на Профсоюзной. Может, пообедаем вместе?

— Принято, — охотно согласился Володя.

Спать Руслан ложился в хорошем настроении, предвкушая завтрашнюю встречу с другом. Но едва закрыл глаза, в памяти сразу возникла черно-белая фотография, похожая на ту, в пазле. Потом еще одна, и еще, и еще… И завершающим аккордом — лицо их автора.

Даши…

* * *

— Что-то ты непривычно задумчив сегодня, — заметил Володя, сразу после того, как они сделали заказ.

— Да понимаешь… — замялся Рус. — Вспомнилась тут вчера одна девушка. Но это не Оля, не Динька и не Рио-Рита. Черт! — перебил он сам себя. — Звучит так, будто я донжуан какой-то. Даже неловко.

— Что тут неловкого? — пожал плечами Володя. — Жизнь есть жизнь. Я сам, грешным делом, в студенческие годы подсчеты девчонок вел, по психотипам классифицировал… Так расскажешь, что за девушка тебе вспомнилась?

— Да, — кивнул Руслан. Отхлебнул минералки из бокала и стал излагать, как уже привык для Володи — с самого начала: — Я ее, Даша ее зовут, заметил впервые на корпоративной вечеринке. У нас очередная годовщина фирмы была, руководству захотелось сделать нормальные фото, а не как обычно, знаешь, когда на ходу щелкают все подряд «на тапок». Вот и пригласили профессионального фотографа — ее. Она ходила повсюду с фотоаппаратом с таким большущим объективом и снимала. Да так азартно и вдохновенно, что я

залюбовался. Всегда приятно смотреть на человека, который настолько увлечен своим делом — причем так светло и улыбчиво, а не серьезно и насупленно. Это подкупало. И сама она была… такая светленькая, в веснушках, волосы легкие и непослушные — выбиваются из хвоста, она их опять закалывает, а они опять не слушаются, прядки вылезают, на глаза ей падают, она их сдувает… В общем, сплошная милота…

Руслан говорил, а Володя, как всегда, слушал очень внимательно, даже почти не двигался. Облокотился на стол, положил подбородок на сцепленные пальцы — и слушал. Руслан не сомневался — друг впитывает и запоминает каждое его слово.

— Ну, подошел я к ней, поболтали. Она мне фотографии свои показала на смартфоне — не те, что, как у нас, на заказ делает, а собственные, авторские. Все черно-белые, атмосферные такие. Выразительные. Я ей сразу сказал, что она очень талантлива, ей приятно было. Потом я номер телефона попросил, она продиктовала. Я позвонил дня через два-три, предложил встретиться. Сходили в Новую Третьяковку на выставку, потом в кафе посидели. Потом я ее к себе пригласил — и она поехала. Я тогда с Ольгой уже разошелся,

жил на съемной квартире, пока свой таунхаус отделывал. Утром отвез Дашу на работу, она в каком-то глянцевом журнале фотографом была. Ну и стали с тех пор иногда встречаться. Я был уверен, что у нас с ней просто… — Руслан на мгновение запнулся, не находя подходящего слова.

— Ни к чему не обязывающие отношения, — подсказал Володя.

— Да, именно так, — обрадовался формулировке Рус. — Ну, встречаемся раза три в месяц, разговариваем, с ней всегда интересно было поговорить, и не только об искусстве. Ходим туда-сюда, иногда в постель ложимся. Для меня-то это был всего лишь дружеский секс! И я был уверен, что и для нее тоже.

— Знаешь, братишка, — усмехнулся Володя, — скажу я тебе по секрету, что очень малый процент женщин способен на «просто дружеский секс». Ну, это так, к слову. Извини, что перебил. Продолжай.

— Да, собственно, уже все почти… Я действительно думал, что Даша относится… прости за тавтологию, но *относится к нашим отношениям* так же, как и я. Приятное общение, и ничего больше. Сколько раз у меня так было с другими женщинами… Но с Дашей все вышло иначе. Пов-

стречались мы так около года, может, немного больше. И вдруг она ни с того ни с сего призналась мне в любви. Сказала, что хочет провести со мной всю жизнь, что я тот единственный человек, которого она всегда ждала и искала, что я изменил весь ее мир… Ну и прочее в том же духе. А я… я, признаться, совершенно опешил тогда. Не ожидал совершенно… Ну и ляпнул что-то в духе: «Дашка, ну ты что, серьезно?» Надеялся, она поймет и мы сможем если не обратить все в шутку, то хотя бы как-то сгладить неловкость, разрядить атмосферу. А она заплакала и убежала. И…

У него вдруг пересохло в горле. Он допил минералку в своем стакане, но этого оказалось мало и пришлось снова подзывать официанта, чтобы принес еще воды.

— Догонять я ее не стал, — продолжал Руслан, кое-как утолив наконец жажду. — И звонить не стал. Думал, нужно дать ей время. Пусть успокоится, разложит все по полочкам, разберется сама с собой и сделает выводы. Она и сделала… Прислала мне фотографию, черно-белую, как всегда у нее. На снимке тоненькое молодое деревце, сломанное ураганом или, может, молнией. Признаюсь, меня это взбесило тогда. Ну что за детский сад! Книжный какой-то жест, инфан-

тильный. Не современная девчонка, а институтка какая-то. Потом я понял, что разозлился на нее так сильно потому, что злился на себя. Давно ведь мог понять, что для нее я не «дружеский секс», а нечто большее. Она ведь из таких девушек, которые созданы для прочных и длительных отношений. Но я-то для них на тот момент создан не был! Только что развод пережил, года не прошло. Ну не мог я ей этого дать! И обнадеживать не хотел. Вот и старался ничего не замечать. Хотя ясно же было… С тех пор я сразу стал с дамами выставлять жесткие рамки, прям проговаривал каждый раз: «Без обязательств, без перспектив, без детей». Пока не появилась Динька… Извини, я так сумбурно излагаю…

— Ничего, все понятно, — заверил Володя.

Руслан помолчал, поглядел в окно. Пасмурно, наверняка соберется дождь. Да и похолодало в последние дни… Впрочем, чему тут удивляться? Август. Не успеешь оглянуться, как наступит осень.

— Я почему вдруг вспомнил о Даше… — вновь начал он после паузы. — Помнишь, рассказывал тебе о пазле, который мне на день рождения подарили? Где мальчик, похожий на тебя в детстве?

— И старик в очках, как у твоего отца, — кивнул

Володя. — Помню, конечно.

— Так вот, там еще фотография на стене собралась… Черно-белая. Она мне и напомнила. И так паршиво на душе сразу стало… В общем, я хочу ее найти. Дашу.

— Что ж, успехов тебе, — пожелал Володя. — И не только в поисках. Расскажешь потом?

— А как же иначе, — усмехнулся Руслан. — Обязательно. Будем еще что-то заказывать или сейчас разбежимся?

Найти Дашу в интернете оказалось на удивление несложно. Первый же запрос в поисковой строке выдал ссылку «Дарья Зарянская и ее черно-белый мир». Ссылка вела не на страницу в соцсети, а анонсировала фотовыставку в креативном арт-пространстве, разместившемся в бывшем заводском здании. И повезло, информация оказалась свежей, а не годичной давности, как это нередко случается, — выставка еще действовала. На странице анонса даже была фотография автора — судя по ней, Даша почти не изменилась с тех пор, как они…

Из интереса Руслан пощелкал и по другим ссылкам о Даше и попал на еще один анонс в соцсети. Некая блогерша, судя по немалому числу подписчиков, довольно популярная, писала, что

в четверг собирается посетить выставку Дарьи Зарянской и взять у фотохудожницы интервью. Это значило, что в четверг Даша обязательно будет присутствовать на своей выставке. Что ж, надо попробовать ее застать. Тем более что на четверг, на вторую половину дня, у Руслана нет никаких важных планов.

В этом не так давно открывшемся (не так давно — по меркам пятидесятилетнего человека, конечно!) и, судя по всему, весьма популярном, особенно у молодежи, месте Рус еще никогда не был. А оказавшись, удивился и масштабам, и количеству посетителей в будний день. Выставка работ Даши тут была далеко не единственной, даже наоборот — почти затерялась среди других экспозиций фотографий, картин, скульптур, хенд-мейда и прочих инсталляций. Руслану пришлось некоторое время побродить по корпусам, лестницам и переходам, прежде чем отыскался нужный зал.

Он невольно отметил, что место для демонстрации произведений искусства тут весьма удачное — многочисленные огромные окна, обширное помещение, точно гигантский аквариум, в котором вместо воды воздух и свет, а вместо рыб — фигурки людей, кажущиеся в таком просторе

маленькими и незначительными.

Дашу нигде не было видно, и он решил пока посмотреть ее работы.

В отличие от музыки, к фотографии Руслан был почти равнодушен. Да, он понимал, что фотографии фотографиям рознь — есть чисто утилитарные снимки, щелкнутые на память, а есть настоящее искусство. И когда попадались на глаза работы настоящих мастеров, он иногда рассматривал их, отмечал, что сделано хорошо и производит впечатление, вызывает ту или иную эмоцию — сопереживание, печаль или, напротив, радость. Но и только. Сам он работ фотохудожников никогда не искал и, наверное, если бы спросили, даже не смог бы назвать ни одного имени, ну, кроме, может, Родченко, Евгения Халдея или Прокудина-Горского.

Впрочем, представленные здесь фотографии ему понравились. Возможно, сама Даша и не изменилась внешне за те годы, что они не виделись, но профессионализм ее явно вырос. У каждого снимка была точно своя душа — будь то портрет очень старой женщины с пронзительно-мудрым взглядом, городской пейзаж, на котором бок о бок соседствовали современный многоэтажный дом и покосившаяся бревенчатая избушка с на-

личниками на окнах, или натюрморт с увядшим и осыпавшимся букетом. Около некоторых фото так и тянуло постоять подольше, внимательно рассмотреть и прислушаться к собственным ощущениям. Вот, например, на переднем плане за стеной высокой травы сидит, скособочившись, игрушечный мишка. А позади, чуть в расфокусе, растерянно замерла девочка. Скорее всего, именно этого мишку она и потеряла, и не видит теперь — мешает высокая трава. Да и выражение игрушечной мордочки выглядит озабоченным и встревоженным: «Найдут меня или нет?» Словно мишка живой. Словно понимает, что может остаться здесь навсегда, всеми забытый, и его будут поливать дожди и засыпать снегопады — до тех пор, пока он не истлеет… А девочка будет плакать, не найдя своего любимца, и ей купят нового, а она скажет: «Не хочу такого, мой мишка был лучше!» А возможно, все будет наоборот и закончится счастливо. Через несколько секунд девочка обойдет эти травяные лохматые заросли и воскликнет: «Вот же он!» И засмеется, и обрадуется, и прижмет мишку к себе, и побежит к маме, по пути отчитывая любимца: «Вот ты какой непослушный, чуть не потерялся! Я ж тебе говорила: далеко от меня не убегать!»

Или вот осенний кадр: дождь, мокрые листья, безлюдная набережная, ряд пустых скамеек… И только на одной сидит человек, сгорбился весь, не поймешь даже кто, мужчина или женщина. И такой тоской веет от этого снимка, таким одиночеством, что впору расплакаться от жалости к этому неизвестному одинокому человеку… А заодно и к самому себе.

Был среди других и знакомый Руслану снимок, тот самый, который Даша прислала ему после их разрыва, — сломленное молодое дерево. В тот момент на эмоциях он просто удалил картинку. Не хотел напоминаний о том, что неприятно было вспоминать. Теперь, рассмотрев фото вблизи, Руслан понял, что оно еще интереснее, чем увиделось тогда. Очертания дерева каким-то непостижимым образом напоминали тоненькую фигурку девушки, надломленную страданием или горем. Голова поникла, колени согнулись, а руки тянутся ввысь жестом отчаянной мольбы…

Увидев этот снимок, Руслан невольно поискал взглядом подпись к нему и обнаружил, что ни у одной фотографии в этом зале не было названия — придумать его предлагалось самим посетителям выставки. Для этой цели под каждым снимком располагался листок картона, а рядом

висела ручка. Неожиданно порадовало то, что почти все картонки уже были исписаны минимум на треть. Руслан решил, что тоже внесет свою лепту, и написал под фотографией с девочкой и мишкой: «Как сложится». Задумался, ставить вопросительный знак или нет, и все-таки не поставил.

Он так увлекся рассматриванием фотографий и придумыванием названий к ним, что не заметил, как в зале появилась Даша. Но, услышав за спиной знакомый голос, сразу обернулся. Даша стояла у одного из огромных окон в обществе молодой черноволосой женщины с восточным разрезом глаз. Брюнетка задавала ей вопросы, протягивая микрофон, а бородатый юноша в бриджах-карго, открывавших татуированные голени, снимал беседу на камеру.

— …отличная идея — предложить зрителям самим найти названия для ваших снимков, — говорила блогерша.

— Я надеялась, что этим способом смогу установить контакт с каждым из тех, кто придет сюда, — отвечала Даша. — Чтобы любой из них увидел в моих работах что-то свое, личное. Не такое, как у других.

— Это правильно, ведь сколько зрителей, столь-

ко и видений, столько и ассоциаций. Недаром мы любим повторять цитату Оскара Уайльда: «Красота — в глазах смотрящего». Пусть каждый по-своему оценит ваше творчество, найдет в нем свои достоинства. Найдет то, что понравится именно ему.

— Тут дело не в достоинствах и не в оценках, — решительно возразила Даша, и Руслан невольно отметил про себя, что раньше она обычно не спорила, предпочитала соглашаться с тем, что ей говорили. — И не в красоте. Прекрасное, то есть искусство, далеко не всегда бывает красивым. И я совсем не стремлюсь к тому, чтобы всем понравиться. Мне важно вызвать у моих зрителей душевный отклик. Заставить их вспомнить о чем-то, что для них действительно важно, подумать, в идеале — разобраться в себе.

— Как интересно! — воскликнула блогерша, но по ее тону и выражению лица наблюдавший за ними Руслан догадался, что это сказано просто для приличия. Девушка не задумалась над словами Даши — в отличие от него.

— Даша, а у вас есть самая любимая работа? — последовал тем временем новый вопрос.

Даша ответила на удивление быстро, почти сразу:

— Есть. Конечно, я люблю их все, каждую по-своему, ведь все они — какой-то кусочек меня. Каждая — частица моей души или моей судьбы. Частица, из которых складывается, как пазл, и моя личность, и моя жизнь… Но есть одно фото, которое мне дороже других. С ним связано не слишком приятное воспоминание, но для меня эта работа знаковая. С нее началось некое переосмысление жизни…

— Какое? Что у вас в тот момент произошло? — тут же загорелась брюнетка.

— Я не буду этого рассказывать, — твердо парировала Даша. — Это слишком личное. Скажу только, что те события изменили меня и как человека, и как профессионала. Я стала по-другому смотреть и на себя, и на мир.

— Что ж, давайте на этой радостной ноте и закончим, — подытожила блогерша, выключая микрофон и делая знак оператору. — Спасибо за прекрасное интервью. Я постараюсь выложить его в сеть уже завтра. Адрес сайта вы знаете, не забудьте сообщить его друзьям и знакомым. Хорошего дня!

Оставшись одна, Даша обернулась и только сейчас заметила Руслана. По ее лицу пробежала быстрая тень, тотчас сменившись, впрочем, при-

ветливой улыбкой. Он подошел, отмечая про себя, что она все же изменилась, но исключительно в лучшую сторону — стала более элегантной, ухоженной. Прекрасно выглядит. И новая стильная стрижка, заменившая непослушный хвостик, ей очень идет.

— Привет, — улыбнулась она как ни в чем не бывало. — Ты здесь какими судьбами?

В глазах Даши не было ни тени обиды или неприязни. Они лучились, как и тогда, несколько лет назад. Но все-таки она изменилась, в ней точно появилось что-то новое… Уверенность? Раскрепощенность? Свобода? Пожалуй, все вместе.

— Я… — он немного растерялся, так как ожидал от их встречи совсем другого. Готов был к упрекам, к ссоре, даже к тому, что она не захочет видеть его. К чему-то похожему на то, что получил при первой встрече на Кузнецком Мосту от Рио-Риты. То, что Даша смотрела на него приветливо и дружелюбно, немало удивило.

— Как тебе? — заинтересованно спросила она и повела рукой вокруг.

— Ну… круто, Даш, — честно признал он. — Твои работы и раньше были очень интересными. Притягивали взгляд, вызывали эмоции… А сейчас они заставляют думать.

— Ой, как здорово, что ты это сказал, — обрадовалась она.

Он помнил — она умела радоваться искренне, как ребенок. А он так с ней обошелся… Рус почувствовал, что мучительно краснеет, — лицо изнутри обдало жаром.

— Даша, — неловко сказал он. — Это глупо, наверное… но я пришел сюда специально для того, чтобы извиниться за свою тогдашнюю грубость. И глупость. К сожалению, многое понимаешь только по прошествии какого-то времени. Видишь, мне понадобилось несколько лет, чтобы понять, насколько я был жесток к тебе.

Глаза Даши затуманились.

— Знаешь, — сказала она наконец. — Я вот сейчас в себя заглянула — никакой обиды не осталось. Ни капельки. Да, конечно, тогда было очень больно. Главным образом из-за того, что я не понимала — за что. Но после этих всех переживаний, которые сейчас расписывать нет никакого смысла, во мне словно открылась какая-то… дверца ввысь. Когда я была с тобой, то словно ничего больше и не видела вокруг. Какая-то зашоренность, ограниченность даже. Как говорится, «по четыре Руслана в каждом глазу». Да, тогда ты очень зацепил меня — не знаю чем,

зацепил, и всё. И ничего, кроме моей любви и любовных страданий, меня не интересовало.

— Но я ведь даже не знал, — он развел руками. — Не понимал, насколько…

— Да брось! — только что не отмахнулась она. — Не бери в голову. Все обернулось наилучшим образом. Когда я поняла, что все себе придумала, а на самом деле я не просто *осталась* одна после расставания, но и *была* одна, будучи с тобой, — понимаешь? — вот тогда я и стала по-иному смотреть на мир и на все остальное. И поняла наконец, что такое самоуважение. Когда ты не приложение к кому-то, а цельная личность, которая чего-то стоит сама по себе. И что любовь любовью, но цельность и принятие себя гораздо важнее.

Для Руслана ее рассуждения были почти темным лесом. Он тонул в ее откровении и многословии, поражался тому, как многого, оказывается, не знал. Неужели впрямь так бывает, что два человека общаются друг с другом, но для одного это… Ну, пусть не мелочь, но все же не слишком значимая часть жизни, дружеский секс и ни к чему не обязывающие отношения, как выразился Володька. А для другого в то же время — весь мир, весь смысл существования, то единственное,

ради чего стоит жить, дышать и просыпаться по утрам. Именно этим всем он, оказывается, был тогда для Даши. Хотя и не знал об этом, точнее, не хотел знать.

Эти мысли вихрем пронеслись в голове, а следом за ними пришли уже другие. И даже не мысли, а чувства. Ему бы радоваться, что Даша не сердится, что у нее все перегорело, но… почему-то стало даже немного обидно. Таких эмоций не возникало, когда он беседовал с Рио-Ритой. Может быть, потому что Рита в первые минуты буквально хотела загрызть его, и было за что, а Даша словно… не восприняла его всерьез. Хотя когда-то ведь любила всем своим существом, сама говорит, и было это не столь давно. Почему так? Да, трудно понять чувства человека, если не разделяешь их. Хотя порой непросто, даже когда разделяешь.

Про Дашу он понял одно — она изменилась в лучшую сторону. В ней появилась легкость, жизнерадостность и отстраненность. Она словно выздоровела от него. Оказывается, она болела им, как в свое время он потерял голову от Риты… Интересно, а про Олю он мог бы так сказать? Нет, конечно, не мог бы. С Олей все совершенно иначе… Какие все-таки сложные существа

— женщины. Прекрасные инопланетянки. И как хочется найти с ними общий язык, чтобы не ранить их и не раниться самому. Ведь все мы — люди…

— И вот, посмотри, какие у меня сейчас работы, — говорила между тем Даша. — Совсем другие, правда?

— Да, — признал Руслан. — Другие. На порядок выше.

И тут же мысленно обругал себя за неудачную формулировку. Кто же так говорит о творчестве — «на порядок»?

— Так что, если ты переживаешь, не переживай, — с улыбкой заключила Даша. — Прошло время, все изменилось, и я изменилась. Знаешь, всё и всегда — к лучшему. И… спасибо тебе. Спасибо, что не остался со мной.

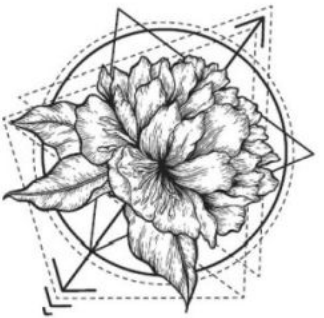
Эти слова неожиданно ожгли его сильнее, чем самый колючий упрек. Они означали, что без него лучше, чем с ним.

А Даша, увидев кого-то и помахав ему рукой, вся так и осветилась улыбкой. Торопливо распрощалась с Русланом, даже не глядя больше на него, и поспешила в другой конец зала. Рус посмотрел ей вслед и увидел молодого мужчину, одетого в стиле «респектабельный хиппи XXI столетия». По

тому, как они с Дашей обнялись и поцеловались, как смотрели друг на друга, тут же принявшись что-то горячо обсуждать, Руслан понял, что эти двое очень близки. Гораздо ближе, чем они были с Дашей когда-то…

Домой Руслан возвращался в странном настроении. Конечно, он порадовался за Дашу. Профессиональный рост, творческие успехи и все такое… Похоже, и в личной жизни у нее все хорошо. Но, что греха таить, его самолюбие было слегка поцарапано. И даже не слегка. Особенно финальной фразой Даши: «Спасибо, что не остался со мной»…

Фрагмент пятый
«Тупой рододендрон»



Диньки дома не было. Руслан заметил, что в последнее время это случалось все чаще. Раньше его это очень обеспокоило бы. А сейчас?..

…А сейчас, пожалуй, можно вернуться к пазлу. Преинтересная философская штука этот пазл. Попытка упорядочивания хаоса. Чем, собственно, человек в нашем мире занимается? Именно этим — упорядочиванием хаоса в своей жизни, от мелочей до чего-то более сложного. Хаос в мелочах — это, скажем, не застеленная постель

или не законченная к сроку работа. Сложнее — вовремя не выясненные отношения. Да так, чтобы полюбовно, без скандала и обвинений… Кому-то наводить в жизни порядок удается легко, играючи — вот, например, Володе. Такое чувство, что у него в жизни никакого хаоса и не было. Хотя откуда это можно знать наверняка? Чужая душа — потемки.

И этот лежащий на столе недособранный пазл, между прочим, тоже своего рода потемки. Вроде бы осталось не так много бесхозных деталей, но они почему-то упорно не желали складываться между собой.

Повозившись с ними какое-то время, Руслан отвлекся, позвонил отцу, обсудил все новости, особенно подробно рассказал о Мыше, ну и, что знал от нее, — о Егоре. Распрощавшись с батей, набрал номер Дианы и слушал длинные гудки, пока не включился робот: «Абонент не отвечает»…

Любопытство начало смешиваться с раздражением. Что такое, почему Динька не отвечает? Чем настолько занята, что не слышит телефон или не хочет взять трубку?

«А так ли она важна для меня?..»

Этот внезапный вопрос, заданный самому себе, обескуражил. Когда-то, когда он *ухаживал* — ка-

кое милое старомодное слово! — конечно, была важна, даже очень. Иначе бы он так не старался. Но после свадьбы все изменилось. Она даже перестала напоминать ему… Да хватит замалчивать это перед самим собой. Диана напоминала Русу его жену Олю в молодости. Она всегда ему ее напоминала. Собственно, именно поэтому он так на Диньку и запáл, именно поэтому его так влекло к ней. Теперь все по-другому. Как-то вошло в колею, стало привычным. Не сказать рутинным — просто ненапряжным, будничным. Ну а как иначе?! Это нормально для семейной жизни. Более чем нормально! Не фейерверки же каждый день устраивать. Впрочем, он ведь и фейерверки устраивать пытался — ну, в переносном смысле, конечно. Старался разнообразить их привычный жизненный уклад «выходами в свет» — в рестораны, на концерты, в богемную атмосферу кафе «Старые ритмы», в гости к друзьям. Даже в танцкласс с собой позвал. Но от танцев Диана отказалась, с друзьями Руслана общалась неохотно, а выбрать концерт, чтоб был по душе обоим, оказывалось каждый раз почти непосильной задачей — настолько не совпадали музыкальные вкусы.

Однако в тот момент, когда Руслан встретил

Диану, зайдя в магазин за букетом для финдиректора, он вообще не думал о музыкальных и прочих вкусах. В тот день в небольшом цветочном магазине по соседству с офисом он не просто нашел искомое — большой выбор цветов, — а буквально потерял голову, точно помутнение на него нашло. Вот уж не думал никогда, что его может так накрыть в одночасье. Первое, что он увидел, оказавшись внутри, — обтянутую плотным синим трикотажем аппетитную «филейную часть» женщины, перегнувшейся в этот момент за прилавок.

Он смущенно кашлянул. Женщина выпрямилась и обернулась — и он обомлел. Она была молода и очень хороша собой. Как потом выяснилось, почти вдвое младше его — ему сорок шесть с хвостиком, ей двадцать четыре. Но она была не только молода и привлекательна.

— Словно током прошибло, — как он потом признавался ей.

Не признался он только в том, почему именно его «прошибло». Диана невероятно напоминала его собственную жену, Олю, в молодости. Рост, комплекция, оттенок темно-русых волос… Даже ямочки на щеках. Даже черты лица похожи, как у сестер. Только Динька при всем при этом гораздо

ярче, раскованней и сексуальнее.

А как она подбирала ему цветы! Не просто ткнула равнодушно куда-то в сторону готовых букетов «Ну, вон тот возьмите…», а расспросила все подробности: кому, да по какому поводу, да что за человек, да что она любит… Русу всегда нравились настолько увлеченные своим делом люди. А когда Руслан попросил ее номер телефона, решительно отказалась сообщить. И это покорило его окончательно.

«Венец творенья, дивная Диана», — напевал он потом несколько дней. Оля обожала «Собаку на сене», постоянно ее пересматривала, и Рус поневоле смотрел вместе с ней. И даже ревновал ее к красавцу Теодоро, хоть и не подавал виду.

Однако Оля на тот момент уже осталась в прошлом, а в мыслях Руслана прочно поселилась цветочница. В самом этом слове «цветочница» было что-то романтическое, как из каких-то любимых в юности книг, стихов или тех же фильмов.

И когда он танцевал на корпоративе румбу с Ксюшей, то представлял, что его партнерша — та самая женщина его мечты, Диана и молодая Ольга в одном лице. Хотя Ксюшка, конечно, не походила ни на одну, ни на другую.

Уже на другой день Рус позвонил Диане — в магазин, по городскому номеру, — поблагодарил за помощь в выборе цветов и попытался пригласить на свидание. И вновь Диана, смеясь, отнекалась.

Ничто так не подогревает заинтересованного мужчину, как отказ. Рус начал настоящую осаду. На другой же день он появился в цветочном магазине и попросил составить букет для женщины, которая ему нравится. И вновь Диана посерьезнела и стала расспрашивать, что за повод, какой возраст, какой характер. Услышав завуалированные ответы, предложила букет из нежных фрезий разных оттенков, перевязанных контрастной атласной лентой. Оля тоже любила фрезии — но не так сильно, как ромашки.

— Перед таким букетом не устоит ни одна дама, — пошутила цветочница.

— Это вам, — ответил Руслан.

Диана растерялась, немного смутилась, но букет приняла.

— Знаете, такие вот дела, — сказала она. — Работаю здесь вся в цветах по маковку, а букетов в подарок ни разу еще не получала. Надо же…

Руслан счел это добрым знаком, решил, что ее лед начал немного подтаивать. Но, как оказалось, ошибался. Динька заявила, что возьмет цветы

только в том случае, если все действительно так, как Руслан говорит, — это лишь знак благодарности, и ничего больше. И потом еще долго стойко держала оборону. Ходила с ним только обедать, притом нечасто, и всегда настаивала, что заплатит за себя сама. Лишь несколько раз, вроде как по праздникам, соглашалась угоститься за его счет чем-нибудь вместо бизнес-ланча — фирменным блюдом или десертом.

О сходстве с бывшей женой Руслан Диане, конечно, ничего не сказал, но желание более близкого знакомства так и не оставил. «Ухаживание за цветочницей» длилось долго, и Руслан на это время, разумеется, не давал монашеского обета. Визиты к нему одиноких и не очень дам не прекращались, но его собственные визиты в цветочный магазин стали уже регулярными настолько, что, как он надеялся, если бы он перестал туда приходить, то хорошенькая сексапильная продавщица огорчилась бы. Он уже многое знал о ней: что Диана в столице недавно, что приехала из милого провинциального Торжка, но покорять Москву собиралась совсем не так, как другие девушки, не охотой за богатыми женихами. Жених у Дианы был собственный, Глеб, бывший одноклассник, автомеханик по профессии. Молодые

люди вместе снимали квартиру и собирались пожениться, когда накопят на собственное жилье. Оба много и напряженно работали, а Диана еще и ухитрилась выучиться на флориста. На цветах она была буквально зациклена, знала о них, казалось, буквально все и могла обсуждать эту тему часами. А Руслан, усмехаясь, мысленно говорил себе, что если бы «дивная Диана» любила своего Глеба так же сильно, как цветы, то он, Руслан, возможно и счел бы себя третьим лишним. Но раз Глеб не занимает в ее жизни настолько важного места, то все не столь однозначно. У него, Руслана, есть шанс.

И тут вмешалась судьба. Грянул ковид, началась пандемия, и жители самых разных стран земного шара неожиданно оказались в одной и той же непривычной и для многих некомфортной ситуации — их попросили «самоизолироваться». Как водится, все люди восприняли эту необходимость по-разному. У одних, кто и раньше был домоседом, почти ничего в образе жизни принципиально не изменилось. Другие обрадовались возможности наконец-то отдохнуть от работы, пообщаться с близкими, почитать, посмотреть телевизор, посидеть в интернете, заняться домашними делами. Третьи быстро

заскучали, стали выдумывать себе разные, неведомые прежде занятия, а четвертые, привыкшие вести активный образ жизни, оказавшись запертыми дома, почувствовали себя арестантами и буквально взвыли. И если Руслан был, пожалуй, близок к первой группе, то Диана с женихом оказались где-то между третьей и четвертой. И автомастерская, и цветочный магазин закрылись, что означало для пары полное прекращение дохода на неопределенный срок, ведь удаленно торговать букетами или чинить машины невозможно, это не компьютерные программы писать. Сидя без денег и почти безвылазно в крошечной однушке, жених с невестой затосковали и быстро устали от общества друг друга.

Руслан сразу понял, что это его шанс — он должен, нет, просто обязан проявить себя перед цветочницей с самой лучшей стороны. Он стал каждый день писать Диане милые остроумные сообщения, вытягивая ее на разговор, старался, чтобы эти разговоры были как можно более интересными и приятными для нее. И это ему быстро удалось.

Сначала они перешли на «ты». Потом Руслан стал ей звонить по видеосвязи, стараясь, чтобы в кадр попадали интерьер его свежеотделанных

трехэтажных хором, симпатичный внутренний дворик с мангалом, вид на лес и речку с балкона третьего этажа. Просил советов «профессионального дизайнера» по оформлению квартиры, обсуждал с ней ее увлечение цветами, рассказывал о своих зарубежных поездках. Сыпал изящными комплиментами и не упускал случая выгодно подчеркнуть разницу между своими возможностями и теми негативными моментами, что наполняли жизнь Диньки с женихом. И девушка на это легко повелась.

«Он целыми днями тупит в телевизор! — сердито жаловалась Диана на Глеба уже совершенно по-свойски. — С утра до ночи этот гребанный ящик „бу-бу-бу“ да „бу-бу-бу“. Даже в ванной слышно. Я скоро повешусь!»

«Не надо вешаться! — отвечал Руслан. — Иначе просто некому будет украшать собой этот мир».

На третьем звонке Глеб взорвался: «Что это за хрен около тебя трется и что ему надо?!» И Диана, разумеется, уже сравнивала придирки жениха и предупредительное и корректное общение с Русланом. Понятное дело, что Глеб бесился: их отношения с невестой и так дали трещину, а тут еще со стороны кто-то нагло вклинился так, что не выпихнешь.

Глеб и Диана стали огрызаться друг на друга все чаще, о чем немедленно узнавал Руслан. Насчет его звонков Диана, по ее словам, говорила жениху так: «Мы просто друзья. Я же с ним не сплю. Просто мне с ним интересно, не то что с тобой в телик втыкать». И ведь не врала — на тот момент они с Русом еще не были любовниками. И слушать рассказы человека, который и знал много, и по белу свету поездить успел, ей, похоже, действительно было интересно. Ну и, конечно, лестно, что в нее влюбился взрослый состоятельный мужчина.

Глеб даже порывался «набить ему морду». Рус говорил: «Ну, давай, попробуй», — но до встречи дело так и не дошло.

А Руслана этот процесс «взятия неприступной крепости» в самом деле захватил. Чисто мужское влечение к яркой, сексуальной, да еще так похожей на Олю молодой женщине смешалось с азартом игрока, который во что бы то ни стало решил добиться успеха. Завоевывая расположение Дианы, он потратил на это кучу усилий, нервов и денег. Даже бросил всех своих пассий-однодневок.

Когда ковидные ограничения наконец сняли, Руслан и Диана стали встречаться «по-настоящему». Рус приглашал ее уже не на бизнес-ланчи,

а на настоящие свидания. На день рождения подарил великолепные сережки с бриллиантами. В тот же вечер Динька позвонила ему в слезах — Глеб, увидев у нее дорогое украшение, устроил грубый скандал, и Диана в слезах выбежала из дома. Руслан, даже не дослушав, попросил сказать, где она сейчас, и тотчас примчался на машине, чтобы забрать и отвезти к себе. С той ночи Диана и поселилась в его квартире, постоянно повторяя, что после заточения в однокомнатной малогабаритке таунхаус кажется ей земным раем. Руслан смеялся, целовал ее и возил покупать комнатные цветы, и семена, и саженцы для клумб.

А однажды сам привез ей шикарный букет — в котором спряталась коробочка с кольцом.

Для свадьбы арендовали коттедж в Подмосковье с большим участком, оформили дом и сад в стиле Гриннери. Руслан не скупился, не экономил на организации, банкете, оформлении, цветах, зелени, услугах модных декораторов. В итоге получилось шикарно, Диана была в полном восторге. При этом торжество вышло нешумным, почти камерным, человек на двадцать пять. Приехали из Торжка родители Дианы, несколько ближайших родственников и подружек. Со стороны жениха были только коллеги со своими

парами. Олю он, понятное дело, не звал, а Мышка сама не поехала, хотя Оля ее отпускала, но дочка решила, что не будет огорчать маму. Накануне свадьбы Рус все же настоял на том, чтобы Мышка познакомилась с Дианой, но эта затея не удалась. Напрасно он надеялся, что «его девочки» найдут общий язык, — ничего похожего на симпатию друг к другу его дочь и Динька не испытали. Все трое посидели в кафе, неловко и не особенно успешно пытаясь найти общие темы для разговоров, быстро съели заказанные десерты, потом Мышка тут же заторопилась домой, готовиться к какой-то контрольной. Руслан с Дианой отвезли ее, после чего обе явно вздохнули с облегчением. Больше встречи втроем не повторялись. Даже домой к отцу Мышка отказывалась приезжать, сколько тот ни звал, но Рус решил, что не будет настаивать. Ни к чему это. Мышеньке сейчас и так непросто. Мало того что родители в разводе, стресс, да еще и возраст такой… Тусовки, подружки, мальчики, первые влюбленности, обиды, ссоры — вот это все. И она все так остро переживает, так близко к сердцу принимает. Девочка, что тут скажешь…

Выйдя за Руслана замуж, Диана как-то изменилась и поскучнела. Хотя, может, изменилась не

сама Диана, а отношение Руслана к ней? Она-то осталась собой… Может, действительно он стал видеть ее реальной, а не такой, какой придумал ее себе когда-то?

Именно об этом думал Рус, сидя один в пустом большом доме.

Но где же она все-таки? Хотя бы из вежливости трубку взяла. Мало ли что случилось. Хотя объективно ничего случиться не могло, но жена была за рулем, а водитель из нее так себе. Стаж вождения год и пять месяцев — не особо стаж… Он вспомнил, как она названивала ему наутро после первой его ночевки дома у Володи, а он не брал трубку, потому что спал, а потом не снял с режима «не беспокоить». Может, и у Диньки что-то вроде того, ничего страшного?..

Зазвонил телефон, но это была не жена, а Володя.

— Привет, — откликнулся Руслан. — Ты вовремя.

— Не только вовремя, но в этот раз и по делу, — бодро отозвался брат-друг на том конце Москвы. — И важному. У Люды моей день рождения сегодня…

— Да ты что?! — ахнул Рус. — А я и не знал… Так, все! Мне нужны все ваши даты! Люды, дяди

Кости, тети Светы, Руслана-младшего. Пришли мне сообщением, занесу в телефонную напоминалку. А то, ну, право слово, нехорошо… И Люду обязательно поздравь от меня. Скажи…

— Погоди толкать речь, — засмеялся Володя. — Сам все скажешь. Мы отмечаем в выходные на даче. Приглашаем тебя, конечно с женой, а Диана уж пусть сама решает, захочет поехать или нет. Но тебя мы ждем в любом случае.

— Обязательно приеду, — заверил Руслан. — Заодно и поговорим.

— Да, беспременно! А сейчас извини, у меня через две минуты прием.

Пришлось распрощаться с другом. Руслан нажал кнопку отбоя и прислушался. Кажется, машина подъехала?

— Привет, я дома, — вот наконец и Динька.

Обменялись дежурными, почти равнодушными поцелуями. Практически родственными. Так было и с Олей после трех-четырех лет супружества. Так, но… не так.

— Ты смотришь… как следователь, — почему-то сказала Диана. Изящно согнувшись, она расстегивала пряжку на розовых босоножках. Руслан не помнил у нее этих босоножек — наверное, купила недавно.

— А как смотрят следователи? — решил уточнить Рус. Он попытался придать интонации шутливый оттенок, но получилось плохо.

— Изучающе…

— Значит, я изучаю, — осознав, что он действительно сейчас так на жену и смотрит, довольно мирно согласился Руслан.

Но Динька отчего-то вспылила на ровном месте:

— Изучил? И какие выводы сделал?

— Выводы — ты почему-то на взводе, — ответил Рус. — Даже изучать не надо, это видно невооруженным взглядом. Что-то случилось?

— Не знаю, — это прозвучало так, словно она огрызнулась, а не просто ответила.

— Но ты расстроена, — констатировал Руслан. — Вот я и хочу узнать чем. Давай поговорим.

— Давай, — немного вызывающе согласилась жена, босиком проходя в гостиную. — Я вообще не понимаю, что происходит в последнее время!

— В каком смысле «происходит»? Поясни, пожалуйста.

— Я помню: еще на твое деньрождение все было нормально, — начала Диана, сердито плюхаясь в кресло. — Но как только у тебя появился этот вот «друг детства», ты абсолютно изменился. Не

приходишь ночевать. Даже не зво'нишь, чтобы предупредить! Людмила эта, которая в кафе, с музыкой своей. Разговоры мозголомные… Теперь еще и танцы! Ты все время куда-то уезжаешь и тоже с ночевой. Говоришь «к отцу», но откуда я знаю, что ты не врешь? Может, завел себе какую-нибудь шалаву и «танцуешь» с ней… Откуда он вообще взялся-то, этот твой отец? Пятьдесят лет у тебя его не было, и тут вдруг — как с неба свалился…

Руслан слушал, не перебивая и не возражая, и смотрел на свою жену, словно видел ее впервые. Как ярко она сегодня накрашена, какой вызывающе большой вырез у нее на блузке… Сейчас, будто в кривом зеркале, вышло вперед то, чего он раньше не замечал или на что просто закрывал глаза. Он тоже, конечно, был совсем не аристократического рода и воспитания, но, став взрослым, всячески образовывал себя сам. А сейчас в его душе зарождались те слова, которые он сам мог бы посчитать снобистскими: «Не нашего круга девушка». Ну, по крайней мере, в области культуры. Ну почему в окружении Володи, Люды, их друзей-музыкантов, прекрасных, тонких дяди Кости и тети Светы, их общих бесед и обсуждений он чувствовал себя комфортно, а Диана начина-

ла засыпать, куксилась, утыкалась в телефон и рвалась поскорее уйти? Он старался поделиться с ней тем, что любил и знал сам, но она не хотела брать. Разве он виноват в этом?

Ну а она — разве виновата? «Да мы просто из разных аквариумов, если так можно выразиться, — внезапно понял Руслан. — У нее вода пресная, у меня соленая. Или наоборот. Возможно, мы вовсе не совместимы, как оказалось. Просто мне, дураку, стоило это раньше понять. До свадьбы. А лучше сразу, как познакомились».

Он слушал Диану, а слышал только ее тон — резкий, градусом ближе к скандальному. Раньше она так с ним не разговаривала. Раньше она что-то цитировала из восточных легенд о цветах… А теперь в ее речи столько грубых и простонародных слов, ошибок, неправильных ударений… Как он этого не замечал? И как ему могло показаться, что она похожа на Олю?! Ну, может быть, есть какое-то внешнее сходство, но по характеру же ничего общего! Как же так получилось, что они, в сущности, два чужих друг другу человека, оказались супругами? Интересные виражи порой выписывает человеческая судьба…

— Ты меня что, вообще не слушаешь?! — выкрикнула Диана.

— Прости, отвлекся, — честно признал он.

Почему-то ему вдруг стало жаль ее. Недоумевающую, сердито сопящую, ничего не понимающую или не желающую понять. Чужую.

— «Прости» — это типа был сарказм?! — воскликнула она. — Знаешь что?! С меня хватит! А еще знаешь что?! Когда ты уехал ночевать к своему другану, я звонила Глебу! И мы полночи разговаривали! И мы с тех пор общаемся, чтоб ты знал! И не только по телефону!

— Хорошо, — сдержанно ответил Руслан. — Есть предложение: давай договорим завтра. Сегодня я устал и хочу пораньше лечь.

Он вышел из гостиной, сопровождаемый недовольным фырканьем, и отправился к себе в кабинет на третий этаж. Спальных мест в доме было достаточно, но он предпочел кожаный диван именно в кабинете. Оттуда отбил Володе эсэмэс: «Дружище, не успел тебе рассказать: был сегодня на выставке у Даши. И я, по ходу, развожусь. Нет, это не связано. И да, у меня все хорошо».

Перечитал, посмеялся — на сторонний взгляд, противоречивый бред. Но Володя поймет.

«Приезжай в субботу на дачу. Обо всем поговорим», — ответил друг.

Руслан принял душ и постелил себе на диване, удивляясь тому, что даже не пытается прислушаться к звукам с других этажей. Интересно, почему же он так спокоен, точно все, что происходит, — правильно?.. Из глубин памяти выплыла то ли цитата, то ли какой-то мем из интернета: «Если кто-то уходит от вас ругаясь, он точно вернется. Если уходит улыбаясь — не вернется уже никогда». Он улыбался и был спокоен. Значит, Динька снова вернулась к Глебу. Что ж… Вероятно, это правильно, как ни парадоксально. Пора уже признать — не сложилось у них с Дианой. Пожалуй, он, Руслан, виноват. Добивался, осаждал… Зачем?! Ну, добился. И?.. И — пшик. Все-таки хорошо, что они не решились на детей. Что-то внутри их не хотело этого. Ни у него, ни у Диньки не было такой потребности. А разве это любовь, разве это настоящая семья — без детей? Когда сходятся двое в возрасте, то, пожалуй, дети — это «экстремальный спорт». Но Диньке тридцати еще нет. Рожать и рожать… Ну это они уже сами с Глебом решат. Так думал Руслан, все еще поражаясь своему спокойствию, и не заметил, как уснул.

* * *

В субботу вся Володина семья собралась на даче: и родители, и Володины сестры-близняшки Тата и Натата (теперь, конечно же, Татьяна и Наталья) с мужьями и детьми. Выглядели они теперь поразному: фигуры, стиль одежды, прически, цвет волос у каждой свой. Но все же, когда были рядом, сходство продолжало бросаться в глаза.

— Никогда бы не узнал в этих красотках вашу «мелочь пузатую», — шепотом признался «братишке» Рус.

Приехали к Люде и друзья, в их числе музыканты Паша с Леночкой. Наконец-то Руслан познакомился и со своим тезкой. Он ожидал, что сын друга детства будет похож на Володю, но тот оказался совсем другим — и ростом выше, и волосы темнее, и черты лица более резкие, и голос неожиданно низкий. «Интересно, — подумал Рус, — а нашли бы они общий язык с моим Горкой?.. С моим… почти потерянным сыном?»

И поневоле вырвался вздох.

Рус-младший приехал со своей девушкой, похожей на мальчишку-подростка, — маленькой, худенькой, коротко стриженной, с россыпью крупных веснушек по всему лицу. Все называли

ее Катериной, хотя, по мнению Руслана, имя это ей совершенно не подходило. Катерина — это что-то из русской классики, она должна быть высокой, статной, с толстой косой, перекинутой на пышную грудь… А не такой пигалицей-непоседой.

Весь день было празднично и шумно. Произносили веселые тосты, шутили, дарили цветы и подарки. Руслан преподнес жене друга расписанный вручную платок из тончайшего шелка, и она немедленно надела его и ходила в нем весь день и вечер.

— Русик, а мы с твоим отцом затеяли по телефону долгоиграющие шахматные партии проводить, — поделился с ним Константин Владимирович. — По твоей книжке мудрствуем, что ты мне презентовал.

— Да, мне отец говорил, — улыбнулся Руслан. — И что вы его приглашали на сегодняшнее торжество. Он всерьез раздумывал, не поехать ли, но все же не решился. Далековато, а он, увы, не в лучшей форме.

— Как я его понимаю, — подхватила тетя Света. — И нам-то из Москвы сюда добираться бывает тяжеловато. Хоть вроде и на машине, и не так долго…

Объевшись кулинарными шедеврами Люды и тети Светы, все еле отвалились от стола и незаметно разбились на группы по интересам. Кто-то пел под гитару, кто-то ушел прогуляться до озера, молодежь затеяла игру в «Мафию». Руслан обосновался в беседке, окруженной многочисленными пестрыми цветами, которые росли тут не на клумбах, а просто так, повсюду, словно сами собой. Лилии, флоксы, календула, настурции — благодаря Диане он поневоле знал немало названий. И ромашки, множество ромашек. Оля была бы в восторге, она всегда их любила…

Руслан долго сидел так, слушал пение птиц, доносящиеся с разных сторон смех, веселые голоса, гитарные переборы и думал: «Вот оно, счастье!»

— Вот ты где, братишка, — это был, конечно, Володя. — Хочешь побыть один?

— Нет-нет, — поспешно остановил его Рус. — Посиди со мной, пожалуйста.

Ему необходимо было поделиться с другом принятым решением: пора было разводиться с Динькой. Стараясь не растекаться мысью по древу, Руслан коротко изложил все то, о чем думал на эту тему последнее время.

— Понимаешь, если представить это математически, — подытожил Рус, — то сначала Дианы в

моей жизни остро недоставало. Потом, когда мы съехались, стало очень много. Затем она стала уменьшаться — относительно остальной жизни. Так, знаешь, незаметно. А потом — тоже незаметно, но день за днем — остальная жизнь оказалась настолько важнее и главнее, что уже начала вытеснять саму Диану. До тех пор, пока ее и вовсе не осталось… Моя жизнь — это ты, отец, друзья, музыка, вернувшееся хобби и новый образ жизни в связи с новыми людьми в ней. Мне в этой «нью лайф» оказалось очень комфортно, понимаешь? А Диана, уже оставшись в меньшей части, в нее не вписалась. Совсем. Ну, ты и сам это видишь… Грубо и, опять же, математически она помножилась на ноль. И теперь у меня выбор: или Диана, и только Диана, — или моя новая жизнь. И я выбираю новую жизнь, как бы эгоистично это ни прозвучало. Я это почему так спокойно говорю — видимо, мое подсознание думало об этом за меня. А когда все случилось, мне осталось только констатировать уже принятое решение. Ну не сложилось у нас, бывает. Оказалось, что мы с ней как детали двух разных пазлов. У нас разные картинки. Разные системы ценностей…

— Боюсь, я плохо на тебя влияю, — усмехнулся Володя. — Ты прям специальными психоло-

гическими терминами начал разговаривать. «Подсознание», «система ценностей»…

— Так что развод неизбежен, и, думаю, в самом скором времени. Да и она сама это чувствует, — продолжал Руслан, решив не обращать внимания на иронию друга. Сейчас важно было проговорить все вслух — так проще понять ситуацию самому. — Не думаю, что наше расставание станет ударом для нее. Материальные вопросы как-нибудь уладим…

— А эмоциональные? — спросил Володя. — В первую очередь меня, конечно, интересуешь именно ты. Но и к тому, как может повести себя Диана, тебе тоже стоит подготовиться.

— Ну, со мной-то все ясно, — махнул рукой Рус. — Я разводить по этому поводу «саратовские страдания» точно не стану. Что скрывать — все мои чувства к Диане давно перегорели. Да и были ли они, эти чувства… Не любовью уж точно. Скорее охотничьим инстинктом. Словно старый лев решил доказать, что он еще о-го-го, завалил молодую лань — а есть-то и не хочется.

— Отлично сказано! — прищелкнул языком Володя. — Запомню. И, если разрешишь, буду цитировать. Без указания источника, разумеется.

— Да цитируй на здоровье, — отмахнулся

Руслан, ему сейчас действительно было не до шуток. — Что же до Динькиных эмоций, то, конечно, я поговорю с ней. Аккуратно. Возможно, придется говорить и не раз. Даже, скорее всего, далеко не один раз. Но я думаю — справлюсь… Во многом, кстати, и благодаря тебе. Наше общение с тобой здорово мне помогло… Изменило. Я как-то лучше стал с людьми разговаривать. Будто научился чему-то, чего раньше не умел.

— И чему же именно, как тебе кажется? — покосился на него Володя.

— Гм… трудно сформулировать. Может быть, умению понимать? Ставить себя на их место.

— Это, конечно, тоже важно, — кивнул старый друг. — Весьма ценное, даже необходимое умение — посмотреть на ситуацию с другой стороны. Представить, каково бы тебе самому было на той стороне, что бы ты почувствовал, как себя ощутил, что стал бы делать. Но для понимания другого, братишка, этого, увы, мало. Мало ставить на его место *себя*. Ведь ты-то — это не он. Или в данном случае не она. Не важно. Важно, что другой человек все воспринимает не так, как ты. Чувствует не так, как ты, хочет чего-то совсем иного, реагировать и действовать будет не по-твоему. И, к сожалению, не так много людей

способны не только понять это, но и принять. Это право другого быть другим. Жить своей жизнью, а не твоей, иметь собственную точку зрения, соотноситься с собственными принципами, что правильно, а что нет. И не только не осуждать его за это, но и продолжать любить. Не пытаясь переубедить или переделать. Просто принять.

— Легко говорить «принять», — покачал головой Руслан. — А если я не хочу это принимать? Если мне эти чужие принципы вот вообще — нигде никак? Если я… ну или не я, просто какой-то человек, не важно кто, не может примириться со взглядами другого?

— Мы ведь именно о межличностных отношениях говорим, верно? — уточнил Володя. И когда Руслан кивнул, продолжил: — Тогда лучше всего просто отдалиться от такого человека. Сократить общение до минимума… И, собственно, почему ты меня об этом спрашиваешь? Ты ведь уже принял именно такое решение. И теперь вопрос только в том, что думает по этому поводу Диана. Если и она осознала вашу несовместимость, тебе будет проще. Если же нет… Что ж, тебе придется поработать над ситуацией.

— Ох, братишка, как же я тебе завидую, — вздохнул Руслан. — Как же у вас, у психологов,

все всегда четко, ясно и легко. Оттого и в жизни всегда все гладко.

В ответ на это Володя расхохотался во весь голос.

— Ты думаешь, у меня сложностей не бывает? Да перестань… Я же живой человек. И случается всякое, да и негативного багажа из прошлого у каждого в нашей профессии обычно навалом. В психологи, знаешь ли, чаще всего не от хорошей жизни идут. Еще когда я учился в универе, мой научный руководитель говорил, что документы на психфак подают только затем, что хотят решить там свои проблемы. И поступают как раз самые проблемные — они сильнее мотивированы. Нам проще разве что потому, что супервизия, то бишь работа с психологом, как правило более опытным, — это часть профессии. И поговорить нам с ними есть о чем, уж поверь мне! Скажем, лет десять назад я мог бы от Люды уйти. Была одна женщина, коллега… И как-то так совпало, что мы несколько раз вместе на семинары в другие города ездили. И начали сближаться. Не в физическом смысле. Хотя к физическому тоже дело шло, она явно этого хотела…

— И что же ты? — не удержался от вопроса Руслан.

— А я просто сел и представил себе варианты того, что может быть дальше, — спокойно поделился друг детства. — После койки. И ни один из этих вариантов мне не понравился. Почти всегда выходило, как выразился один мой клиент, что «геморроя будет намного больше, чем удовольствия». И я просто выкинул эту историю из головы. Понял, что как бы ни тянуло меня к этой женщине, но Людку она все равно…

— Володя, Руслан! — послышался за кустами веселый голос Людмилы, и через несколько мгновений уже и она сама появилась в беседке. — Вот вы где. Идемте, шашлыки жарить пора.

И замечательное празднование вновь продолжилось.

Конечно, совсем без эксцессов в тот день не обошлось — в какой уважающей себя бочке меда нет ложки дегтя? В тот раз эту самую ложку добавили Руслан-младший и его Катерина, неожиданно поссорившиеся из-за игры в «Мафию». Девушке вдруг показалось, что бойфренд слишком часто поддерживал предложения «убить» ее в игре и даже несколько раз подкинул такую идею сам. Катя была сердита, надувала пухлые губки, сверкала глазами и, кажется, даже поплакала.

— Катюх, ну что ты? Я ж не всерьез. Это же всего

лишь игра, — увещевал Руслан-младший.

— Пусть игра, но даже на игру проецируется реальное положение вещей! — возражала девушка. — И в ней проявляется весь подавляемый тобой негатив в отношении меня! Который ты в обыденной жизни не позволяешь себе осознать и сублимируешь!

— Вот тебе и психология в действии, — шепнул Володя Руслану-старшему — они оба стали невольными свидетелями этой сцены.

Руса разыгравшаяся на его глазах сценка вновь заставила задуматься. Катерина вроде бы взрослая девушка, специалист с законченным высшим образованием, а ведет себя как ребенок. Удивительные они — это поколение зумеров. На работе толковые, соображают отлично, профессионалы из них получаются порой невероятно крутые — у Руслана в отделе было несколько таких ребят. Но вот в обычной жизни часто бывают на редкость инфантильны. Наверное, потому что выросли в благополучное время, трудностей не видели — не то что его, Руслана, ровесники… Вдруг он сообразил, что и Динька, в общем-то, относится к этому молодому поколению, а никак не к его. Ведь она моложе Эллы, его дочери…

К счастью для всей компании, парочка быстро

помирилась и вскоре ушла вместе с остальной молодежью на озеро — любоваться закатом. А старшее поколение отправилось в дом, где в самой большой комнате стояло пианино. Танцевать в дачном коттедже, конечно, было особенно негде, но для пения, к счастью, много места не требуется. Руслан сам не заметил, как даже его в это втянули — Паша уговорил подпеть ему романс «Милая, ты услышь меня»:

— Представь, что у нее не один поклонник, а два. И оба под окном с гитарами…

— Ну и чего ты прячешь такой шикарный баритон? — укоризненно спросила Руслана Леночка после финальных аккордов.

— «Баритональный дискант», — попытался отшутиться Рус, но Лена погрозила пальцем:

— Ну, уж теперь, когда мы все услышали, вам, сударь, не отвертеться. Была у нас спитая компания, теперь будет и спетая.

— Кроме шуток, — вступил и Паша. — Старик, очень недурственно.

Вот так Руслан-старший стал еще и частью домашнего вокального ансамбля. И снова, в который уже раз за это лето, ощутил, как сильно ему всего этого не хватало раньше. Музыка. Друзья. Покой. И… танго. Поэтому перед сном он немного

попрактиковался в пивотах и шагах прямо перед зеркалом в спальне.

* * *

Можно сказать, Руслан вернулся домой еще более обновленным и окрыленным. И оттого чувствовал себя некоторым образом неудобно. В основном потому, что в последнее время их с Дианой общение было более чем скудным, а ее настроение — подавленным и каким-то предскандальным.

Памятуя о том, с каким триумфом жена объявила ему, что общается с бывшим женихом, Руслан подумал, что она вряд ли будет чувствовать себя несчастной, брошенной и обманутой, если они расстанутся. Хотя, разумеется, именно сейчас и настало время окончательно это выяснить.

Диана встретила мужа настороженно и молча. А он был настроен вполне доброжелательно, но она не понимала почему и, очевидно, ждала подвоха буквально в любом его вопросе, начиная с самого первого:

— Ну как ты здесь?

— Я здесь одна, — с некоторым вызовом ответила она. — Как, впрочем, и обычно.

— Ну, ладно, — вздохнув, сказал он. — Давай

попробуем поговорить без упреков.

— Ну наконец-то мой повелитель соизволил обратить на меня внимание, — она всплеснула было руками, но он остановил ее:

— Подожди. Я совершенно не настроен с тобой ссориться. Не хочу. Поэтому и предложил поговорить без упреков… Расскажи мне лучше, как там Глеб.

— В каком смысле? — опешила Динька от неожиданного вопроса.

— Ну… Ты говорила, что вы в последнее время общаетесь, — спокойно, без намека на ревнивые нотки в голосе пояснил Руслан. — Вот мне и стало интересно, как у него дела. Ты говорила, что ковидные ограничения здорово подкосили его планы. А как обстоит дело сейчас?

Диана, прежде чем ответить, еще раз недоуменно смерила мужа взглядом, видимо, пытаясь понять, куда он клонит и почему так спокоен.

— Ну… Во-первых, Глеб крепкий орешек, — начала она нехотя. — А во-вторых, ему наконец подфартило. Он нашел подходящее помещение — в хорошем месте, и цены за аренду вменяемые. И открыл-таки свою автомастерскую. И сейчас она набирает обороты полным ходом. Потихоньку находятся клиенты, которые хотят иметь дело

именно с ним, приводят своих друзей-знакомых. Сарафанное радио, короче говоря…

Диана продолжала испытующе поглядывать на Руслана, но он очень старался, чтобы она не прочитала в выражении его лица ни злости, ни ревности.

— А я, между прочим, нашла наконец работу флориста, — торжествующе довершила Диана свой рассказ.

— Поздравляю, дело хорошее, — кивнул Руслан.

— Это не просто хорошее дело, — с обидой заметила она. — Это моя профессия. И уж куда интереснее, чем сидеть дома!

— А я разве тебе говорил: «Сиди дома»? — удивился он. — Не припомню такого.

— Здрассьте! И как бы я работала?! Домашнее хозяйство и работа не особо совместимы.

Тут Руслан не выдержал, хоть в его планах и не было срываться на раздражение.

— Какое хозяйство? — довольно резко возразил он. — Ты уж прости, но тяги к домашним делам я в тебе никогда не замечал.

— А я не напрашивалась к тебе в прислуги! — еще резче ответила Диана. — И в жены тоже не напрашивалась.

На самом деле прав был он: готовила она из рук вон плохо, хозяйкой была никакой и, будучи дома, просто залипала целыми днями в интернете. А чуть не всеми домашними делами занималась приходящая помощница, соседка Валентина Павловна, которую Руслан нанял задолго до появления в его жизни Дианы.

Но и Диана была кое в чем права. «Да, — понял Рус справедливость ее отповеди. — Она не напрашивалась…»

— Ладно, не будем ссориться, — примирительно сказал он. — Давай поговорим как взрослые люди. Мы же оба понимаем, что у нас не складывается. Ведь так? Или я не прав?

Диана ненадолго затихла.

— Да. *Я* — понимаю, — наконец выдала она, и голос ее зазвенел то ли слезой, то ли гневом. — А ты понимал, что делал, когда все это затевал?! Ну да, у нас с Глебом тогда все было наперекосяк. Но тогда у всех было наперекосяк! И ты — такой добрый выискался. Я женщина, понимаешь?! Ты же меня… ты же меня просто продавил! А мне — мне зачем это надо было?!

Диана все же заплакала.

Руслан прикрыл глаза. Самое обидное, что он понимал, что сейчас она права полностью. Да,

он выискался, он нарисовался, эдаким рыцарем прекрасной дамы, благородным героем, который спасает «деву в беде» и, подхватив одной рукой за талию, сажает впереди себя на белоснежного коня и увозит в закат. Но что в итоге получилось? Спас ли он ее? Нет. Тогда что? Погубил? Нет, к счастью, хотя бы не погубил. На какое-то время заморочил, получается, голову. И ей, и себе. И вот теперь она плачет, а он чувствует себя если не мерзавцем, то, по крайней мере, очень не в своей тарелке.

Ведь в какой-то момент Рус, не без помощи Володи (с ним это получилось быстрее), понял, что его влюбленность в Диану на самом деле была просто блажью, последним гормональным всплеском. Просто они и в самом деле разные люди… Которые, может быть, и неплохо относятся друг к другу — как знакомые, как соседи, как приятели, наконец. Но никакой любви между ними нет. И, по сути, быть не может.

И из-за этой, в общем-то, прихоти он, Руслан, сделал несчастными множество людей: жениха Дианы Глеба, саму Диану и даже себя. И что самое неприятное и тяжелое — свою бывшую семью. Олю и детей. Пусть даже с Дианой он сошелся после развода. Не будь второго брака,

он, скорее всего, сумел бы помириться с Олей, а потом, со временем, глядишь, и с Егором. Но, став мужем Дианы, он сам, собственными руками сжег единственный мост, который связывал его со счастливым прошлым и мог в это счастливое прошлое вернуть. Только теперь Руслан понял, что дело было не в запоздалых гормонах и не в потребности самоутвердиться, реабилитироваться в собственных глазах. Он женился на Диньке для того, чтобы доказать — не себе, а Оле, — что у него все отлично и он не пропал, расставшись с ней. Мол, вот гляди, Ольга, какого мужчину ты потеряла, я еще о-го-го и могу понравиться молодой красотке… Как же это глупо, господи ты боже мой, как по-идиотски…

— Ты любишь Глеба? — неожиданно подняв голову, спросил Руслан.

Диана перестала плакать, смотрела настороженно.

— Мы с ним вместе так давно… Со школы… С седьмого класса за одной партой. И потом тоже вместе все время… Ковид этот чертов, мы оба подломились, не выдержали, — глухо сказала она наконец и отвернулась.

«А ведь у них серьезные, проверенные временем отношения, — понял он. — Мне в них места

нет…»

— Ты слышала такую фразу «Нет безвыходных ситуаций, есть неприятные решения»? — спросил Руслан.

Она неопределенно пожала одним плечом.

— Знаешь, — мягко продолжил он, — иногда развестись — лучшее решение. Куда лучше, чем попытки восстановить то, что восстановить нельзя. Предлагаю остаться в этой ситуации… просто людьми. Прости меня за… за то, что все так получилось. За то, что я сделал. Что думал только о себе, а не о тебе.

Она смотрела на него почти испуганно, не веря. Так смотрит ребенок на родителя, который неожиданно разрешил ему то, что все время запрещал. Руслану вдруг стало остро жаль ее. Он ведь практически сломал ей жизнь… почти. За что, что она ему сделала?!

— Ты дашь мне развод?! — переспросила она, словно он пообещал ей какой-то дорогой подарок.

— Но мы ведь оба этого хотим? — ответил вопросом на вопрос Руслан.

Она быстро закивала.

— Прости и ты меня, — сбивчиво заговорила Динька. — Я давно уже об этом думаю… Я сначала

испугалась, думала, как же так, ведь у нас все же хорошо. А потом думаю, ну какое там хорошо, мученье одно. Убеждала себя, что так нельзя же. А как можно-то? Мы какие-то чужие стали, как отрезало ножом, и моментом как-то. Да нам и все разное нравится… Раньше не замечалось, а сейчас… Я все время плакала, а тебя же дома нет, ты и не знаешь. И думаю — ну как так «развод». Он и не пьет, и не обижает, и деньги хорошие зарабатывает, и меня вроде как любит… Ну что я за дура такая! И сказать кому-то из своих стыдно, они этого вообще не поймут! Мне так плохо было…

И тут она заплакала снова — так горько, так жалобно, что у Руслана защемило сердце.

— Ну что ты, — почти испугался он.

Подошел, обнял, погладил по голове как маленькую.

— Что же это за ужас такой, а? — всхлипывала она и в самом деле как ребенок, успокоенная его прикосновениями. — Ну вот как так получилось, а?

Он продолжал гладить ее — без всякого сексуального подтекста, просто жалея:

— Ну… полно, полно. Ну, плохо, согласен, но у людей как только не бывает.

— Знаю…

— Случаются ситуации и похуже, поверь.

— Да знаю я… — Диана прерывисто вздохнула, отстранилась, посмотрела исподлобья: — Ты… ты очень хороший, правда. Но… почему-то не получилось. И я… я хочу вернуться к нему, к Глебу. Он зовет, давно зовет. Но я ни разу… Вот честно. Ни разу тебя не обманула. Я не могу так… Вообще, мне очень тяжело было, тоскливо. Последнее время особенно.

— А теперь как? — с надеждой спросил он.

— Теперь… — Она замолкла на миг, прислушалась к себе. — Теперь вроде… полегчало.

— Ну и отлично, — выдохнул Руслан и, чтобы поскорее закончить неприятный разговор, перешел к практической стороне вопроса: — Тогда давай прямо завтра этим и займемся. Надо узнать, сейчас вроде можно даже подать заявление дистанционно, без поездки в ЗАГС. Мы же можем обойтись без суда: детей у нас нет, делить нечего…

Он вопросительно посмотрел на нее, и Диана быстро согласно закивала.

— Ну и славно. Вам с Глебом есть где жить? — снова торопливые кивки. — Совсем хорошо. Машину свою заберешь, она же так и так на тебя записана. Ну и все остальное, что посчитаешь

нужным.

— Да ничего не надо… — начала было Динька, но он шутливо-строго осадил ее:

— То есть как — «не надо»? Мне что — все твои вечерние наряды и каблуки самому теперь носить? На помойку же выброшу!

И она не стала спорить:

— Извини. Да мне просто уже и неловко как-то.

— Давай договоримся — это твое, и ты все это забери, пожалуйста. А если и дальше неловко будет — распорядись этим всем по своему усмотрению. Отдашь кому-нибудь или еще что…

— Да… Хорошо… Да что мы всё про вещи! Можно, я ему позвоню?!

Глаза ее сияли. Не дослушав ответа, Диана в последний раз вытерла глаза и вышла с телефоном.

«Удивительная штука жизнь, — сказал себе Руслан. — Предугадать такую развязку несколько лет назад было и впрямь невозможно…»

Как же все-таки быстро все происходило в жизни Руслана в последнее время! Но именно сейчас такая стремительность была к лучшему.

Ночевать Диана уехала к Глебу. Руслан думал, что после таких насыщенных дней не сможет

уснуть всю ночь, но ошибался — провалился в сон почти сразу же и спал как младенец.

На следующий же день они выяснили, что подать заявление можно и дистанционно, через «Госуслуги» и в МФЦ. Была еще одна приятная новость: срок, который давали на обдумывание, теперь составлял всего месяц, а не три и даже не два, как было, когда он разводился с Олей.

Всю неделю подряд Руслан каждый день ездил в офис, дважды даже заночевал у Вележевых — давал Диньке возможность спокойно собрать свои вещи. Их, как и следовало ожидать, оказалось гораздо больше, чем думалось изначально. Пришлось купить еще несколько сумок и чемоданов, и Руслан настоял на том, чтобы оплатить не только их, но и машину с грузчиками — Диана забрала и туалетный столик, и пуфик к нему, и еще кое-что любимое из мебели.

Наконец Руслан получил сообщение: «Переехала, уф. Спасибо тебе за всё!» — с кучей разных эмодзи и впервые за эти дни поехал после работы домой. Прошелся по всем трем этажам опустевшей квартиры. Нет, не опустевшей — освободившейся. Если бы во времена «ухаживания за цветочницей» или в тот момент, когда он привез Диньке спрятанное в букете кольцо, кто-то сказал

бы ему, что он будет испытывать облегчение от того, что расстался с Дианой, он не поверил бы…

Руслан вдруг рассмеялся. Не горько, не обреченно от безысходности, а по-настоящему легко и даже радостно.

И пошел на третий этаж, в кабинет, где ждал его недособранный пазл. Какими открытиями он порадует его сегодня?..

А вот и открытие. Интересно, где его глаза были раньше?! Вот же та деталька с розово-алым цветком, что сразу попалась на глаза Диане. А вот и еще одна такая же, и еще… За считаные мгновения сложилась новая законченная часть: окно, а за ним — пышный зеленый куст, цветущий яркими звездочками разных оттенков красного.

«Рододендрон тупой», — вспомнил Руслан, расхохотался в голос, и его смех эхом раскатился по пустому дому. Как символично! Сколько времени он сам был этим «тупым рододендроном». Не видел, не замечал, не хотел замечать очевидного. Но теперь все иначе. Снова сошлось — и картинка, и жизнь. И да, ошибка, которую можно исправить, — не ошибка, а просто пока еще не выполненная задача.

Когда настало время очередного визита помощницы по дому, Руслан попросил Валентину

Павловну не просто помыть полы и зеркала и вытереть пыль, но и убрать из дома «все лишнее». Та сначала не поняла, а когда он объяснил, что произошло, одобрительно закивала.

— А вообще, я тебе так скажу, — заявила она. — И правильно, что расстались наконец. С самого начала было понятно, что… ну не пара вы.

— В самом деле? — удивился он. — Так-таки с самого начала?

Валентина Павловна очень помогла тем, что собрала и вынесла куда-то все вещи, почему-либо оставленные Дианой, — одежду, косметику, какие-то безделушки… Даже один из так и остававшихся в невскрытых коробках кухонных комбайнов. После расхламления и генеральной уборки весь дом изменился. Стало тихо, и эта тишина успокаивала. Раньше Руслан не замечал, насколько целительно она действует на него. Но ведь не всякая тишина… Она бывает различной — враждебной, гнетущей, сонной, убаюкивающей. А в сущности, никакой: она ведь разная в зависимости от разности восприятия. Стало быть, если сейчас тишина, царящая в его доме, умиротворяла, насколько же дискомфортно, получается, было здесь до этой тишины? Нет, Диана никогда не была шумной. Но в последнее время она была,

получается… лишней. Мешающей. И вот только теперь что-то возвращается на круги своя, в свою очередь возвращая ему умиротворение и покой. Размышляя об этом, он сварил себе кофе и стал набирать номер отца. Немного тревожился за него — вчера батя подкашливал при разговоре. Лето заканчивается, уже иногда холодает по вечерам, долго ли простыть пожилому человеку…

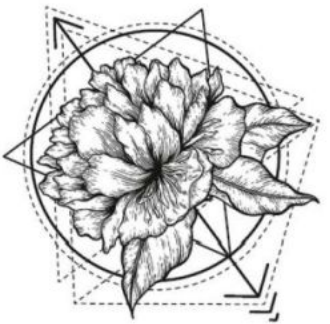
* * *

Ровно через месяц после подачи заявления брак Руслана и Дианы Левашовых был официально расторгнут.

— Мы с тобой хорошо еще отделались, — пошутил на прощанье Рус. — Легким испугом. Не дрались, не судились…

Динька улыбнулась в ответ и поспешила к ожидавшему ее у входа в ЗАГС Глебу. Тот сразу обнял ее, крепко прижал к себе, явно демонстрируя свои права, покосился на Руслана. Но тот уже садился в машину. Личная жизнь этой парочки, подумал он, похоже, наладится очень скоро, и Русу в ней места просто не было. А это означало только одно: пора уже ему заняться наконец собственной жизнью.

Фрагмент шестой
Незаконченный букет ромашек



После развода с Олей Руслан долго, очень долго чувствовал себя совершенно потерянным. Будто почву выбили из-под ног — не знал, как двигаться, куда наступить, чтобы не ухнуть в пропасть. Не мог толком ничего делать, ничем себя занять, ни на чем сосредоточиться… Теперь, после развода с Дианой, все было иначе, можно сказать, с точностью до наоборот. Освободившись от семейных обязательств, он был занят семь дней в неделю. Работа, поездки к отцу, которого Рус

теперь все активнее зазывал к себе, общение с Мышкой, с Вележевыми… И, конечно же, танго и все с этим связанное.

Словом, жизнь била ключом, была очень насыщенной и, как с удовлетворением отмечал Руслан, почти счастливой. Почти — потому что для полного счастья не хватало еще очень многого. Но Руслан говорил себе, что и так уже очень хорошо. Идеалов не бывает, и нечего бога гневить.

Но в тот день все шло наперекосяк.

Ночевал Руслан у отца — тому нездоровилось. И хотя Борис Васильевич уверял, что все нормально, волноваться не о чем — подумаешь, давление подскочило, обычное дело, погода меняется, — Рус все равно остался у него до утра. Спал беспокойно, ворочался на стареньком продавленном диване и все прислушивался, как батя дышит, не стало ли хуже, не пора ли вызывать «Скорую». Утром дважды заставил отца померить давление новым, недавно привезенным тонометром и, только убедившись, что оно в порядке («Как у космонавта», — шутил Борис Васильевич), поехал наконец в Москву, но на сердце все равно было тревожно. Ехать пришлось особенно долго, на дороге отчего-то были постоянные пробки

— это в пятницу-то утром, в сторону Москвы! К тому же Руслан, как ему казалось, по пути собрал все, какие только можно, светофоры и постоял на всех переездах. На работу приехал чуть ли не к полудню и там весь день был на нервах: его подчиненные безбожно задерживали сдачу проекта, насажали в работе ошибок да еще и ухитрились все перессориться, что не так уж часто случалось в их коллективе. Самым неприятным было то, что Руслан тоже оказался втянут в эту склоку, потому что в итоге все стрелки перевели на начальника и обвинили во всем именно его. Несколько ребят, в первую очередь Вадим, ведущий специалист, заявили ему, что он слишком авторитарный руководитель, постоянно давит на них и это мешает им полноценно раскрыть свой творческий потенциал. Руслан, разумеется, был возмущен этими словами до глубины души. Это он-то авторитарный руководитель? Да вы, дорогие мои, авторитарных руководителей не видели. Вот уж он посмотрел бы на них, доведись им поработать под началом его матушки… Он потребовал пруфов, подтверждающих его авторитарность и деспотизм, но единственным внятным аргументом, который он услышал (естественно, все от того же Вадима), было то, что «у всех нормальных

людей» в пятницу короткий день, а они, «как рабы галерные», должны и сегодня пахать до вечера, как во все будни.

Когда он ехал домой с работы — не столько ехал, сколько стоял в пробках, — позвонила Мышка.

— Привет, малыш, — сказал Руслан, включая громкую связь.

— Привет! — весело прочирикала дочь. — Помнишь, я тебе говорила, что занимаюсь кардмейкингом?

— Это который не скрапбукинг? — блеснул хорошей памятью любящий отец.

— Именно, — засмеялась Маша. — Это просто открытки. Авторские, которые делаешь сам, специально для кого-то. И эти открытки существуют в единственном экземпляре.

— Круто, — оценил Руслан. — Эксклюзивный подарок, значит.

— Ага. У меня для тебя есть такой, — сообщила дочь.

— Да ну? — приятно удивился отец. — И в честь какого события?

— Будто сам не знаешь! Хочу поздравить тебя с разводом.

— Откуда ты вообще узнала, шпион эдакий?! — удивился Рус.

— Так я же на Диану во всех соцсетях подписана, — бесхитростно сообщила Мышка. — Она сразу же, как из ЗАГСа вернулась, опубликовала новый пост. С фотками. Они там с Глебом такие довольные!

— Вот как… — буркнул Руслан.

— Так что если думаешь, что она там льет слезы от расставания с тобой, — безжалостно продолжала дочь, — то можешь не беспокоиться. У Дианы все в порядке. Они с Глебом новую квартиру сняли, обставляют сейчас. А весной собираются пожениться…

Странно, но Русу отчего-то неприятно было это слышать. Вроде бы он сам хотел, чтобы Динька была счастлива с Глебом, даже более того — сам все сделал для этого… Откуда ж такое противное чувство досады? Отчего известие, что твоя бывшая или бывший счастлив с кем-то другим, воспринимается как камень в твой собственный огород, как упрек в твоей собственной несостоятельности, а то и ущербности?

— Мышь, а ты маме рассказала? О моем разводе? — спросил Руслан и услышал в ответ:

— Ха, еще бы! Такая новость! И маме рассказала, и Егору.

— И как они отреагировали? — вопрос вырвал-

ся сам собой, словно против воли Руса.

— А никак. Егор вообще не реагирует, когда я что-то о тебе говорю. А мама пожала плечами и спросила, сделала ли я уроки.

Домой Руслан вернулся в отвратительном настроении и, сам не зная зачем, поднялся на третий этаж, в кабинет. К пазлу. Мельком взглянул на стол — и сразу бросилась в глаза деталь, которую раньше он отчего-то не замечал.

Ромашки. Букет, очевидно, стоящий в вазе. Хотя самой вазы Руслан, сколько ни искал, так и не нашел ни на одном из оставшихся, уже не столь многочисленных кусочков картона. Но ромашки были именно ромашками, и, конечно, они не могли не напомнить ему об Оле…

После истории с Рио-Ритой Руслану долго не везло в личной жизни. Ему нравились многие девушки, и он им тоже нравился, но каждый раз что-то не складывалось, в точности как пресловутый пазл. Конечно, не последнюю роль в этом сыграла и Галина Николаевна. Рус продолжал жить с мамой, а та очень ревниво относилась ко всем увлечениям сына. В каждой девушке находила какие-то изъяны, жестко их критиковала, а с самими девушками, если случайно встречала их или те звонили Руслану по домашнему теле-

фону, разговаривала неприветливо. Прекрасно понимая, что маму не переделаешь, Рус решал проблему как мог — то есть встречался с девушками на их территории. Но, видимо, дело было не в одной только маме, потому что по-настоящему хороших, прочных отношений у Руса почти десять лет ни с кем так и не завязывалось. Может, девушки попадались не те, может, он сам вел себя как-то не так… Сейчас в любом случае уже нет никакого смысла копаться в тех давних историях.

Но все изменилось, когда он встретил Олю.

Руслан до сих пор помнил их первую встречу так, словно она была вчера, хотя с тех пор прошло уже… страшно подумать — двадцать лет, даже больше.

Был субботний вечер, конец ноября, и отвратительная погода: зябко, промозгло, ветрище со снегом… Но дома, как назло, кончился хлеб, и пришлось бежать в магазин. Мама только что оправилась от болезни, была еще слаба, ей захотелось бутербродов с докторской колбасой, и, конечно, Рус не мог ей в этом отказать, бросил все дела и пошел в магазин. О доставке продуктов на дом тогда еще и слыхом не слыхивали.

Было скользко, улицы в Москве тогда еще чистили плохо, хлесткая злая поземка швыряла

сухую ледяную крупу прямо в лицо, умудрялась забираться в любую складку одежды. Руслан весь исчертыхался, пока дошел до супермаркета, хотя идти было всего ничего — на другую сторону улицы. Подходя к магазину, он увидел вышедшую из дверей девушку — невысокую, складненькую, в коричневой дубленке и белой шапочке. В руках у девушки был битком набитый и явно тяжелый пакет, который на крыльце зацепился за перила и порвался. Девушка ойкнула, а по ступенькам, прямо под ноги Русу, поскакало содержимое пакета — яблоки, апельсины, лимоны, бананы, болгарский перец, стебли сельдерея — все яркое, цветное. Девушка кинулась собирать свои покупки, Руслан, как воспитанный человек, стал помогать. Быстро выяснилось, что пакет порвался так сильно, что воспользоваться им снова уже невозможно.

— Ой, что же делать? — заахала девушка, и Руслан сразу невольно обратил внимание на то, какая она милая. Щеки как у ребенка — упругие и румяные, с ямочками, большие серые глаза, из-под белой шапочки выбиваются спиральки светлых волос. Растерянное выражение лица придавало ей еще больше очарования.

— Сейчас что-нибудь придумаем, — заверил

Руслан.

Он кое-как запихал все собранное в остатки пакета, завел девушку обратно в магазин и поставил рваный пакет на стол для упаковки.

— Подождите меня здесь, — сказал он. — А я сейчас быстренько метнусь и куплю вам новый пакет.

Как назло, ко всем кассам были очереди — суббота же. В основном народ затаривался крупно, на неделю, но многие стояли и с одной-двумя покупками, так что надежды, что пропустят без очереди, не было никакой. Пришлось встать в хвост — хорошо, Руслан вовремя вспомнил, что все-таки пришел сюда за хлебом. Как водится, самая короткая с виду очередь оказалась самой долгой, и когда Руслан дошел до кассы с батоном в руках, был уже уверен, что «белая шапочка» его не дождалась и давно ушла. Но нет, она так и ждала на том месте, где он ее оставил, пригорюнившись, как васнецовская Аленушка на камне, только стоя.

— Вот, — сказал Руслан, подходя и демонстрируя пакеты. — Купил сразу два, чтобы было удобнее нести.

На пакетах были нарисованы ромашки, и, увидев это, девушка осветилась радостной улыбкой.

— Обожаю ромашки! — призналась она. — Самые-самые мои любимые цветы.

И Руслану оставалось лишь горько пожалеть о невозможности сейчас же раздобыть ромашки в ноябре.

Пакеты получились нелегкие, и, взвесив их в руках, Руслан предложил:

— Знаете что, а давайте я вам их донесу.

Он совсем не был уверен, что девушка примет его предложение, но она согласилась и даже обрадовалась:

— Правда? Спасибо вам большое. А то так скользко…

Идти оказалось совсем недалеко, через двор и направо. Но по дороге успели и познакомиться, и поболтать. Оля рассказала, что окончила педагогический, факультет дефектологии, и работает логопедом в детской районной поликлинике. По тому, как она рассказывала о своей работе, о своих маленьких пациентах и их родителях, было видно, что она по-настоящему любит то, чем занимается, — качество, которое Руслану всегда нравилось в людях. Оказалось, что, несмотря на разные профессии, оба они подходят к своей работе одинаково: и после института постоянно продолжают заниматься самообразованием,

посещают курсы, читают специальные книги и журналы по-русски и по-английски, стараются следить за всеми новейшими достижениями в своей области.

У них вообще обнаружилось немало общего. Начиная с того, что даже жили с точки зрения почтового адреса на одной улице — и как до сих пор ни разу не встретились, просто непонятно! Оба обитали в хрущовках, в смежных двушках, с мамами и без отцов. Олина мама недавно свалилась с гриппом, от которого только что выздоровела мама Руслана, и он со знанием дела пересказал все, что говорила дежурный врач и как советовала лечиться.

Дорога до Олиного подъезда показалась обидно короткой. Они поднялись на третий этаж, Оля открыла дверь, вполголоса пригласила «Входите», и Руслан занес пакеты в прихожую. Надо же, планировка точно такая же, как у него дома, и вешалка и зеркало на тех же самых местах… Оля тихонько заглянула в комнату и снова прикрыла дверь.

— Мама спит, — шепотом сказала она. — Проходите на кухню. Вот тапочки… Давайте чаю с лимоном попьем, согреемся, а то там такая холодина.

— С удовольствием, — обрадовался Руслан. Он сейчас не то что чаю — керосину бы выпил, лишь бы подольше побыть с ней.

Во время чаепития Оля показала Руслану еще и лекарства, которые успела купить до посещения продуктового.

— Да, вот-вот, — Руслан ткнул в одну из коробочек. — Вот это и моей маме врач прописала. Отличное противовирусное. Вкупе со всякими народными средствами и витаминами быстро на ноги ставит. Главное только спать больше и много пить. И мед… У вас есть мед?

— Да, осталось немного.

— Оля, а хотите, я вам настоящего меда принесу для мамы? Нас сотрудник один снабжает, у его родителей пасека.

— Да? Было бы здорово…

Будь его воля, он никогда в жизни не ушел бы из этой чистенькой уютной кухни с клетчатыми зелеными подушками на табуретках и дешевыми пластиковыми шкафчиками «под ясень». Но не успел Руслан допить чай, как на его сотовом заиграла мелодия из «Шерлока Холмса» — звонила мама.

— Сыночек, у тебя все в порядке? — спросила она. — Я жду, жду — а тебя все нет. Уже больше

часа прошло, я забеспокоилась…

Действительно, прошло уже полтора часа, как он вышел из дома. Ничего себе «за хлебушком сходил»!

Оля проводила его до дверей, шепотом бормоча, как здорово он ее выручил и как она ему за это благодарна.

— А мед? Я не шутил про настоящий мед, — сказал Руслан уже в дверях.

— Кто же шутит про настоящий мед? — улыбнулась Оля.

— Тогда продиктуйте мне ваш номер телефона.

И в тот момент оба поняли, что обмен телефонами им нужен не только для передачи меда. Впрочем, мед Руслан, разумеется, принес — уже на следующий день.

Они начали встречаться, с каждым свиданием все больше узнавая друг о друге. Ходили в кафе, в кино, театры, на концерты и выставки, удивляясь схожести вкусов. Не то чтобы им обоим нравилось в точности одно и то же, у каждого, конечно, имелись свои предпочтения, — но при этом не нашлось ничего такого, в чем у них оказались бы диаметрально противоположные взгляды, как бывает, например, когда кто-то один в восторге от рэпа, футбола или артхаусного кино, а другой

этого на дух не переносит.

Конечно, Оля была далеко не первой женщиной в жизни Руслана. Но с ней сразу все получилось как-то иначе. С другими Рус всегда чувствовал, что хоть они и встречаются, но в остальное время он сам по себе, а девушка сама по себе. Они существовали в мире отдельно друг от друга. А с Олей сразу образовалась какая-то общность. Неразделимость.

— «Я» превратилось в «мы», — обозначил Володя, когда Рус рассказывал ему о жене.

— Именно! — обрадовался точной формулировке Рус. — Не подумай чего плохого, но у меня в детстве так с тобой было. Даже когда не вместе, все равно о тебе думал. Как мы куда-нибудь пойдем, во что-нибудь поиграем, что-то затеем… Что ты скажешь, что сделаешь… Понимаешь меня?

— Отлично понимаю. То же самое чувствовал. А с Олей, значит, повторилось?

— Повторилось, — кивнул Руслан. — Мне вообще с ней комфортно было — почти как с тобой. Она такая же понимающая. И совершенно неконфликтная. Но если дело касается принципиальных вопросов, пойдет до конца. Будет упорно гнуть свою линию.

Вскоре Оля познакомила Руслана с мамой, и

они понравились друг другу. Глядя на интеллигентную, скромную, уравновешенную Марину Михайловну, Рус вспоминал выражение: хочешь узнать, какой будет с возрастом твоя невеста, — посмотри на будущую тещу. Мама Оли в этом отношении казалась ну очень хорошей гарантией.

Со своей мамой Руслан Олю знакомить не спешил: не сомневался, что и в этот раз будет все то же самое, как уже бывало не раз, — неприятие и антипатия.

Новый год они с Олей встречали вместе — в компании еще институтских друзей Руслана. И хотя Оля никого там не знала, но на удивление хорошо вписалась и всем понравилась, а с бывшей однокурсницей Руса Лейлой даже потом подружилась, и эта дружба сохранилась надолго.

Миновала зима, и с наступлением тепла они стали встречаться чуть не каждый вечер и уж точно каждый выходной. Гуляли по Москве, каждый раз открывая для себя что-то новое и интересное — оригинальный старинный дом, тихий уютный двор, неожиданную архитектурную деталь в давно знакомом, казалось бы, месте. Так они открыли памятник табуретке на Таганке, каскад прудов в Тимирязевском парке, цветущую

сакуру около китайского ресторана в здании редакции «Литературной газеты» и еще много чего, сейчас уж и не вспомнить…

И конечно, как только настало лето, Руслан при любой возможности дарил Оле букеты ромашек, которым она неизменно радовалась так, будто это были по меньшей мере бриллианты.

— Оля, — сказал ей как-то Руслан, когда они сидели у нее на кухне и пили чай, который девушка заварила со смородиновым листом. Шел восьмой месяц их знакомства. — Ну, как это говорится-то… В общем… выходи за меня замуж.

Она коротко выдохнула и покраснела. Эта ее забавная особенность — краснеть по любому поводу — всегда умиляла его.

— Я так рада! — сказала она наконец. — Я тоже люблю тебя. Очень-очень люблю!

Это вышло так старомодно и так прекрасно. Они смотрели друг на друга и улыбались, держась за руки. А через недолгое время вернулась с работы Марина Михайловна.

— Мамочка, — смущенно призналась Оля. — Мне Руслан сейчас предложение сделал.

— Ой, — сказала та. — Не успела войти, а тут такая радость. Русланчик, ты уж давно тут как родной… Ну, давайте скорее ужинать, только

руки помою. За едой и поговорим.

Вместе решили, что жить они будут пока что здесь, у Оли, хотя у Руслана были мысли насчет съемной квартиры. Собственно, они были у него давно, еще до знакомства с Олей, — зарплата позволяла. Но в то время с этим было потруднее, чем сейчас, а самое главное — Руслан не решался оставить маму. Та с годами стала особенно эмоциональной и несдержанной. Несмотря на пенсионный возраст, Галина Николаевна продолжала работать и скручивать подчиненных в бараний рог. Но дома расслаблялась, часто жаловалась на плохое самочувствие, легко могла заплакать даже из-за пустяка, так что один только намек на разлуку с сыном вызывал у нее рыдания. И до поры до времени Руслан старался ее не расстраивать. Но теперь-то все изменилось…

Рус надеялся, что на маму произведут хорошее впечатление Олины скромность и обаяние, но надежда оказалась напрасной. При первой же встрече Галина Николаевна устроила невесте сына настоящий допрос, спрашивая о таких вещах, о которых Руслан считал просто неудобным говорить даже со знакомыми людьми: «Какая у тебя зарплата?», «Сколько зарабатывает твоя мама?», «А где твой отец?». Игнорировала принесенный

Олей зефир в шоколаде и, даже еще не допив чай, практически демонстративно забрала кружку, ушла из кухни в свою комнату и включила телевизор. Конечно, Оля была в недоумении — ничего плохого она не делала, была вежлива, вела себя вполне прилично. Когда она спросила Руса потихоньку, что случилось, он ответил, что у мамы был очень тяжелый день и болит голова. Они наскоро попили чаю, и Оля засобиралась домой. Руслан пошел ее провожать, по дороге извинился и сбивчиво объяснил, что у его мамы не только тяжелый день, но и тяжелый характер.

— Я поняла, — кивнула Оля и заговорила о чем-то другом.

Когда Рус вернулся домой, мама плакала: «Ты хочешь меня бросить!» И все его увещевания, что ему уже скоро тридцать лет и давно пора подумать о собственной семье, что, полюбив Олю, он вовсе не перестал любить маму и что его женитьба вовсе не означает расставание с матерью, ведь он даже жить будет совсем неподалеку, буквально в пяти минутах ходьбы, никакого действия не возымели. Он уговаривал маму как ребенка, а та, как обиженное капризное дитя, ничего не хотела слушать. В итоге Руслан взял отгул, собрал свои вещи и перебрался к Оле тайком, пока мать была

на работе.

На свадьбу — тихую, скромную, праздновавшуюся в небольшом кафе — собралось всего десятка полтора человек, что называется, свои да наши: брат Марины Михайловны с женой и детьми да несколько подружек невесты и друзей жениха, с парами и так. Галина Николаевна не пришла, сказала, что заболела, и, положа руку на сердце, Руслан тогда этому даже обрадовался. Пусть лучше остается дома, чем сидит с кислой миной или, упаси господи, разрыдается в самый неподходящий момент.

Тогда казалось, что мамины недомогания, на которые та стала постоянно жаловаться, выдуманы ею, чтобы привлечь его внимание, хоть как-то, хоть каким-то способом, но подольше удержать сына около себя. Руслан бесился, но старался брать себя в руки, часто звонил маме, минимум два раза в неделю старался забегать к ней (хорошо, что хоть жили неподалеку), делал все, о чем она просила. Мама зачастила в поликлинику, сердилась, что там большие очереди, что нет нужных специалистов, а те, которые есть, плохие — грубые, невнимательные, непрофессиональные. Руслан стал давать деньги на частные клиники, там маме вроде нравилось больше, но

оплата медицинских услуг влетала в копеечку, да и клиники были далеко, приходилось маму туда возить. В общем, лечилась Галина Николаевна весьма активно, но лучше ей не становилось. Она ныла, постоянно жаловалась, что болит то там, то здесь, и все время требовала заверений, что сын «не бросит ее одну умирать».

И Русу приходилось разрываться между мамой и собственной семьей, что с каждым днем становилось все тяжелее, ведь меньше чем через год после свадьбы Оля узнала, что ждет ребенка. Беременность протекала нелегко, молодой женщине хотелось, чтобы муж был рядом, и Руслану этого хотелось, но и не помогать маме он тоже не мог. Оля была молодцом, не обижалась, старалась поддерживать мужа. А с Галиной Николаевной творилось что-то странное — ей никак не могли поставить диагноз. Все анализы и исследования показывали если не норму, то, по крайней мере, некритичные отклонения от нормы, но маме Руслана тем не менее делалось все хуже. Ни онкологии, ни каких-то других тяжелых и опасных заболеваний врачи не нашли, но Галина Николаевна продолжала таять на глазах. Об Оле она по-прежнему не желала слышать, никогда не спрашивала, будто невестки вовсе

не существовало, и, даже узнав, что скоро станет бабушкой, не обрадовалась этому, а вновь завела свою шарманку: «Но ты ведь не бросишь меня?» Руслан весь извелся, не выдерживал, срывался на маму, та плакала. Месяца за два до появления на свет Егора Галина Николаевна слегла и больше уже не вставала. А спустя около года после рождения внука умерла. В медицинском заключении причиной смерти назвали сердечную недостаточность — и это показалось странным, потому что с сердцем у мамы вроде было благополучно, только недавно делали кардиограмму. Но так или иначе после ее кончины Руслан вздохнул с облегчением, хоть и стыдился кому-либо в этом признаться, даже самому себе. Ведь мама была еще далеко не стара — всего-то чуть больше шестидесяти. Но суеверная Марина Михайловна сказала, что таков закон природы: когда в семье кто-то рождается, кто-то примерно в то же время и умирает, это обычное явление.

После смерти мамы Руслан затеял было переезд своей семьи, жены и маленького сына, в мамину квартиру, где по-прежнему был прописан, но Оля вдруг стала категорически возражать. Она не хотела переезжать в квартиру, где жила и умерла Галина Николаевна, не согласилась бы на это

даже после замены всей мебели и капитального ремонта — на что у молодой семьи все равно не было средств. Наверное, это была первая их с Олей крупная ссора, так как Руслан настаивал — он предпочел бы жить отдельно от тещи. Не то чтобы он имел что-то против Марины Михайловны, нет, она была хорошей женщиной, доброй, заботливой и тактичной. Очень помогала с Егоркой, давая возможность дочке не бросать работу полностью, а когда у Оли закончился декретный отпуск, безропотно вышла на пенсию и засела дома с внуком. Егор рос активным ребенком, озорным, непоседливым и к тому же невероятно самостоятельным и упрямым. Обычно у детей первыми словами бывают «мама», «папа», «баба» или «дай», а у этого парня было «сам». Он все норовил сделать самостоятельно, рано научился держать ложку и все такое, не любил, когда его брали на руки, предпочитал идти, а лучше бежать собственными ногами, тогда и туда, куда считал нужным. Переубедить его было крайне сложно, у мамы и бабушки это еще иногда получалось, у Руслана же — почти никогда. Врач-педиатр советовала отдать мальчика на какие-то активные занятия, чтобы «использовать его энергию в мирных целях». После этих слов Оля тут же за-

писала сына в бассейн, а Руслан несколько часов взрывал интернет, пока не нашел подходящую студию бальных танцев, куда принимали с трех лет. Тоска по танцевальному прошлому так и не отпускала его, и он решил хоть так к нему прикоснуться — хотя бы через сына. Рус мечтал, что Егор сумеет продвинуться гораздо дальше на том пути, который в свое время не удалось пройти ему. Тем более что новые времена открыли столько новых возможностей: международные конкурсы, поездки по всему миру… Но мечтам не суждено было сбыться — Егора танцы вообще не привлекли. На второе занятие он уже пошел со скандалом, а на третье просто отказался идти. При этом в бассейн ходил с удовольствием да и в детский сад тоже, как ни странно, довольно охотно.

Вскоре после того как Егор пошел в детский сад, Оля вновь забеременела. Как и в прошлый раз с сыном, вышло это случайно — ребенка они не планировали, но и никаких сомнений в том, должен ли малыш появиться на свет, не было. Тем более что семью Левашовых вскоре ждали и другие радостные перемены: в Москве начали сносить пятиэтажки, и дом Оли попал под программу реновации одним из первых в районе. Так что Мышка родилась как раз вовремя, — чтобы

успеть обеспечить своей семье трехкомнатную квартиру на Волгоградке. Каждый из ребят обзавелся собственной комнатой. У Егора сбылась давняя мечта: спортивный уголок, с которого он был готов вообще никогда не слезать. Марина Михайловна тоже получила квартиру неподалеку и по-прежнему очень помогала с детьми.

Дочка Маша, с первых же месяцев жизни получившая домашнее прозвище Мышка, не переставала удивлять Руслана. Казалось бы, ребенок тех же родителей, что и Егор, растет в тех же условиях, ну, разве что квартира другая, попросторнее. По идее, дети должны быть похожи, но даже внешнего сходства особого нет, а по характеру так и вовсе полные противоположности. Егор — категоричный, упрямый, замкнутый, себе на уме, никогда не поймешь, что у него там, внутри, происходит и что он себе думает. А Мыша как открытая книга — вся тут. Что думает, то и говорит, все эмоции наружу. Жизнерадостная, непосредственная, такая трогательная, такая умильная кроха… С ней всегда можно было договориться (не то что с ее братцем), отвлечь от неприятного, развеселить, переключить на что-то. Только вроде соберется заплакать, но покажешь ей что-нибудь или пошутишь — и вот

она уже заливается смехом, как хрустальный колокольчик. Неудивительно, что Руслан в ней души не чаял, и Мышка отвечала ему такой же любовью. «Ну, Маша у вас — настоящая папина дочка», — улыбались знакомые. И предполагали: «А Егор, наверное, мамин, да?» Но тут они ошибались: Егор не был ни маминым, ни чьим-то еще. Он всегда с малолетства был сам по себе.

С сыном Руслану всегда было нелегко — зато с дочкой он отдыхал душой. Простил Мышке даже то, что она тоже не заинтересовалась бальными танцами, походила на несколько занятий и бросила. Так у нее было со многими кружками, да и не только кружками, вообще занятиями — увлекалась и быстро разочаровывалась. Неизменной оставалась только любовь к разным поделкам. Ей всегда нравилось что-то лепить из пластилина, клеить куклам домики из картона, шить им одежду, вышивать. Все вокруг это только одобряли — развитие мелкой моторики с раннего возраста, как известно, помогает в развитии и умственных способностей.

Несмотря на помощь бабушки, первое время молодым родителям было, конечно, трудновато — и физически, и финансово. Руслан не упускал ни одной возможности подхалтурить — кому

комп собрать, кого от вируса вылечить, кому прогу поставить. Оля тоже была очень занята, она только официально работала в трех местах, а помимо этого еще и практиковала частным образом, участвовала в семинарах и симпозиумах, постоянно повышала квалификацию. Но потом понемногу все вроде бы стало налаживаться. Дети подрастали, пошли в школу, с ними стало попроще. Со школой им повезло — рядом была очень приличная, и их новый дом оказался к ней приписан. Руслан нашел работу в солидной фирме с хорошей зарплатой, и ему уже не нужны были постоянные «халтурки». Оля тоже «вышла на новый уровень», стала востребованным профессионалом, и хотя занята была по-прежнему, но зарабатывала теперь гораздо больше.

Дети подрастали на удивление быстро. Говорят, так происходит только с чужими детьми — ничего подобного! Собственные отпрыски тоже становятся старше гораздо быстрее, чем хочется родителям. Это только в первые годы, а точнее даже месяцы, молодые мамы и папы по неопытности торопят: скорей бы уж начал сидеть, ходить, говорить… Но оглянуться не успеешь, как ребенок уже ходит и лезет всюду, куда не надо, и говорит — да так, что не заткнешь, не

замолкая ни на секунду… А дальше понеслось: только что был детский сад — бац, уже школа. Вроде недавно в первый класс пошел — а через год уже выпускной…

Со временем Ольга устала от слишком насыщенного образа жизни и решила немного сбавить обороты. К тому моменту она уже работала в хорошей клинике, вела там приемы несколько раз в неделю. Частную практику тоже продолжала вести, но свободного времени у нее теперь стало гораздо больше. Просто раньше она работала на имя, а теперь имя работало на нее — попасть на прием к Левашовой стало престижно. Так что финансовые трудности в их семье давно уже были позади, и они смогли позволить себе другой образ жизни — тратить деньги на развлечения, путешествия, отдых.

Оглядываясь назад, Руслан понял, что проблемы в их семье начались со вступлением Егора в подростковый возраст. Не то чтобы он обвинял в этом одного только сына… Нет, наверное, они все были хороши.

В то время между отцом и сыном точно черная кошка пробежала, они ссорились по любому поводу. Однажды Егор потребовал, чтобы ему дали письменное разрешение набить татуировку на

предплечье — без согласия родителей в его возрасте это, к счастью, было невозможно. Руслан, разумеется, наотрез отказал, не принимая во внимание никакие заявления сына, что его тело принадлежит только ему и только он вправе решать, что с собой делать. В тот день у Руса и без того было полно забот, он только отмахнулся — после чего сын неделю с ним не разговаривал.

В другой раз Егор захотел покрасить волосы, а Руслан посмеялся над этим: «Ты что, девчонка? Или клоун?» — парень на другой же день явился с новой прической: две трети головы выбрито налысо, а с макушки на глаза свисает длинная разноцветная прядь нескольких оттенков, от розового до зеленого.

— Выглядишь по-идиотски, — не стал скрывать Руслан.

— Сам ты идиот, — ответило любящее чадо. И очень удивилось, когда отец отобрал у него после этого мобильный телефон.

Самым странным было то, что Оля почему-то встала на сторону Егора.

— Ты был с ним груб, — сказала она перед сном.

— Это *я* был груб? — изумился Руслан. — Да я бы никогда в жизни не посмел назвать свою мать

идиоткой. И ты Марину Михайловну, кстати, тоже.

— Мне мама никогда в жизни не давала для этого повода, — неожиданно ответила Ольга.

— Очень мило! — взвился он. — А я, получается, дал?!

После этого случая он долго не разговаривал ни с сыном, ни с женой…

Но чаще всего они ссорились, когда речь заходила о будущем. Егор был неглупым парнем, но в школу ходил неохотно и учиться не любил, из всех уроков ему нравилась только физкультура, остальное было скучно. И все попытки обсудить с ним выбор профессии или хотя бы вуза для поступления оканчивались неудачей.

— Да не знаю я! — огрызался Егор. — Не решил пока. Чего ты ко мне пристал, это ведь не завтра будет.

— Не завтра, — кивал Руслан. — Но скоро. Гораздо скорее, чем ты думаешь, время пролетит быстро. А сейчас поступить в хороший вуз гораздо труднее, чем было тогда, когда учились мы с мамой. Сейчас абитуриентов много, конкурс во все приличные университеты большой. Нужен высокий балл по ЕГЭ, победы в олимпиадах и все такое. А у тебя все победы только на спортивных

соревнованиях. Или ты планируешь в физкультурный поступать?

— Я же сказал, что еще не решил!

— А я сказал, что чем раньше этим озаботишься, тем лучше! — начинал закипать Руслан. — Может, ты уже и опоздал…

— Ну, опоздал, и хрен с ним! — огрызался Егор.

— И правда, оставь ты его в покое! — вступалась за сына Ольга. — Ему пока всего четырнадцать, успеет профессию выбрать.

Но время показало, что прав-то был именно Руслан. Школа у Егора уже была позади, а со своим местом в жизни парень так и не определился.

Даже Мышка, уж на что лапочка, — и та стала тогда подливать масла в огонь. Она ведь тоже взрослела, начала вдруг стесняться брата, требовала, чтобы он не заходил без стука в ее комнату, жаловалась, что музыка, которую он слушает, и звук видеоигр мешают ей заниматься. Егор в ответ придирался к тому, что она слишком долго занимает ванную и лепит по всей квартире какие-то дурацкие девчачьи наклейки. Дети ссорились, Мышка обижалась и плакала, Руслан вступался за нее и снова начинал собачиться с сыном… Да и с Олей тоже стал ссориться все чаще и чаще, но долго уговаривал себя, что это

просто так, временно, и скоро пройдет. Однако не прошло, а, как это порой бывает, накопилось и взорвалось. И причиной стала эта самая квартира в таунхаусе, где сейчас и жил Руслан.

Тогда покупка этого жилья показалась ему отличной идеей, которая решит если не все проблемы, то, по крайней мере, многие. Что ни говори, а трехкомнатная, к тому же не слишком большая квартира на четверых — это явно мало, да и кухня у них маловата, десять метров всего. Дети росли, не за горами тот час, когда оба захотят создать собственные семьи. Руслана эта мысль только радовала. Он с детства мечтал о «настоящей» семье, большой и дружной, такой, как была у его друга детства Володи Вележева. Сначала Рус думал о загородном доме, достаточно просторном, со многими комнатами и несколькими ванными — чтобы можно было всем жить свободно, не толкаясь боками. Вот там они заживут отлично. У них с Олей появятся свои кабинеты — отдельно от спальни, и там хватит места и для обоих компьютеров, и для Олиных книг по специальности. Дети смогут заниматься своими делами, не мешая друг другу. А в придачу к этому всему идут еще и свежий воздух, природа, камин, мангал, лужайка какая-нибудь для игр.

Можно будет и собаку завести, Мышка давно просит, и Егор хочет, но он хочет только большую, волкодава, мастифа или ньюфа, а Оля считает, что большой собаке в городской квартире не место… В общем, Руслан всерьез обдумывал идею переезда за город, тем более что и основания для этого появились — он занялся продажей своей старой квартиры. После того как Оля, еще до рождения Машки, принципиально отказалась там поселиться, Рус квартирой так и не занялся: некогда было, да и смысла не видели, думали, что дом вот-вот снесут, как произошло с домом Оли. Так что Руслан пока просто сдавал свою квартиру кузену одной из коллег, ярославцу, для которого невысокая цена была гораздо важнее, чем современные стильные интерьеры. И тут вдруг к Русу обратилась жена другого коллеги, частный риелтор, с вопросом, не хочет ли он, случайно, эту свою квартиру продать. У нее есть клиент, которому нужна именно двушка, именно в хрущобе, и район как раз подходящий. А когда Руслан поделился своими планами насчет загородного дома, риелтор предложила рассмотреть также и таунхаусы. Как следует поразмыслив, взвесив все плюсы и минусы, Рус остановился именно на этом варианте. Все-таки свой дом

— это постоянные заботы. То трубы засорились, то крыльцо нужно подправить, то крыша потечет… С таунхаусом хлопот гораздо меньше. Да еще благодаря все тому же риелтору подвернулся буквально дом мечты. Свежий воздух, шикарное место, живописное и удобное. Красивые уютные дома на четыре трехэтажные квартиры, у каждой собственный внутренний дворик и гараж, в поселке охраняемая территория, на ней магазин, спорткомплекс, рядом речка и небольшой лес. От Москвы совсем недалеко, и станция метро уже скоро откроется неподалеку. Словом, мечта.

Пока что коттеджный поселок только строился, квартиры продавались без отделки, стоили на удивление недорого, и их разбирали, как горячие пирожки, понимая, как сильно они потом взлетят в цене. Затягивать с решением было некогда, и Руслан поторопился с покупкой, заключив, что сделает семье сюрприз. Он запланировал обустроить на первом этаже просторную кухню-столовую и гостиную с камином, где все будут собираться по вечерам, на втором оборудовать родительскую спальню, гардеробную и комнаты для детей, на третьем — кабинет и гостевые комнаты. Ванные на всех этажах, в подвале — мастерская и прачечная.

То, что жилье пока не отделано, его не смущало, а даже напротив — вдохновляло. Ну разве это не здорово — сделать все, начиная с планировки, по собственному вкусу? Он уже предвкушал, как новый дом сблизит и сделает счастливой их семью. Сам Руслан был в восторге от своей затеи, и ему даже в голову не приходило, что жена может этого восторга не разделить. Тем сильнее был шок, когда Оля, услышав новость, посмотрела на него с холодным изумлением, как на придурка. Причем — на чужого, незнакомого придурка.

Было чудесное субботнее утро — теплое, ясное, майское. Они завтракали вдвоем: Мышка на выходные отправилась с бабушкой на дачу, Егор с утра пораньше умчался по своим делам. В кухне пахло свежесваренным кофе и тостами, за открытым окном ветер шелестел юной листвой…

И вдруг — такой вот Ольгин взгляд.

— Какой таунхаус, о чем ты? Надеюсь, ты шутишь?

— Да нет же! — возразил Руслан. — Я действительно купил нам дом. Наше будущее фамильное гнездо.

— И где же оно, это будущее гнездо? — продолжала недоумевать Оля.

— Недалеко. Поехали, покажу! — предложил

он.

— Погоди, Руслан, — она приложила пальцы к вискам, точно у нее вдруг неожиданно разболелась голова. — Я что-то ничего не понимаю! Ты купил дом в Подмосковье? Но на какие деньги? Это же очень дорого!

— Не так дорого, как можно подумать, — заверил он. — Что же до денег, то я продал свою квартиру.

— То есть как это «продал квартиру»? — снова переспросила жена, и в ее голосе на этот раз прозвучало не просто изумление, но даже что-то похожее на ужас.

— Да обыкновенно, — Рус пожал плечами, ему уже начал действовать на нервы этот разговор. — Через риелтора. Как все квартиры продают. Но какая, в конце концов, разница…

— Погоди, — перебила его жена. Обычно за ней не водилось такой привычки, Оля всегда была неизменно вежлива. — Ты продал квартиру и даже ничего мне не сказал?

— Ну так вот, говорю же! — откликнулся он. — Давай собирайся, поедем смотреть наши хоромы.

Оля зависла на какое-то время, и у Руслана вдруг возникло подозрение, что она сейчас отка-

жется. Но в конце концов жена кивнула:

— Ладно, если ты говоришь, что это недалеко… Мне к двум часам обязательно надо вернуться. Сейчас наведу порядок в кухне и быстренько соберусь.

Дорога заняла невероятно много времени даже для утра субботы. Они то и дело останавливались и подолгу стояли, особенно на МКАД, и с каждой минутой бодрые заверения Руслана, что «ехать тут очень близко», звучали все менее убедительно. В довершение неприятностей они еще и проехали мимо места страшной аварии. Самого ДТП, к счастью, не застали, но одного вида нескольких покореженных автомобилей, крови на асфальте и завываний продирающихся сквозь плотный поток скорых с мигалками Оле явно хватило с лихвой. На ее лице отразился ужас, она смолкла и замолчала до самого приезда.

Облик коттеджного поселка, где еще полным ходом шло строительство, ее тоже абсолютно не впечатлил. Все предложения представить, как тут будет красиво, когда посадят деревья, разобьют клумбы и проложат дорожки, тонули в ее настороженном молчании, как в колодце. Выйдя из машины, Оля с брезгливым выражением на лице переступила через кучу строительного

мусора — хотя на самом деле прекрасно можно было и обойти — и неохотно вошла в дом.

Ну да, здесь, конечно, был пока что совсем не «Гранд-отель». Бетонные стены, полы и потолки без отделки, лестницы без перил, строительная пыль… Но так ведь всегда бывает в строящихся или ремонтируемых домах! И странно взрослому человеку не понимать таких вещей. Но Оля все с той же гримаской быстро прошлась по новой квартире, едва выглянула во внутренний двор, а наверх даже подниматься не стала.

— Я пойду на улицу, — сказала она. — В этом бункере тяжело дышать.

Слово «бункер» почему-то особенно задело Руса, но он сдержался из последних сил.

— Хорошо, пойдем прогуляемся, — предложил он. — Здесь очень приятное место.

Место было действительно приятным — сразу за поселком протекала небольшая речушка, а за ней начинался лесок. Но напрасно Руслан надеялся, что запах мокрой земли и сочной молодой зелени, разноголосое пение птиц и сине-бело-желтые ковры майских цветов исправят первое впечатление. Вместо того чтобы наслаждаться прогулкой, Оля шагала по дорожке быстро, точно по уличному тротуару, и одолела лесок за

несколько минут. Завидев вдалеке шоссе, она снова скривилась:

— И это что, весь лес?

— Я же сказал, что он маленький, — развел руками Руслан, но поспешил добавить: — Но в ширину он гораздо больше.

Пожав плечами, Оля развернулась и зашагала обратно.

— Я-то думала, тут правда лес и река… — хмыкнула она.

— Ну а река-то уж тебе чем не угодила? — возмутился Рус.

— Но она же грязная! Даже страшно подумать о том, чтобы искупаться в такой.

— Слушай, Оля, это все-таки Москва, хоть и Новая. А в московских реках уже давно никто не купается. Это же не Серебряный бор.

В ответ она снова пожала плечами и попросила:

— Поехали домой. Надо к завтрашним занятиям подготовиться, а у меня сегодня еще уборка.

За всю обратную дорогу Оля не сказала ни слова о новом жилье. Да и дома ни разу эту тему не затронула. Уже перед сном, когда ложились спать, Руслан не выдержал:

— То есть тебе мое приобретение не понра-

вилось?

В ответ Оля только промычала что-то — невнятное, но явно утвердительное.

— Ты можешь хотя бы сказать, что тебе не так? — настаивал он.

— Все, — буркнула Оля, ныряя в ночную рубашку.

— А конкретнее? — Руслан уже начал закипать. Вернее, не так: кипел он уже давно, весь день и весь вечер, и оставались считаные мгновения до того момента, как все, что бурлило в нем, с шумом вырвется наружу.

— Рус, ну как ты не понимаешь… — вздохнула Ольга, не глядя на него.

Оказывается, это *он* не понимал. Он, уже вбухавший кучу денег в этот проект. Он, который всю жизнь работал как вол, чтобы обеспечить свою семью, детей и Олю, чтобы дать им хорошую жизнь. Он, которому предстояло в ближайшее время еще больше работать, чтобы сделать из этого, как она изволила выразиться, «бункера» уютную квартиру для всей их семьи, где каждый из них мог бы быть счастлив. И вдруг выясняется, что это никому не нужно.

— Ну, объясни, раз твой муж такой тупой, — буркнул он.

— Терпеть не могу, когда ты так говоришь, — поморщилась Ольга.

— И все же? Чего я не понимаю? Чем, по-твоему, плох этот таунхаус?

— Господи, Руслан! Но ты же купил огромную проблему! Нам теперь придется всю жизнь положить на этот дом! Сколько вложений потребуется, сколько сил, сколько времени, пока он приобретет хоть немного жилой вид. И не только дом, но и все вокруг. Там ведь ни магазинов вокруг, ничего. Негде хлеба купить, неоткуда детям врача вызвать, если заболеют. В город не наездишься, детям в школу придется бог знает во сколько вставать… А у Егора уже выпуск не за горами…

— Оля, ты не замечаешь, что сама себе противоречишь? — возразил он. — Ты права в том, что прямо завтра туда переехать, конечно, нельзя. Но так это и к лучшему. Не будем спешить, отделаем и обставим квартиру не торопясь, по своему вкусу. Егор к тому времени, глядишь, уже будет оканчивать школу. А поступит в универ — так куда-то ездить все равно придется. Но лучше ведь из экологически чистого поселка и уютного дома, чем из тесной квартиры в загазованном центре.

— А Машина школа? А моя работа?

— Ну, Мышка тоже ведь не вечно будет в школе учиться, — напомнил Руслан. — А с твоей работой разберемся. Найдем тебе офис поближе. Я уже думал об этом — все не так сложно…

— То есть ты уже все за всех нас решил! — перебила вдруг Оля. — Как нам жить, где нам жить, что и как делать…

— Но я же хочу как лучше для вас! — он невольно повысил голос.

— Только это «лучше» всегда получается исключительно в твоем понимании, — возразила она. — А не в нашем. И не кричи, пожалуйста. Еще не хватало, чтоб дети услышали, как ты на меня кричишь.

— Я могу вообще ничего не говорить, — буркнул Руслан, лег в постель и демонстративно отвернулся к стене. Ольга тоже легла — явно постаравшись отодвинуться от него как можно дальше. Руслан был невероятно зол и разочарован, он не сомневался, что долго не сможет уснуть, но, как ни странно, срубился почти мгновенно.

На другой день он объездил всю Москву в поисках Олиных любимых ромашек. Купил целый сноп, привез ей, но это не помогло. Тогда они вроде бы помирились, только осталось неприятное послевкусие, но с того дня в отношениях

между супругами возникла трещина, которая со временем только разрасталась. С этого момента Рус постоянно размышлял над их отношениями и с каждым разом приходил ко все менее утешительным выводам. Сомнений не оставалось, они с Ольгой давно отдалились друг от друга, причем по всем фронтам. Он уже и не помнил, когда они выбирались куда-то вместе, тем более что дети к тому моменту уже подрастали и у них стали появляться собственные друзья, интересы и занятия. Интимных отношений у Руслана и Ольги давно не было, хоть и спали в одной постели, но, как шутил Рус, вместе, но не друг с другом. Кто бы сказал ему в молодости, что такое вообще возможно — лежать рядом с женщиной и ничего не хотеть… Не было желания не только физической близости, но даже разговаривать. Как-то не о чем стало, все темы были давно исчерпаны. Нет, они говорили, конечно, — о детях, о быте, изредка о работе или планах на отдых. Но это было все какое-то… формальное, в обязаловку. По сути, личного и важного в подобном общении было не больше, чем в разговорах о погоде. Ну да, собирается дождь, и, если забудешь зонтик, можно вымокнуть и заболеть. Это тоже в какой-то мере важное и даже личное. Но общение между

родными и близкими людьми ни в коем случае не должно ограничиваться пресловутой «какой-то мерой». Оно должно быть полноценным, доверительным, дарить понимание и поддержку — иначе какая же это близость?

Покупая квартиру в таунхаусе, Руслан надеялся, что это приобретение вдохнет жизнь в их застоявшиеся и затхлые, как болото, отношения с женой. И взбаламутить болото ему, можно сказать, даже удалось. Вот только лучше от этого никому не стало. А совсем наоборот. Каждое его начинание, связанное с новым жильем, даже всего лишь попытки заговорить на эту тему развивались всегда по одному сценарию. Ольга всегда отмахивалась — «делай как знаешь», он настаивал, пытался вовлечь ее в обсуждение, заинтересовать, но жена никогда не шла ему навстречу. В итоге все заканчивалось ссорой, а то и скандалом. Как-то раз, когда Ольга в ответ на его упреки заявила, что ей «этот проклятый таунхаус на фиг не нужен, и отстань, наконец, от меня с этой своей дурацкой блажью!», Руслан психанул и ушел из дома. Снял номер в первой попавшейся гостинице, переночевал там. Утром позвонила Ольга. Рус думал, что жена хочет помириться, но оказалось — совсем наоборот.

— Знаешь, — сказала Ольга, — я сегодня впервые за долгое время отлично выспалась. И поняла, что мне совсем не плохо без тебя.

— То есть ты намекаешь, что я вообще должен убраться из дома ко всем чертям?! — взвился Рус.

— Делай как знаешь, — устало ответила жена. — Ты же все равно всегда поступаешь по-своему, не учитывая никаких других мнений.

Этот упрек показался столь несправедливым, что Руслан не выдержал и нажал кнопку отбоя…

Он задержался в гостинице еще на несколько дней, а потом все через того же знакомого риелтора снял квартиру и вплотную занялся таунхаусом.

— Папа, ты что, нас бросил? — спрашивала дочка, звоня отцу.

— Мышка, и не думал даже! — отвечал он.

Руслан всерьез считал, что его бросила именно Ольга. Он предполагал, что жена все же одумается и попросит его вернуться. Но Ольга не попросила. А через несколько месяцев и вовсе подала на развод. До того можно было считать, что у них было «время на подумать, пожить отдельно», но натянутые отношения только усугублялись. Даже по телефону общаться без ссор не получалось. Руслан постоянно обижался на жену, та на

него. Вот так взаимными обидами и разрушилась семья.

Мышка звонила чуть не каждый день, рыдала горькими слезами. Руслан старался встречаться с ней как можно чаще и каждый раз пытался втолковать, что ситуация, конечно, неприятная, но жизнь все равно продолжается, а не заканчивается. То, что они с мамой будут теперь жить отдельно, ни в коей мере не означает, что папа разлюбил свою девочку. Ни в коей мере! Она как была, так и останется навсегда его маленькой Мышкой, обожаемой дочуркой и папиной принцессой. Вроде подействовало, дочка немного повеселела и больше уже не возвращалась к этому неприятному разговору. Со временем они стали общаться реже, но это и понятно: Мышенька была сильно занята — подружки, школа, репетитор по английскому, многоступенчатые курсы хенд-мейд-мастерства, которые ей очень нравились…

А вот Егор отцу так и не позвонил. Руслан напрасно прождал почти неделю, а когда наконец позвонил сам, сын не захотел с ним разговаривать. И за несколько лет так и не сменил гнев на милость. Просто вычеркнул отца из своей жизни, даже из друзей везде в соцсетях удалил и

телефонный номер занес в «черный список».

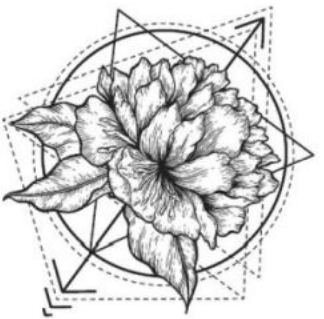
С тех пор Руслан так и жил: периодически общался с Мышкой, правда, в основном по телефону, вообще не контактировал с сыном да изредка созванивался с Олей, когда находился повод. Но не было, наверное, ни одного дня, чтобы он хоть раз да не подумал о них. Когда кто-то для тебя по-настоящему значим, то все вокруг то и дело напоминает о нем. Вот как эти ромашки на кусочке пазла, на который Руслан уже пялился неизвестно сколько времени, тщетно пытаясь отыскать остальные детали.

Но их не было…

Зато неожиданно начал складываться еще один фрагмент. Похоже, это снова была фотография, и даже снова черно-белая — как вот эта, уже готовая, с покореженным деревом, напомнившим о Даше. Но на этом, новом, снимке был не пейзаж, а люди. Мужчина в темном костюме, женщина в белом платье… Невеста и жених? Похоже, что да.

Вот только лиц Руслан так и не сумел к ним подобрать, как ни старался.

Фрагмент седьмой
Старое свадебное фото



Тепло, а порой даже жара той осенью держались на удивление долго, почти до конца сентября. Но, как известно, все когда-нибудь заканчивается, и хорошее почему-то гораздо быстрее, чем плохое. Однажды, выглянув утром в окно, Руслан увидел, что покрытая опавшими листьями трава поседела от ночных заморозков, и решил: все, хватит. Пора забирать отца к себе. О чем и объявил бате с порога, когда через несколько дней в очередной раз приехал в Мурмино.

— Папа, давай-ка перевезем тебя ко мне в Москву, — сказал он, и эти слова почему-то прозвучали очень решительно, уж точно как утверждение, а не как вопрос.

— Сынок! — Отец, читавший, сидя у окна, снял очки, поднялся ему на встречу и обнял. — Я как чувствовал, что ты сегодня приедешь. Даже во сне тебя видел. Как ты? Ты что-то бледный как будто… Не заболел?

— Батя, ты мне зубы-то не заговаривай, — усмехнулся Руслан. Он снял куртку и сразу почувствовал, как прохладно в доме. — Ну и колотун у тебя… Представляю, каково будет зимой. Давай не будем тянуть кота ни за какие места и дожидаться, когда ударят морозы. Я сегодня специально приехал, чтоб тебя забрать. Так что собирайся не торопясь, и поедем.

— Нет, Русь, — покачал головой отец. — Спасибо тебе, конечно, за предложение. Я тронут, очень тронут твоей заботой… но все же к тебе не поеду.

— Ну почему, папа? — Руслан закатил глаза. — Ну да, помню, ты мне говорил, что не хочешь мешать нам с Динькой, что боишься быть в тягость. Но с Динькой-то мы уже разошлись! Я теперь живу один. И мне ты в тягость не будешь, даже наоборот. Я буду только рад, что в доме

кто-то есть. Да и сюда не надо будет мотаться, в такую даль…

— Сынок, — отец возразил, как обычно, мягко, но голос его дрогнул, — сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не приезжал сюда так часто. Я ж понимаю, как тебе это тяжело — столько часов за рулем. День, а то и два полностью вылетают. А я… Ты же видишь — я справляюсь. Не надо ради меня так стараться. Всегда ж можно просто позвонить.

«А ведь я его обидел», — догадался Руслан и поспешил загладить свою вину:

— Да что ты, батя, я совсем не про то! Мне к тебе приезжать вовсе не трудно. Я ж тебе говорю — с тобой всегда душой отдыхаю. А лучший отдых — это смена активности. Так что давай пойдем посмотрим, что у тебя там с дровами…

Тот день был первым, когда они с отцом затопили печку не для уюта, а именно затем, чтобы прогреть дом, и когда Руслан в прямом смысле на собственной шкуре ощутил, как разнятся центральное отопление и печное. Дрова на всю зиму он отцу, конечно, закажет, это не вопрос… Но все же обязательно надо придумать, как забрать батю к себе.

После обеда они пили чай с вишневым пирогом, испеченным специально для Бориса Василье-

вича одной из соседок. Его любили все соседки, особенно одинокие, над чем Рус иногда беззлобно подшучивал, а отец смущался как мальчишка и всерьез принимался уверять сына, что «нет, ничего такого». Но пирог был отменным, и Руслан, соскучившийся по домашней выпечке, съел, презрев все ограничения, больше трети.

«Вытопчу лишние калории на танго», — решил он про себя, а вслух сказал:

— Эх, до чего же вкусно! Передай Наталье Михайловне, что она волшебница.

— Передам обязательно, — кивнул отец, подкладывая ему еще кусок. — Она будет счастлива…

И добавил после паузы:

— А помнишь, Русь, какие великолепные пирожки пекла Галя?

— Галя? — он даже не сразу понял, о ком речь.

— Твоя мама. У нее пирожки со всеми начинками удавались… — вздохнул Борис Васильевич. — С вишней, с мясом, с картошкой, с яблоками, с грибами… Но я больше всего с капустой любил. А ты с чем? Из маминых?

— Я? — растерялся Руслан. Некоторое время раздумывал, что ответить, и в итоге все же сказал правду:

— Бать, я не помню маминых пирожков. Нас-

колько припоминаю, она вообще никогда ничего не пекла. Да и готовила мало. Мы в основном еду из кулинарии ели.

— Вот, значит, как? — покачал головой Борис Васильевич. — Это грустно…

— Еще как грустно, — согласился Рус. — Я все детство Володьке завидовал. У него то мама, тетя Света, то бабушка вечно что-то вкусное готовили… Тебе еще чаю налить?

— Нет, спасибо, хватит, пожалуй, — рассеянно ответил отец. Он словно глядел куда-то сквозь стену — так всегда бывало, когда Борис Васильевич задумывался.

— А я выпью еще чашечку, — решил Руслан.

— Да на здоровье.

Отец подвинул заварочный чайник, чтобы сыну не пришлось вставать, помолчал и потом сказал с такой интонацией, словно просил о чем-то:

— Ты вот что, Русь… Не сердись на маму. Ей ведь после… после того, как мы расстались, очень тяжело пришлось. И работала, и тебя растила…

— У тети Светы трое детей, — заметил Руслан. — И ничего, справлялась как-то.

— У Светланки был Костя, и мама с ними жила, — возразил отец. — А Галя растила тебя одна.

И помочь ей было некому. Разве можно ее в чем-то винить?

— Да я не виню… — пробормотал Руслан. Ему стало не по себе: они затронули скользкую тему родительских взаимоотношений, которой он все это время старательно избегал. Хотя… почему бы и нет? В конце концов, рано или поздно поговорить об этом все равно придется. И лучше уж, как выражается его коллега Вадим, проглотить лягушку сразу, чтобы потом больше к этому не возвращаться.

— Видишь ли, Русь, — продолжал тем временем отец, — твоя мама действительно была непростым человеком. Но ее можно… Нет, не можно, а даже нужно понять. Тебе это необходимо.

— Тогда расскажи мне о ней, — попросил Руслан. — О ней… И о вас. Ведь я, собственно, ничего не знаю. Действительно практически ничего!

— Хорошо, — неожиданно согласился отец.

И неторопливо начал рассказ. А Рус слушал мягкий, хорошо поставленный голос отца — сказывался многолетний учительский опыт, и перед мысленным взором постепенно возникала, прорисовывалась, проявлялась, как старая фотография, простая, типичная и грустная история.

История женщины, которая произвела его на свет и вырастила, которую он любил, но к которой у него до сих пор был длиннющий список претензий. И которая любила его так сильно, что ему нередко становилось тесно и душно от этой любви.

Галина Николаевна родилась в трудные военные годы в небольшом рабочем поселке. Мать сказала ей, что ее отец погиб на фронте, но так это было или нет, Галя так никогда и не узнала. Детство у нее было тяжелое. Конечно, можно сказать: у кого оно было легким-то, сразу после войны? Но маленькой Гале пришлось горше, чем многим другим. Материнской любви и ласки она не видела, да и некогда было ее увидеть. Росла Галя не дома, а в «круглосуточном» — сначала ясли-интернат, потом детский сад — интернат, потом школа-интернат. Навещала ее мать крайне редко. Галя была нелюдимой, но училась хорошо, имея неплохую хватку и быстрый ясный ум. Только в средней школе мать забрала дочку домой, но этот переезд не был радостным. Мать целыми днями отсутствовала, Галя топила печь, убирала избу, готовила, стирала. А мать возвращалась домой поздно, усталая, злая и почти всегда пьяная. Пила она и дома, и в компании, и одна без

собутыльников, а опьянев, принималась учить дочь нехитрым житейским мудростям: «Не верь никогда и никому», «Учись, соображай все сама, никто тебе не поможет», «Не отставай — затопчут», «Дают — бери, бьют — беги», «Клювом не щелкай». Все это и тому подобное вколачивалось в девочку не только в переносном, но и в прямом смысле. А если добавить к этому еще и вечное пьяное внимание материных собутыльников, неудивительно, что, едва получив свидетельство об окончании семилетки, Галя сбежала из дома и поехала в Москву — «зайцем» на электричках с пересадками, потому что не было даже денег на билет.

Это было все, что знал Борис о первых годах ее жизни. Вспоминать детство Галя терпеть не могла, а Борис, естественно, и не думал настаивать, понимал, что жене пришлось в сотни раз тяжелей, чем ему. Его родные тоже жили совсем не богато и не всегда благополучно, поскольку отец-инвалид тоже любил выпить, — но, по крайней мере, его семья была интеллигентной и в ней стремились поддерживать теплые отношения и заботиться друг о друге. О Гале же никто никогда не заботился. Она страстно мечтала о «красивой жизни» — в том виде, какой ее могла

представлять себе провинциальная советская девочка, — и очень рано уяснила, что добиться чего-то может только сама. Да, она была сильной, стойкой, жесткой — иначе просто не выжила бы в тех условиях, в которых росла. Но все же — что, наверное, и привлекло отца в ней более всего — в Гале имелся огромный, как выразился Борис Васильевич, «потенциал любви». Она жаждала излить на кого-то весь накопившийся запас тепла, нежности и заботы и одновременно отчаянно боялась привязаться к кому-то. Боялась, потому что уже обожглась, и даже не раз.

В столице Галя работала «по лимиту» — маляром на стройке, жила в общежитии. Как оказалось, Борис Васильевич был ее третьим мужем. В первый же свой московский год Галина влюбилась в парня с работы — слесаря-сантехника, красавчика и зубоскала, — но уже через несколько месяцев после свадьбы застала его в постели с другой. Галя покричала, поплакала, но простила, потому что любила — или думала, что любит. Но с тех пор измены стали повторяться вновь и вновь, и в конце концов муж ушел к одной из своих очередных пассий. Через несколько лет Галина снова вышла замуж за другого коллегу, и молодой семье даже дали отдельную комнату,

поскольку они «ждали прибавления». Галя была счастлива и уже всей душой любила ребенка, которому еще только предстояло родиться. Но долгожданная радость обернулась трагедией — девочка родилась мертвой.

Общее горе или сближает людей или вбивает между ними клин, заставляя отдалиться. Кто-то пытается справиться с несчастьем вместе и поддержать другого, а кто-то, напротив, замыкается в своих переживаниях, уходит в себя или, того хуже, начинает обвинять в случившемся других и в конце концов превращает недавних близких людей во врагов. Именно так вышло после трагедии и у Галины во втором браке. Она изо всех сил пыталась сохранить семью, но муж вбил себе в голову, что в смерти ребенка виновата она — мол, курила и выпивала в начале беременности. И сколько Галя ни пыталась втолковать ему, что завязала и с тем и с другим, как только узнала о своем положении, супруг и слушать не хотел.

После второго развода Галя переключилась на карьеру — устроилась в ЖЭК, сначала простым маляром, но быстро доросла до бригадира. Ее профессиональные качества и пробивная способность открывали ей дорогу и дальше, но для руководящих должностей требовалось получить

хоть какое-то образование. И Галя поступила в техникум, где и встретила Бориса.

Эту часть истории Руслан уже знал — от Вележевых, родителей Володи. Так что фактически отец ничего нового ему не сообщил, но с точки зрения эмоций картина расцветилась совсем другими красками. Рус и подумать не мог, что в отношениях его родителей была такая любовь и такая нежность. И что у его матери, такой уверенной в себе, такой стойкой, энергичной и непробиваемой, оказывается, было столько комплексов и психологических проблем.

— Мы как раз ждали тебя, когда Галя узнала, что ее мать умерла, — рассказывал Борис Васильевич. — И это Галю очень подкосило. Она и так была сама не своя во время беременности, страшно боялась, что ты тоже умрешь, как и ее первый ребенок. Берегла тебя, как хрустальную вазу, постоянно бегала к врачам, в женской консультации уж даже ругались на нее, чтобы не приходила так часто. Бывало, ночью проснется и в ужасе будит меня: «Боря, он не шевелится!» Я вскакиваю, обнимаю ее, начинаю успокаивать — а душа-то и у самого дрожит, как заячий хвост… Но Гале я, конечно, этого не показываю, жду вместе с ней, уговариваю, а про себя только что не

молюсь… Но вот дожидаемся — оба чувствуем, что ты зашевелился, значит, все в порядке. Отлегло. Смеемся от радости — а у Гали все равно слезы на глазах… Слушай, я бы еще чайку выпил, в горле что-то пересохло.

— Конечно. — Руслан торопливо поднялся, вновь согрел чайник, наполнил отцовскую кружку и терпеливо подождал, когда батя утолит жажду. Хотя это ожидание далось и не без труда — хотелось как можно скорее узнать, что же было дальше.

— На чем, бишь, я остановился-то? — спросил наконец Борис Васильевич, отставляя кружку. — Что-то меня, сынок, знаешь ли, память стала подводить. Что давно было — все хорошо помню. И по работе тоже. Ночью меня разбуди — все тебе расскажу из программы любого класса. А вот то, что вчера было, или то, о чем только что говорили, могу сразу забыть, уж извини.

— Не за что извиняться, папа, — Руслан положил ему руку на плечо. — Ты рассказывал о смерти своей тещи, маминой мамы.

— А, ну да, конечно, — закивал отец. — Не знаю уж, кто Гале эту новость сообщил так не вовремя… Сама-то Галя с матерью не общалась, даже открыток по праздникам не слала. И меня так

и не познакомила… Но только узнала Галя, что умерла ее мать в одиночестве, всеми забытая. Несколько дней теща лежала мертвая, пока дверь не вскрыли. Так уж вышло. Никто к ней не приходил, не дружила она ни с кем…

— Видно, такой человек «хороший» была, — буркнул Руслан. — Раз никто с ней знаться не хотел. Это ж надо — сдать ребенка в интернат и даже не навещать!

— Вот и Галя точно так же говорила, — вздохнул Борис Васильевич, — пока мать была жива. А как узнала о ее смерти, ни с того ни с сего за себя испугалась. «А вдруг, — говорит, — и со мной будет так же? Вдруг и меня все бросят и умру я всеми забытая, никому не нужная?» Я, конечно, переубеждал ее, уверял, что никогда не брошу, что бы ни случилось… Но, похоже, эта мысль с тех пор все же втемяшилась ей в голову и засела там крепко.

— Да, так и было, — кивнул Руслан. — Она и мне вечно говорила, что я ее брошу. И когда я женился на Оле, сочла, что ее предсказания сбылись. Сколько я ни возился с ней, сколько ни разрывался между ней и собственной семьей, как ни заботился, пока она болела, — ничего ее не переубедило.

— Но твоей вины, сынок, в этом уж точно нет, — заверил его отец. — И хватит о грустном. Давай-ка с тобой посмотрим кое-что.

Открыв противно скрипнувшую дверцу в нижнем отделении древнего серванта, Борис Васильевич извлек оттуда большую коробку из-под обуви. В коробке прятались настоящие сокровища — для Руслана, конечно, — старые черно-белые фотографии, аккуратно разложенные одинаковыми стопками по крафтовым конвертам от фотобумаги. Снимков оказалось на удивление много, и Рус долго рассматривал каждый из них.

Свадебные фото. Отец и мама такие молодые, красивые, счастливые. Вот они на ВДНХ, у фонтана «Каменный цветок», у мамы в руках эскимо, отец держит на руках маленького Руса. И все трое счастливо смеются, прямо-таки хохочут…

Неужели когда-то было именно так?!

Вот они с Володькой, ну надо же! В их старом дворе в песочнице сидят, обоим года по два-три. Толстощекие, сосредоточенные, трамбуют лопатками кулич. А вот нагружают песком самосвал. Руслан даже вспомнил этот большущий Володькин самосвал. Красный он был и долго у Володи продержался. Они в него и во дворе играли, и

дома даже, только дома им его давали, когда Володина бабушка отмоет хорошенько колеса…

Вот снова он сам, совсем еще кроха, несколько месяцев, на руках у матери. Мама какая молодая, стройная… Оказывается, она в молодости косу носила. Вот она рядом с коляской — в коляске, надо полагать, тоже он, Руслан. А вот она беременная. Надо же, какая улыбка — счастливая, лучистая, мама просто так вся и светится… Руслан никогда и не видел, чтобы она так улыбалась. Ну и дурацкая же тогда была мода… Или это мама просто одеваться не умела?.. Но она была действительно красива, ее даже эти тряпки испортить не могли…

— Папа, откуда же так много фотографий? — пораженно бормотал Руслан, перебирая снимки.

— Так ведь я же снимал все время на «лейку», — объяснил Борис Васильевич. — А когда мы… когда я уходил, забрал негативы с собой, потом заново распечатал для себя… Но те старые распечатки у Гали остались. У вас дома. Неужели не сохранились?

— Нет, — покачал головой Рус. — Вообще никаких старых снимков не было. Только с тех пор, когда я в школу пошел, ну и когда танцами начал заниматься, конечно. Танцевальных фоток — и с

выступлений, и с репетиций — была тьма-тьмущая. А до этого времени — ни одного снимка.

— Видимо, Галя от них избавилась, — заключил отец. — Чтоб ничего не напоминало. Ну что ж… Это на нее похоже. Она всегда максималисткой была, твоя мама. Черно-белой, как эти фотографии. Не признавала полутонов.

— Бать… — тихо спросил Руслан после долгой паузы. — А почему вы разошлись, а?

Отец весь будто потемнел лицом, и Рус даже испугался.

— Слушай, если не хочешь говорить — не надо, — запоздало спохватился он. — Понимаю, тебе ведь неприятно это вспоминать…

— «Неприятно» — не то слово, — согласился Борис Васильевич. — Но рассказать тебе я обязан. Сколько можно эту тему обходить, делать вид, что ее не существует? Конечно, тебе надо все узнать. А мне покаяться. Небо-то ведь близко уже…

— Да ладно тебе, папа, — искренне возмутился Рус. — Что ты такое говоришь! Тебе всего-то слегка за семьдесят. А на дворе двадцать первый век. Сейчас рано умирать просто не принято! Сейчас люди и в сто лет книги пишут, лекции читают, в кино снимаются, на сцене выступают. Так что ты мне такие разговоры брось! Я тебе рано умереть

не дам, и не надейся!

На улице давно стемнело, комнату освещала лишь лампа над столом, создавая уютный полусвет-полумрак. В печке потрескивали дрова, а Руслан слушал историю о том, почему вдруг так резко и отчаянно изменилась жизнь его родителей — а вместе с этим и его собственная.

Борис любил свою жену. Любил настолько сильно, что готов был мириться со всеми ее недостатками, в том числе и с тем, насколько она отставала от него по уровню культуры. Первое время он пытался тянуть ее за собой, читал ей книги, водил в театры и музеи, рассказывал, объяснял. Галя слушала — и вроде как даже с интересом. Но после рождения сына на такие вещи у них уже не хватало времени, да и отношение Галины к «просветительским порывам» мужа изменилось, ей теперь куда больше нравилось ходить по магазинам, чем на концерты классической музыки. И Борис оставил ее в покое — пусть отдохнет, ей и так тяжело, а тут еще он пристает со своими интересами. Но себя-то не переделаешь! И его продолжало тянуть к людям близким по духу, с которыми можно было поговорить не только о быте, но и о том, что интересно обоим. Такими людьми в его жизни были Костя и Света

Вележевы. Такой же стала и Нина — молодая учительница, пришедшая в их колледж преподавать русский язык и литературу.

Нина была матерью-одиночкой, у нее подрастала дочка Иришка, чуть младше Руслана. И как-то так само собой вышло, что в одно из воскресений Нина и Борис в одно и то же время решили выбраться с детьми в Парк культуры — где случайно встретились. Пока дети играли вместе, качались на качелях и катались на каруселях, взрослые разговорились — и у них нашлось множество точек соприкосновения во взглядах на литературу, кино, музыку, живопись, да и просто на жизнь. К тому же выяснилось, что у каждого из них есть книга, которую давно хотел почитать другой, так что неудивительно, что с той прогулки они начали обмениваться книгами и толстыми журналами, ведь в то время подписаться на популярное издание было целой проблемой.

Рассказывая эту историю, Борис клялся сыну, что между ним и Ниной никогда не было ничего похожего даже на флирт, и у Руслана не было никаких оснований ему не верить. Конечно, Нина прекрасно знала, что у коллеги есть семья, что он любит жену и ничего менять в своей жизни не собирается. Как о женщине, то есть объекте

влечения, Борис о ней и не думал даже — видел в Нине просто друга и интересного собеседника. Что до самой Нины, то если ее отношение и было каким-то иным (хотя Борис Васильевич подобной мысли даже не допускал), она никак этого не проявляла и ни разу даже не намекнула. И оба только посмеивались над перешептываниями кумушек в учительской у них за спиной — не представляя, насколько эти перешептывания для них опасны.

Ни для кого не секрет, что обстановка в педагогических коллективах редко бывает приятной и дружеской. Во всяком случае, техникум коммунального хозяйства похвастаться чем-то подобным никак не мог. Коллектив там подобрался как по заказу, все сплошь дамы околопенсионного возраста, одинокие или несчастливые в браке, не любившие ни своих учеников, ни свою профессию, уверенные, что в жизни им не повезло, но обвинявшие в этом кого угодно, кроме самих себя. Борис Васильевич чудом удержался в этом гадюшнике только потому, что был практически единственным мужчиной, если не считать алкоголика-физрука, и очень вежливым, воспитанным и к тому же еще довольно молодым человеком. Так что коллеги относились к нему снисходительно, вроде как даже по-матерински.

Даже простили ему женитьбу на бывшей студентке, тем более что Галина была старше остальных сокурсниц (как и самого Бориса). Ее приняли в свой круг, некоторые педагогини даже сошлись с ней поближе. И именно с их стороны Галя начала слышать сначала прозрачные, а потом все более явные намеки, что «твой-то тебе изменяет». То, что математик так много разговаривает и смеется «с этой вертихвосткой русичкой», то, что они так искренне радуются друг другу при встрече, вечно обмениваются какими-то свертками и так часто вместе идут после занятий к метро, ни Борису, ни Нине коллеги простить не могли.

Самое неприятное, что Галя всем этим сплетням верила. Она начала устраивать мужу сцены ревности, повторяя: «Ты хочешь меня бросить!» Муж изо всех сил старался ее вразумить, но скандалы не прекращались. Стремясь сохранить семейный покой, Борис резко сократил общение с Ниной (к чему та отнеслась совсем без восторга, но с пониманием), начал даже подумывать о смене места работы и «забросил удочки» по знакомым, спрашивая, не нужен ли где-то еще преподаватель математики.

Словом, эта «история ни о чем» уже близилась к своему завершению, как вдруг произошла ка-

тастрофа. Нина переезжала на новую квартиру, долго готовилась к переезду, и Борис еще давно пообещал, что поможет с этим одинокой женщине. Переиграть все в последнюю минуту он счел неудобным и помогать все же стал, но совершил при этом ужасную ошибку, за которую потом корил себя всю жизнь, — сказал жене неправду.

— Если бы я только объяснил все как есть, — сетовал он, с горечью рассказывая сыну о событиях почти полувековой давности, — если бы признался… Конечно, Галя бы возмутилась, пошумела, скорее всего, никуда бы не пустила меня. Может быть, мы бы даже поссорились — но потом бы наверняка помирились. Однако я… я испугался, сынок. Испугался, что опять будет крик, скандал… И решил сказать, что еду на целый день к другу, помогать ему с постройкой дачи. Я был уверен, что это так называемая «ложь во спасение». Что после того, как Нина и Иришка переедут, я никогда больше не буду обманывать Галю и все у нас наладится. Но судьба, как видишь, распорядилась иначе…

Судьба распорядилась так, что через пару часов после отъезда грузового такси в дверь Нининой новой квартиры позвонили.

— Боря, открой, пожалуйста! — крикнула ново-

селка, у которой как раз в ту минуту закипал на плите суп для Иришки. И Боря, уверенный, что зашли соседи или вернулись грузчики, чтобы отдать забытую впопыхах пачку книг, соскочил со стула, на который взгромоздился, вешая люстру, и пошел открывать.

На пороге стояла его жена.

Кумушки из техникума не только вывалили на Галю ворох грязных сплетен о ее муже, но даже «заботливо» сообщили новый адрес Нины.

Увидев мужа — босого, растрепанного, в одной майке, — Галина истолковала все по-своему. Она мгновенно убедила себя в том, что ее «подруги» с работы Бориса оказались правы. И даже более чем правы. Муж не просто изменяет ей — он обустраивает дом, в котором собирается жить с разлучницей и ее девчонкой. А может, не только ее девчонкой, но и его? Вон у этой пигалицы глазищи какие большие — как у Бориса. Карие, правда, но это же ничего не значит…

— Но почему же ты ей не объяснил? — Руслан, не выдержав, перебил вопросом отцовское повествование. — Почему не рассказал, как было на самом деле?

— Думаешь, я не пытался? — отец беспомощно развел руками. — Галя не желала ничего слу-

шать. Шарахалась от меня на улице, бросала телефонную трубку, все мои письма, видимо, рвала, даже не читая. С ней ведь и Костя Вележев пытался поговорить, и Света. Даже Нина — и та порывалась… Но всё впустую. Она никому не верила. Ты же знаешь, какой твоя мама могла быть упрямой…

— Да уж, это у нее отлично получалось, — не мог не согласиться Руслан. — Вбить себе что-то в голову и ни в какую, хоть костьми лечь, не дать себя переубедить.

Некоторое время оба сидели молча. Затем Борис Васильевич поднялся, чтобы подбросить в печь еще одно полено. Руслан тоже встал, начал убирать со стола, мыть посуду — ему необходимо было хоть чем-то себя занять.

— И все-таки я не понимаю ее, батя, — признался он после долгой паузы. — Как мама могла так поступить со мной? Ну ладно, ваши разборки — это ваши дела. Но меня-то она за что лишила отца?

— Знаю, как тебе было больно, — кивнул Борис Васильевич. — Поверь, мне тоже было от этого больно. Очень. Но надо понимать, что у каждого есть своя логика и мотивы поступать именно так, а не иначе. Я столько думал об этом, что,

наверное, знаю точный ответ. Галя всегда была максималисткой и всегда считала свое видение, свою точку зрения единственно верными. Она просто не в силах была осознать и принять, что может быть как-то по-другому. Она бы иначе не выжила, не выстояла. И, разлучая нас, она, без сомнения, думала, что делает так, как лучше для тебя.

— И так было всегда, — горько усмехнулся Рус, снимая с крючка кухонное полотенце. — Она всегда знала за меня, что мне нужно и как мне будет хорошо… Хотя угадала, собственно, только один раз в моей жизни.

— С танцами? — с ласковой улыбкой предположил отец.

— Ну да, — подтвердил Рус. И спросил о том, о чем не мог не спросить: — Знаешь, батя… У нас ведь с Володей вышла такая неприятная история… Когда они переехали, он мне писал, присылал письма со своим новым адресом. Но мама мне эти письма не отдавала. Рвала и выбрасывала. Я все ждал-ждал писем от Володьки… Но так и не дождался. А мама мне тогда о них даже не говорила. Только перед смертью призналась… Скажи, зачем она это делала?

Услышав эту историю, отец смутился так, будто

его застали за чем-то крайне постыдным.

— Видишь ли, сынок… — пробормотал он. — Я, конечно, не знаю… Могу только догадываться. Но Галя всегда Вележевых терпеть не могла. Все время считала, что Костя и Света встают между мной и ею. Такая странная ревность, что ли… Наверное, и насчет тебя и Володи она чувствовала что-то похожее.

— Господи, какой идиотизм! — не сдержался Руслан, убирая последнюю вытертую тарелку.

Борис Васильевич подошел к нему, положил руку на плечо, заглянул в глаза.

— Не вини ее, сынок, — тихо попросил он. — Прости. И меня попробуй простить. Как ни крути — это я во всем виноват. И в том, что сказал тогда неправду Гале. И что не искал тебя все эти годы…

— Но и ты меня прости, папа, — откликнулся Рус. — Когда вы развелись, я и впрямь был маленький. Но позже ведь я сам мог бы тебя найти, мог! А не искал…

— Ну о чем ты, малыш, — сказал отец, и это слово, обращенное ко взрослому мужику, нисколько не смутило. Потому что Руслан понимал: отец все еще видел перед собой своего малыша. И это нормально. Дети для любящих родителей — всегда малыши, сколько бы им ни было лет. А

дети не любящих — те, напротив, уже чуть не в первые годы жизни становятся взрослыми. Если не стариками…

— Знаешь… — продолжал Руслан. — Я сейчас начинаю убеждаться в том, что люди наламывают дров, а жизнь все равно дает им шанс все исправить. И тут главное этот шанс не упустить. Ведь самое главное — это хотеть все исправить. Хотеть, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул отец. — Как это ты говоришь? Ошибка, которую можно исправить, — не ошибка, а еще не решенная задача?

Рус снова помолчал.

— И все равно я не могу понять маму, — признался он, вытирая руки. — Не могу и не хочу.

— Видишь ли, Русь, — негромко произнес отец, — это потому, что в тебе еще до сих пор сидит обиженный маленький мальчик. И он плачет и жалеет себя. Оттого тебе до сих пор и так больно.

Ответить на такое было нечего. Разве только то, что так и есть… Но как же не хотелось это признавать!

— Знаешь, — продолжил, тоже помолчав, отец, — иногда мы всю жизнь не можем отпустить детские обиды. Родителей порой уж и нет,

и сами мы уже седые, а все припоминаем им, как они нам не то сказали, когда нам было девять, не так поступили в наши тринадцать… И продолжаем злиться на них. Вместо того чтобы понять и простить. Они ведь тоже были обычные люди. Молодые, неопытные. Уставшие от забот. Где-то ошибались. Может, считали, что так лучше. Может, просто не подумали. Или не догадались, что это обидит ребенка. Но уж точно не желали ему зла.

— Наверное, ты прав, — вынужден был признать Рус. — Я подумаю над твоими словами.

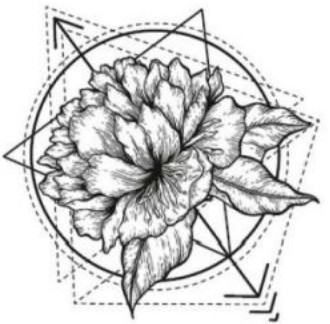
— Подумай, сынок, — не посоветовал, а именно попросил отец. — Поверь моему опыту: когда по-настоящему научишься понимать и прощать, сразу становится легче жить. Люди такие, какие они есть. И надо принимать их именно такими. Идеала не бывает, у каждого есть черты, которые не нравятся другим. Я принял твою мать такой, какая она была. Может быть, поэтому я и один с тех пор… Не знаю.

Вернувшись домой и заглянув в кабинет, Руслан абсолютно не удивился, что в пазле почти мгновенно собрался очередной фрагмент — то самое черно-белое фото в рамке, действительно оказавшееся свадебным. Старый снимок, одежда

и прически у жениха и невесты как в фильмах начала семидесятых. И оба похожи на его родителей — или Руслану просто так кажется? Во всяком случае, жених — действительно копия пожилого человека с очками в руках, который сидит под висящей на стене фотографией. Разве что молодая копия пятидесятилетней давности.

А вот фрагмент с ромашками по-прежнему не складывался. И даже не нашлось ни одного хоть мало-мальски подходящего по рисунку кусочка.

Фрагмент восьмой
Мышка



Отложив пазл, Руслан придвинул к себе ноутбук и связался с офисом. Как оказалось, очень вовремя. Эти деятели, его подчиненные, совсем без него разболтались, вообще не сидят на рабочих местах. Хорошо хоть дело не страдает, но это, скорее всего, только пока. Надо, конечно, съездить в офис, собрать всех и как следует пропесочить… Но не сегодня. Сегодня вечером у него танго, а до этого хорошо бы и самому успеть поработать.

Он как раз сделал перерыв и пошел вниз сварить кофе, когда позвонила Мышка.

— Привет, малыш! — обрадовался Руслан, включая громкую связь. — Как ты? Как школа?

— Да надоела, — заявила дочь.

— Здрассьте, приехали! Уже? Год только начался, а тебе уже учиться надоело?

— Ладно, пап, не будем о грустном, — тут же слезла с темы Мышка. — У меня зато хорошая новость есть. Прикинь, мы с классом едем в Питер!

— Здорово, — откликнулся Рус. — Помню, что ты давно хотела там побывать. Когда приедешь, поделишься впечатлениями?

— Обязательно! — заверила Мышка и, верная своей натуре, тут же снова перескочила на другую тему: — Пап, хочешь, чего скажу? Мама тут в соцсети информацию о себе обновляла и выложила ваше свадебное фото. У нее, оказывается, даже свадебный букет из ромашек был, прикольно! Прям сдвинутая она на этих своих ромашках… А еще я точно знаю, что у нее совсем-совсем никого нет. Ну, в смысле бойфренда. Ни свиданок, ни даже переписки.

— Откуда ты знаешь? — опрометчиво поинтересовался Рус. И услышал в ответ:

— А я все ее пароли знаю. И в соцсетях, и от

телефона. Ну и присматриваю за ней иногда…

— Мыша! — ахнул изрядно удивленный Руслан. — Вообще-то это частная жизнь… И ты ее нарушаешь. Это, знаешь ли, некрасиво. Короче, ты это прекрати!

В общем, отчитал дочь — как и следовало поступить хорошему родителю в подобной ситуации. Но — что греха таить — услышать дочкины слова было приятно. Эгоизм, конечно, но любому мужчине лестна мысль, что некогда любившая его женщина выложила в сеть их общее фото. И хитрюга Машка это чувствовала.

Нажав кнопку отбоя, Руслан еще долго думал о своей семье: об отце, о дочке, о женах… И куда больше о первой супруге, чем о второй. Неудивительно — ведь Ольга всегда значила для него куда больше, чем Диана.

* * *

Во вторник Рус проспал и поехал на работу поздно, но в этом были свои плюсы: основной поток спешащих в московские офисы уже схлынул, и пробок было значительно меньше, и ехал он на удивление быстро. Пролетая мимо новенького красного «китайца» в соседнем ряду, Руслан мельком взглянул на водителя и увидел, что это

женщина, чем-то похожая на Олю. Нет, конечно, это была не Оля, она не водила автомобиль, и вообще, если присмотреться (что Руслан и сделал, сбросив скорость и изловчившись), то и сходства-то особого не было. Разве что цвет волос. Но все же эта женщина в красной машине сразу напомнила Русу о бывшей жене.

Как же давно он не видел Олю!

Но при этом она все равно продолжала оставаться в его жизни, словно он постоянно следовал за ее тенью. Руслан иногда разговаривал с ней по телефону и часто, слишком часто думал о ней, вспоминал… Когда человек для тебя действительно значим, о нем напоминает все вокруг: места, где вы когда-то бывали, запахи, обрывки мелодий, чьи-то случайно услышанные слова, мелькнувшие в толпе лица… Оля мерещилась ему даже в женщине, которую он так долго и упорно добивался, — в Диане. Некоторое время назад он осознал, что эта его «осада крепости по имени Диана» была сплошной ошибкой. И только сейчас понял — нет, все же не сплошной! Ошибкой был лишь объект, лишь то, что он тратил усилия не на ту цель.

И теперь он попытается эту ошибку исправить.

Кто-то там говорил, что спонтанные поступки самые правильные? Когда тебя ведет не разум, а сердце. По принципу «делай что должно — и будь что будет». Сейчас он это проверит…

Руслан на ходу перестроил маршрут в навигаторе и помчался совсем в другую сторону от офиса.

Ключи от их квартиры на Волгоградке Оля у него почему-то не забрала, возможно, просто забыла. Эти ключи позволили войти в подъезд без звонка по домофону. Выйдя из лифта, он уже хотел привычно отпереть дверь в холл на этаже, но все же остановился. Вепереться в квартиру — это было бы уже слишком. Его никто не приглашал, никто не ждал. В сущности, и не гнал — он ушел сам. Сам ушел — но теперь вернулся, чтобы все изменить.

Рус нажал кнопку звонка около нужного номера и стал ждать.

Интересно, застанет ли он ее?.. Руслан, конечно, ехал не совсем уж наобум, знал от Мышки, что по вторникам мама работает дома. Но мало ли куда Оля могла как раз сегодня уйти…

Однако она оказалась дома. И когда за дверью послышались приближающиеся шаги, Руслан понял, как важна ему ее первая реакция. Ведь его появление на пороге будет для нее полной

неожиданностью.

Вот и она. В светло-сером шелковом домашнем костюме. Как же он ей идет! Выражение ее лица было обескураженным и, пожалуй, каким-то ожидающим. Не враждебность, а скованность. Ну еще бы. Столько времени не виделись. И вот — нарисовался ни с того ни с сего.

Ольга смотрела на него выжидающе, спокойно. В самом деле, пришел — так говори зачем.

— Можно войти? — спросил он.

— Зачем? — спросила она в ответ.

И это короткое слово упало на него, словно огромный камень, сорвавшийся с горы. Таким тоном не говорят с близкими людьми. Только с чужими.

— Хочу с тобой поговорить.

Что он еще мог сказать?

— Что-то случилось? — снова этот равнодушный тон.

Конечно, случилось, и еще как! Он наконец-то понял, какую ужасную ошибку совершил, расставшись с ней и чуть не потеряв насовсем единственную любимую женщину в своей жизни. Но как объяснить это, стоя на пороге, практически на ходу?

— Нет, ничего не случилось, — ответил он на-

конец. — Просто хочу поговорить. Можно мне войти?

Оля отрицательно покачала головой:

— Нет, извини. Мне сейчас некогда, у меня через несколько минут вебинар начинается. Так что ты совершенно не ко времени. Если хочешь поговорить, позвони после шести.

В ответ он только промычал нечто невразумительное. Сказать что-то внятное просто не получилось.

— У тебя все? — нетерпеливо осведомилась бывшая жена.

— Все, — буркнул он.

— Тогда пока.

И, не дожидаясь его ответа, Оля закрыла перед ним дверь.

Так что в офис Руслан в тот день в итоге все же приехал. Но в таком отвратительном настроении, что то и дело срывался на всех, заставляя подчиненных тихариться по углам и перешептываться, гадая, какая муха его укусила. Сам же Рус этого почти не замечал, только бесился, что все, буквально все сегодня идет не так. Вплоть до того, что, приехав домой, он долго нигде не мог найти любимую кружку — пока не сообразил, что, видимо, оставил ее в кабинете. Пришлось

подниматься на третий этаж. Да, кружка была именно там — стояла на столе рядом с незаконченным пазлом.

Руслан привычно склонился над ним, охватил взглядом ставшую уже такой знакомой готовую часть картинки, поискал — и снова безрезультатно — недостающие детали к фрагменту с ромашками…

А потом вдруг рассвирепел.

Да какого черта!

Почему он так привязался к этой проклятой головоломке? С чего вдруг стал ей придавать такое значение? И даже более того — позволил себе думать, что куски цветного картона могут как-то влиять на его судьбу, стал подстраивать свою жизнь под какую-то дурацкую картинку?

Да что за идиотизм?!

Даже рассказать кому-нибудь было бы стыдно — решат, что он сошел с ума.

От души выругавшись, Руслан одним движением смел со стола все цветные кусочки, собранные и несобранные, и пулей вылетел из кабинета, не забыв, однако, прихватить кружку.

* * *

— Ну почему, почему? — спрашивал Руслан у Володи.

Они были у Руса, сидели на диване в гостиной. Но странно: эта комната, которую Руслан всегда любил, сегодня вовсе не казалась приятной и уютной. Не помогло даже присутствие старого друга, которого Руслан наконец-то затащил к себе (Володя приезжал к нему редко, предпочитал встречи на своей территории или где-нибудь в городе). Казалось бы, надо радоваться тому, что друг все же навестил его, но ничего похожего на радость Руслан не испытывал. Он злился — на Олю, которая его прогнала, на отца, отказавшегося переехать к нему, на своих коллег, на несправедливость судьбы и вообще на весь мир.

— Что «почему», братишка? — поинтересовался в ответ Володя. — Знаешь ведь выражение: не задавайте странных вопросов, если не хотите услышать странные ответы. Ты уж конкретизируй, пожалуйста. С чем именно ты хочешь разобраться?

— Да со всем! — только что не выкрикнул Руслан. — Я не понимаю, что со мной происходит последнее время. Ну, то есть не со мной, а во-

круг меня. Как будто весь мир ополчился против моей скромной персоны. На работе постоянные конфликты, все мной вечно недовольны, у всех какие-то претензии. Об отце и об Ольге я тебе уже рассказывал… В общем, если бы не танго, ну и не ты, конечно, я бы, наверное, просто свихнулся, понимаешь?

— Понимаю. — Володя с удовольствием отхлебнул из кружки. — Отличный у тебя улун…

— Да, неплохой, — согласился с ним Руслан. — С Людмилкиным печеньем отлично идет. Не забудешь поблагодарить ее от меня за гостинцы?

— Не забуду, — заверил Володя. — Но ты лучше сам ей напиши.

— Напишу, — кивнул Руслан, надкусывая очередное печенье с орехами и клюквой. — Но только после того как тебя провожу. А пока ты здесь, я хочу с тобой общаться. Ты ведь можешь объяснить мне, что со мной происходит?

— Братишка, но ты прекрасно можешь объяснить себе все сам, — Володя улыбнулся другу. — Только не хочешь.

— Как это «не хочу»? — возмутился Рус. — Очень даже хочу.

— Ну так и займись. На какой вопрос ты хочешь получить ответ в первую очередь?

— Почему Оля не захотела со мной говорить.

— А как она сама тебе это объяснила?

— Сказала, что ей некогда. Что у нее вот-вот начнется вебинар. Но ведь это могло быть просто отмазкой, вежливым предлогом…

— Могло. А могло и не быть. — Володя потянулся за новым печеньем. — Вы ведь, насколько я понял, не договаривались о встрече?

— Не договаривались, — подтвердил Рус. — То, что я поехал к ней, было спонтанным решением. Я подумал, что именно так и будет правильно.

— А если бы ее не оказалось дома?

— Я бы подождал.

— А если бы не дождался?

— Приехал бы еще раз.

— Снова без предварительного звонка?

На это Руслан не ответил. Вернее, ответил, но не сразу.

— То есть ты хочешь сказать, что, если бы мы предварительно созвонились, Оля могла бы и согласиться поговорить со мной?

— Я лишь хочу сказать, что в наши дни люди предпочитают планировать свое время заранее. — Володя аккуратно поставил на журнальный столик опустевшую кружку. — Во всяком случае, зрелые личности. Но ты не дал Оле воз-

можности обдумать, хочет она с тобой говорить или нет. Ты поступил так, как сам считал нужным.

— Да понимаешь, меня сбил с толку этот чертов пазл! — поделился Руслан. — Помнишь, я тебе рассказывал? Но понимаешь, Володь, это же просто мистика какая-то была! Сначала мальчик с самолетиком, который напомнил мне о тебе. Потом очки — прямо как у моего отца. Потом танцующая пара на экране телевизора… Этот пазл прямо определил всю мою жизнь!..

— Скажи, братишка, — Володя откинулся на спинку дивана, — а тебе не приходило в голову, что пазл тут вообще ни при чем?

— В каком смысле?

— Да в самом прямом. Ты получил «таинственный», — друг сопроводил это слово характерным жестом четырьмя пальцами, изображающим кавычки, — подарок неизвестно от кого, и тебе понравилось относиться к этому как к чему-то мистическому. Пророчеству, знаку судьбы и так далее. А на самом деле ты видишь на картинках лишь то, что сам хочешь видеть.

— Ты так думаешь? — Руслан внимательно посмотрел на друга.

— Нет, — Володя покачал головой, посмотрел

на часы и без особой охоты поднялся с дивана. — Я так не думаю. Но и по-другому тоже не думаю. Я всего лишь предположил. Выдвинул гипотезу. Но привилегию думать, верна она или нет, оставлю тебе. А сам, с твоего позволения, откланяюсь. Уже поздно, а Люда меня ждет, без меня спать не ляжет. Так что пока, братишка, до субботы. Ты ведь помнишь, что в субботу у наших музыкантов выступление в кафе?

— Конечно. Я о таких вещах никогда не забываю, — заверил Руслан.

* * *

Возможно, со стороны его поступок выглядел как наивная, почти детская хитрость. Но, к счастью, рядом с ним и Олей не было никаких «сторон». И потому, едва проводив Володю, Руслан позвонил бывшей жене. Он знал, что она еще не спит — Оля была совой и никогда не ложилась раньше полуночи.

— Привет, — сказал он. — Не отрываю?

— Нет, — голос Оли звучал на удивление доброжелательно. — Я ничем особенным не занята. Отдыхаю, раскрашиваю картинку по номерам — подсела с Мышкиной подачи.

И даже по телефону Рус понял, что она улы-

бается.

— Оль, прости меня, пожалуйста, за вчерашнее, — торопливо произнес он. — Это было действительно некрасиво. Свалился как снег на голову…

— Да, ты бы хоть предупредил, — согласилась Оля. — Но я правда не могла тогда говорить. Не могла опоздать на вебинар, люди же меня ждали…

— Ты сама его вела? — догадался Руслан.

— Угу.

— Ну вот, теперь я предупреждаю, — сообщил он. — Мне правда очень нужно с тобой поговорить. И лучше бы не по телефону.

— Что-то все-таки случилось? — она явно встревожилась.

— Нет-нет, не волнуйся! — поспешил заверить Рус. — Ничего такого, о чем тебе стоило бы беспокоиться. Это скорее хорошее. Но знаешь… Мне нужна твоя помощь. Как минимум совет. Потому что это для меня очень важно. И лучше тебя никто не сможет мне помочь.

Пауза, повисшая где-то в пространстве между ними, показалась Руслану вечностью.

— Хорошо, — сказала наконец Оля. — Если хочешь, приезжай завтра. У меня свободна вся

вторая половина дня. Или лучше встретиться где-нибудь в городе?

— Нет-нет! — торопливо возразил Руслан. — Лучше у нас дома… То есть у тебя. Я приеду часа в три, ладно? А лучше даже в два.

* * *

На этот раз она была в джинсах и синей футболке — тонкой, но с длинными рукавами. Руслану всегда нравилось, когда Оля надевала синее, этот цвет очень подходил к ее глазам, подчеркивая их голубизну. Интересно, Оля помнит что-нибудь из того, что он любил? Или после развода вычеркнула из памяти все, как мама когда-то вычеркнула отца?

Она молча посторонилась, пропуская его в холл перед квартирами. Ноги сами понесли к знакомой двери. Переступив порог, Руслан машинально осмотрелся и отметил, что тут как будто ничего не изменилось. Во всяком случае, в прихожей — точно. Даже его тапочки были на месте. Не похожие — именно его. На своем месте, на этажерке для домашней обуви. Эта деталь поразила. Почему Оля их не выбросила? Для гостей оставила?.. Тут же вспомнилось, что, когда к ним кто-то приходил, Оля никому не давала его

тапочки, даже когда его самого не было дома…

Спохватившись, Руслан протянул ей бумажный пакетик с ручками-веревочками и букет цветов — нежно-пастельных фрезий.

— Прости, что не ромашки, — извинился он. — Не сумел раздобыть. Не сезон.

— Ничего, — неожиданно дружелюбно улыбнулась Оля. — Хватит и того, что ты о них помнишь.

Он воспрянул было духом, но, похоже, поторопился, потому что улыбка быстро слетела с ее лица, и оно вновь приняло серьезное, даже скорее деловое выражение.

— Проходи, — Оля кивнула в сторону кухни. — Я сейчас, только цветы поставлю.

Она исчезла из поля зрения, а Руслан, неловко присев на место, бывшее когда-то его собственным, внимательно осматривался. Если не считать мелочей — кабачков и тыквы на подоконнике, кухонных полотенец и прихваток, магнита с надписью «Сочи» на холодильнике, — все было именно так, как ему и запомнилось. Как было при нем.

Вернулась Оля, села напротив, знакомым движением облокотилась на стол, положила подбородок на руки — явно приготовилась слу-

шать. Чаю она не предложила, в пакет со своими любимыми пирожными даже не заглянула. И Руслан счел это плохим предзнаменованием. Ну что поделаешь, пути назад уже нет.

— Так о чем ты хотел со мной поговорить? — спросила Оля, и Руслан сообщил то, чем жаждал с ней поделиться с самой первой своей поездки в Мурмино.

— Знаешь… Я нашел своего отца.

— Да что ты? — искренне удивилась Оля. Ее брови, ровные и красивые без всяких салонов, так и взлетели на лоб. — Как? Ты же говорил, что он бросил вас, когда ты был совсем маленьким, порвал все связи и больше ни разу не появлялся.

— Это не я так говорил, — покачал головой Руслан. — Это моя матушка так говорила. А я по незнанию повторял за ней. Но теперь точно выяснил, что все было совсем не так.

— А как было на самом деле? — заинтересовалась Оля. — И как ты сумел его отыскать, если вообще ничего не знал о нем? Я же помню, что ты говорил об этом…

— В общем, можно сказать, что все вышло случайно, — поделился Руслан. — Встретил людей, которые его знали, дружили с ним когда-то. Они подсказали идею, где отец может жить сейчас.

Я туда съездил, это село в Рязанской области, четыре часа езды. И нашел его. С тех пор стали общаться…

Рассказывая, старался говорить короче, не вдаваться в детали и эмоции, а излагать только факты, самую суть, — боялся утомить Олю длинным повествованием. О пазле, с которого, собственно, все и началось, даже не упомянул. Но на условиях, в которых живет отец, и на том, насколько папа стал для него значим и дорог за время пусть недолгого, но интенсивного общения, остановился подробнее. Ведь это было, собственно, главным, зачем он приехал сюда. Вернее, главным предлогом для встречи с Олей.

— Так что я прошу твоей помощи. Ну или, скорее, совета, — закончил свой рассказ Руслан. — Я хочу забрать отца к себе. Поселить в нормальном теплом доме с центральным отоплением, показать врачам. Да просто хочу, чтоб он был рядом, в конце концов!

— А что говорит сам Борис Васильевич? — поинтересовалась Оля.

— Отказывается, — развел руками Рус.

Они немного помолчали. Руслан прислушивался к подзабытым, но таким знакомым, почти родным звукам своей старой квартиры: урчанию

холодильника, тиканью старых часов, шуму автомобилей и доносящимся из приоткрытого окна голосам играющей малышни: здесь рядом, прямо напротив, был детский сад.

— Знаешь, Руслан, в чем твоя главная беда? — сказала, прервав затянувшуюся паузу, Оля. — Ты всегда все решаешь за других. Нередко даже не спрашивая их мнения.

— Когда это я так делал? — искренне возмутился он.

— Да почти всегда, к сожалению.

— Да ладно! Приведи хоть один пример.

— Да вот хотя бы эта ситуация, о которой ты мне сейчас рассказал, — тут же ответила Оля. — С отцом. Тут даже сама формулировка… Ты несколько раз повторил «хочу его забрать». Как будто речь идет о вещи. А не о живом человеке. Твоем отце, к которому, как ты сам говоришь, ты уже привязался всей душой. Но при этом хочешь его «забрать» и просто ставишь его перед фактом. А ведь у Бориса Васильевича есть свое мнение на этот счет. Своя позиция, свои опасения, свои желания. Их важно, даже необходимо учитывать — но ты этого не делаешь.

— Но я… — начал было Рус, но запнулся и замолчал.

— Или взять наши отношения, — продолжала Оля. — Хоть ту же ситуацию с приобретением твоего таунхауса. Да, ты купил его на деньги от продажи твоей собственной квартиры. Юридически ты имел на это полное право. Вот только между близкими людьми не всегда действуют те же законы, что в юриспруденции! Мы же семья, а в семье крупные покупки должны быть общими. Но ты даже не посоветовался со мной!

— Я хотел сделать тебе сюрприз, — возразил Руслан.

— Да, понимаю, — кивнула Оля. — Я знаю, ты всегда хочешь сделать как лучше. Причем не для себя — для других. Вот только как лучше для другого, ты решаешь сам. За него. И так ведь было всегда, Руслан! Помнишь, из-за чего мы поссорились перед твоим уходом?

— Честно говоря, нет, — признался он. — Я помню, что это был какой-то пустяк, не стоящий внимания. Но я психанул и ушел. Пожалел уже на другой день — но было поздно…

— Мы поссорились из-за будущей Машиной комнаты в этом самом твоем таунхаусе, — напомнила Оля. Его слова о сожалении она то ли не услышала в пылу закипающих эмоций, то ли намеренно проигнорировала. — Ты собирался

оформить ее как покои принцессы. Всю в розовых тонах, оборочках и рюшечках.

— Но Мышка ведь действительно тогда всем этим увлекалась, — не сдавался Руслан. — Принцессами, принцами, замками, единорогами…

— Тогда увлекалась, — согласилась Оля. — Но потом-то переросла эту тему, причем очень быстро. Как думаешь, нужны ей теперь эти рюшечки и единороги? Все вышло, как я говорила. Но ты ничего слушать не хотел, уперся как баран… Конечно, ты всегда все знаешь за других…

Не выдержав, Руслан хмыкнул и тут же торопливо пояснил Оле, взглянувшей на него с недоумением:

— Мне казалось, что это моя матушка все знала за других. Сколько раз я ей об этом говорил…

— Ты ее сын, — усмехнулась Оля. — А осина не родит апельсина.

И снова оба замолчали. Конечно, Руслану было что возразить… Но он не стал этого делать. Уж очень не хотелось, чтобы эта встреча закончилась ссорой, как у них, увы, в последние несколько лет случалось слишком часто.

— Оля, но как же мне все-таки быть с отцом? — примирительно спросил он после паузы. — Я же просто боюсь оставлять его одного там на зиму.

Мало ли что может случиться… Не дай бог, плохо станет. А скорая пока доедет по сугробам…

— Попробуй дать понять, что действительно будешь ему рад, — предложила Оля. — И не просто словами, а действием.

— Это как?

— Подготовь комнату и привези его посмотреть. Просто посмотреть. Договоритесь, что он только погостит у тебя. А если не понравится, то сможет уехать в любую минуту. Обещай, что сразу отвезешь его обратно по первому слову. И что не обидишься, если он все же примет решение вернуться в собственный дом.

— Отличная идея, — кивнул Руслан. Он и сам подумывал так поступить, но схитрил, сделал вид, что ничего подобного и в голову не приходило. — Спасибо за совет, Оля. Ты всегда была житейски мудрой…

И снова в кухне повисла пауза. Все заранее запланированное уже было сказано и обговорено. Руслан получил то, за чем пришел. Так что, наверное, пора уходить. Но как же не хочется!

— Я тебя задерживаю? — осторожно закинул удочку Рус. Если она скажет «да, мне сейчас надо заняться тем-то и тем-то», он, конечно, сразу же поднимется и уйдет.

— Нет, — помотала головой Оля. — Я же сказала, что сегодня свободна. Хочешь чаю? Поставить чайник?

— Да, пожалуйста, — он не сумел скрыть своей радости, да и не пытался. — Я там твои любимые пирожные-орешки принес.

— Спасибо.

Оля снова улыбнулась. Эта знакомая ямочка на щеке… Как он всегда любил ее, эту ямочку. Любил видеть, нежно прикасаться к этому месту, целовать…

— И я не знаю, в курсе ли ты, — поспешил сообщить он, — но я развелся. Собственно, свидетельства о разводе пока не получил, никак не соберусь забрать. Но там уже давно — всё…

Сейчас она спросит: «Зачем ты об этом говоришь?» Или того хуже: «Но мне-то какое дело?»

— Ты какой хочешь — черный или зеленый? — спросила Оля, наполняя чайник отстоявшейся водой из кувшина-фильтра.

— Если можно, черный, — выбрал Руслан. И, услышав щелчок вскипевшего чайника, попросил: — Можно, я заварю?

Он так любил священнодействие с чаем на этой кухне.

— Конечно, — Оля вновь улыбнулась. — У тебя

всегда вкуснее получалось заваривать.

Ополаскивая знакомый маленький заварник с розами на круглых боках, доставая тканевые салфетки, баночку с заваркой, чайные ложки — все было на своих местах, ничего не пришлось искать, — он спиной чувствовал, что Оля наблюдает за ним.

— И как ты сейчас? — вдруг спросила она.

— Ты про развод или?.. — уточнил Рус.

— Или. Про все.

— Я — хорошо, — честно сообщил он. — После развода — особенно хорошо. Но это не только с разводом связано. У меня вообще сейчас такой период… Интересный. Словно новая жизнь началась. Совсем другая. Будто, как змея, кожу сбросил. Лишнюю. Ненужную и неправильную кожу. У меня с некоторых пор жизнь так изменилась! Вот мы с Володей… Ой, да ты же ничего не знаешь!

И Рус, разливая чай по чашкам, рассказал, что нашел друга детства Володю, что теперь они вновь сблизились, что благодаря Володе и его жене Люде в его жизнь вернулась музыка…

— С ума сойти, — качала головой Оля, забыв о чае. — Чего только на свете не бывает!

— И это еще не всё, — продолжал делиться

Руслан. — Оля, я снова начал танцевать!

— Правда? — радость, прозвучавшая в ее голосе, явно была абсолютно искренней. — Я помню, как это было для тебя важно. Ты так часто вспоминал, как занимался в танцевальной студии. И как жалел, что перестал.

— Всю жизнь жалел, — подтвердил Рус. — А теперь, когда вернулся… Теперь даже дышится легче. Только сейчас я танцую совсем другое, не бальную программу.

— А что же? — вопрос она задала, наверное, чисто из вежливости, но Руслан все равно ответил:

— Аргентинское танго.

— Красиво, наверное? — по лицу Оли было ясно, что она весьма смутно представляет, о чем речь. Но она спрашивала, чтобы сделать ему приятное, — и одно это уже было здорово.

Руслан задумался.

— Знаешь, я, конечно, видел и раньше выступления разных корифеев. Но… Понимаешь, АТ, то бишь аргентинское танго — не для выступлений. Ну то есть, конечно, сценическое танго никуда не делось, но лично у меня исчезло желание выступать. Может быть, просто исчезло желание кому-то что-то доказывать…

Он вдруг осекся и посмотрел на нее, прямо в

глаза.

— Что? — засмеялась она. — Смотришь так, будто тебя посетила гениальная идея.

— Посетила, — кивнул Руслан. — Давай потанцуем танго. Прямо сейчас!

— С ума сошел, — растерянно улыбнулась она. — Я же не умею.

— Зато я умею, — спокойно сказал Руслан. — Просто доверься мне. Еще один раз. Сейчас найду что-нибудь в смартфоне… Да что тут думать — «Поэма», конечно.

— Какая музыка нежная, — заметила Оля почти шепотом. — Под нее хочется плакать или…

— …или танцевать, — улыбнулся он.

…Мужчина, умеющий вести в танго, сможет «потанцевать» практически любую женщину. Рус подошел к бывшей жене, она поднялась ему навстречу. Он взял ее за руку, увлекая ее в холл — там было побольше места, чем в кухне. Он нежно обнял любимую женщину, и она закрыла глаза.

«Как же на удивление легко ее вести, — изумленно подумал Руслан. — Будто всю жизнь танцевала… Нет, не в этом дело. Она мне доверяет…»

Это открытие поразило его.

Почти пять лет в разлуке, а до разлуки столько дней и месяцев разрушения души! Каким же это

сейчас кажется нелепым, глупым, досадным… Когда муж и жена расстаются, иногда бывает так, что оба этого не хотят. Но амбиции, гордыня, растерянность и страх гонят их друг от друга и разделяют неделимое. Нужна большая сила духа, чтобы восстановить то, что разрушено. Сила духа или… любовь. Говорят, «разбитую чашку не склеишь». А если это не разбитая чашка? Если они — кусочки пазла, которым самой судьбой предназначено слиться и стать единым целым? Ведь когда-то они с Олей были этим целым… Хотя почему «когда-то»? Они и сейчас — единое целое. И качаются на волнах музыки…

А тело ничего не забывает. Это подросткам с бушующими гормонами не стоит делать упор на физическую сторону. Людей же зрелых взаимная физическая тяга может сцементировать накрепко. Их тела вспомнили, как им было хорошо и спокойно вместе, пока житейские неурядицы не отвлекли их друг от друга. Поэтому совершенно неудивительно, что танго Руса и Ольги завершилось в спальне — как только закончилась музыка.

— Как будто и не расставались, — прошептала Оля, когда закончилось естественное продолжение их танца. — Просто удивительно. Что

происходит, а?

— Происходит жизнь, — пожал голыми плечами Руслан. — Самое главное — это понять, нравится тебе такая жизнь или…

— Да не «или» — нравится, конечно, — перебила Оля, приподнимаясь на локте. — И такое чувство, что всего плохого, что случилось, как будто и не было! И столько трудных лет долой, и мы опять молодые, и опять вместе. Так же не бывает?

— А кто тебе сказал, что не бывает?

— Никто, — засмеялась она.

— Будет только так, как мы хотим. Оба, — твердо сказал Руслан. — Вот что ты хочешь?

— Хочу обратно в молодость, — быстро ответила Оля и покачала головой: — Какие же мы были дураки…

— Да не дураки, Оль, — возразил Руслан, перебирая ее пальцы. — Просто были уставшие. Растерянные, неуверенные, измотавшиеся. Как заблудившиеся дети. Великовозрастные, правда, но это детали… Слушай, интимный вопрос: есть что поесть?!

Она снова засмеялась:

— Конечно… Пошли на кухню!

Оля набросила халатик, а Руслан завернулся

в простыню. Хотя повода опасаться, что кто-то их застанет, не имелось. Сын был в Сочи и пока возвращаться не собирался, а Мышка с классом уехала на неделю в Питер, на первые в этом году каникулы. У них теперь такая интересная система учебы: пять недель учатся, неделю отдыхают. Нам бы такое в школе, да?

Рассказывая о детях, Оля чем-то уютно звякала, хлопала дверцами холодильника и микроволновки. По кухне поплыли умопомрачительные запахи.

«Я дома, — понял Руслан. — И права Оля — какие же мы были дураки… А если честно, то это я был дурак. Самонадеянный, амбициозный, да еще и с гонором. Интересно, а этот дурак не вернется?.. Ну, пусть только попробует…»

— Слушай, я поняла, почему танго когда-то запрещали, — вдруг расхохоталась Оля.

Сама она не ела, просто смотрела, как ест бывший муж, и обирала орешки с пирожных, запивая давно остывшим чаем.

— Это же разврат чистой воды, — продолжала веселиться она. — И что, танго всегда так заканчивается?!

— Танго — это всегда история для двоих, — уточнил Руслан. — Оно действительно чувственно,

этого не отнять. Но если воспылал только один — держи свой пыл при себе, иначе беда. А если одновременно оба…

— Тогда, как говорится, сами виноваты, — фыркнула Оля. — Слушай, неужели мы с тобой и впрямь танцевали танго? То есть, я имею в виду, как я могла его танцевать, если я не…

— Ну как… А ты знаешь, что раньше женщин вообще не учили танцевать танго? — сказал Руслан. — Раньше женщина просто шла за своим мужчиной. И по жизни, и в танце. А ты очень даже хорошо велась. Потому что шла не задумываясь. Знаешь, мой препод, Андрей, сказал бы: «У тебя правильная начинка головы».

— Интересно, — задумалась Ольга. — То бишь отключить голову, значит, и просто идти, куда ведут?.. Знаешь, если бы я была феминисткой, я бы оскорбилась. Но я не феминистка и никогда не стремилась… А ты давно у этого Андрея занимаешься?

— Да всего без году неделя, — махнул рукой Руслан. — У меня просто есть танцевальная база. Андрей, правда, говорит, что я двигаюсь вперед семимильными шагами, но я собой очень недоволен. В танго энергетика другая.

— Ты всегда был перфекционистом, — улыбну-

лась Ольга.

— Есть немного… А! Сейчас я тебе покажу, кстати.

И Руслан открыл папку в смартфоне:

— Вот, смотри, Андрей снимал во время занятий и скинул мне, чтобы я видел свои косяки.

Оля с интересом просмотрела все его ролики — их было не так много, все не больше минуты и все с разными партнершами.

— А какие тут косяки? — не поняла она. — Так красиво…

— Ну, во-первых, все мои партнерши на этих видео по многу лет занимаются, — объяснил Руслан. — Мне Андрей только таких в пару ставит — иначе, говорит, мне с начинашками сложнее будет схватить суть. Во-вторых, косяки снаружи, возможно, незаметны, а партнерша их всегда почувствует.

— Я не почувствовала никаких косяков, — честно сказала Оля. — Мне было комфортно.

— Ты ко мне снисходительна, а я к себе — нет, — улыбнулся Руслан. — А в танго основной спрос с мужика. Он ведет, и он в ответе за все, что происходит. Значит, должен быть безупречен.

— Жестко, — заметила Оля.

— Не жестко, а правильно, — возразил

Руслан. — И в жизни так же должно быть.

— Не уверена, — покачала головой Оля. — И даже, пожалуй, не согласна. Все нужно делить поровну. И ответственность, и обязанности. Это ведь просто нечестно, когда все взваливается на кого-то одного — не важно, какого он пола.

«Нет, я точно дурак, нельзя было терять такую женщину. Свою, родную, — сказал себе Руслан. — Но дурак, безусловно, счастливый… Так, буду экстренно умнеть. У меня просто нет другого выхода!»

После еды Оля сварила им кофе.

— Строго говоря, кофе тоже нужно было варить тебе, он у тебя тоже лучше получается, — заметила она.

— Сварю в следующий раз, хорошо?

— Ладно.

Так нехитрым способом они наметили пусть крошечный, но план на дальнейшую совместность… В самом деле, жизнь — преудивительная штука. В один момент она сделала крутой поворот. Точнее, не «она», а «они».

— А как ты насчет решительных действий? — спросил Руслан.

— Э… Мы грабим банк? — серьезно уточнила Оля.

— Нет, мы сейчас станцуем танго в жизни, — возразил он. — Я веду, ты следуешь. Согласна?

— Согласна, — помолчав и посмотрев на него изучающее, сказала она.

— И ты не будешь ругать меня за то, что я опять все решил за других? — на всякий случай заранее обезопасил себя Рус.

— А это смотря куда ты меня поведешь, — веселилась Оля. Но едва он собрался сказать, закрыла ему рот ладонью: — Нет-нет, не говори! Пусть будет сюрприз.

Конечно, Руслан очень волновался. В дороге у Оли могло измениться настроение, ей могло снова не понравиться в его квартире, но… в конце концов, если хочешь что-то менять в жизни, не бойся это делать. Просто возьми — и поменяй.

Конечно, через некоторое время Оля поняла, куда они едут, — пусть она давно там не была, но направление помнила. Однако она не знала, насколько грандиозными оказались изменения. Ведь тогда его таунхаус находился в недостроенном поселке, а дома окружал только строительный мусор. Теперь здесь все было ярко, чисто, ухоженно.

— Это мы с тобой так долго едем, потому что весь путь на машине, — рассказывал по дороге

Руслан. — Обычно я, когда спешу, доезжаю на авто до «Филатова Луга», а в центр — уже на метро. Так получается гораздо быстрее. Можно, кстати, от поселка и на маршрутке до метро доехать, остановка прямо у ворот…

Как же повезло, что на дворе самый красивый сезон средней полосы — золотая осень. И погода как по заказу. Ясное небо, солнце, желтая и красная листва, а трава на газонах еще зеленая и цветов полно: астры, мальвы, хризантемы… Разве что нет Олиных любимых ромашек. Малыши играли на детских площадках, ребятня постарше гоняла на роликах, самокатах и великах, пожилые люди прохаживались по дорожкам, выгуливая себя и своих питомцев.

— Надо же, как тут все изменилось, — ахнула Ольга, выходя из машины. — Это дом теперь такой?!

— Он еще «такее». Ты лучше внутрь зайди.

Оля переступила порог не без опаски. Видимо, помнила, что ее отпугнуло в те времена — тогда в квартире были голые бетонные стены без отделки, на полу и потолке — только стяжка. Даже стеклопакеты еще не вставили. Так себе зрелище, просто испытание для женских нервов.

Теперь все, конечно, было иначе.

Оля остановилась в просторном холле и неторопливо осмотрелась, а Рус постарался увидеть обстановку ее глазами. Большое зеркало делало помещение еще больше. Минимум мебели, спокойные пастельные тона, много света.

— Роскошно, — признала бывшая жена, осматриваясь, но не делая попыток куда-либо направиться.

— Оль, — напомнил Руслан с некоторой горечью. — Я ведь мечтал, что строю это для семьи. Но не для какой-то абстрактной, а именно для нашей. И моей семьей всегда были ты, Егор и Маша. До меня как-то не сразу дошло, что мечты порой оказываются очень далеки от реальности. Но лучше понять это поздно, чем никогда…

Оля молча погладила его по плечу.

— Покажи, что получилось, — попросила она.

— Тогда смотри и говори, что не нравится, — посветлел Рус. — Я старался и ремонт, и обстановку делать так, как ты когда-то и предлагала.

— И Машину комнату? — недоверчиво и немного иронично спросила бывшая жена.

— С комнатами Маши и Егора отдельная история, — поделился Руслан. — Они пока не полностью закончены, только самый минимум. Спать в них можно — но пока только спать. Я

надеялся, что ребята сделают там все по своему вкусу. Но… В общем, ими никто никогда не пользовался. Мне в них не по себе, в этих комнатах.

— «Если дом не наполняется детскими голосами, он наполняется кошмарами», — пробормотала Ольга. — Ну или что-то вроде того.

— Вот уж точно… А кто это сказал?

— Да кто-то из великих, не помню… Какой-то француз.

— Ну, пойдем уже, мне самому не терпится тебе всё показать!

Он повел Олю на экскурсию по дому и смотрел, как она недоверчиво исследует квартиру. Разумеется, Руслан понимал, что цепкий женский глаз выискивает любую мелочь, которая могла бы напомнить о сопернице. Но Рус был предусмотрителен, и помощница по хозяйству Валентина Павловна тщательно проследила за тем, чтобы в доме не осталось ни одного намека на присутствие женщины. Ни флакончика, ни заколки, ни волоска. Все было убрано и вычищено до блеска, до первозданного состояния.

Оля понемногу расслабилась, и настороженность в ее взгляде постепенно сменялась любопытством, а потом восхищением:

— Ох как же здорово, когда в доме много света!

И пастельные тона. А там что? Джакузи?! Ничего себе, какое здоровенное!

— Ну не такое уж здоровенное, бывают и побольше…

— А… Ой, роскошество, камин! Настоящий?!

— Самый что ни на есть, — не без гордости заверил Руслан. — Пришлось внимательно проследить, чтобы все было по правилам, но это и самому важно, для безопасности. Так что у меня и дымоход выведен как надо, и защита жаропрочная будь здоров.

Выглянула Оля и во внутренний двор, единственное место, где осталось что-то после Дианы: диванчик-качели, небольшая клумба с осенними цветами, кружево дикого винограда на перегородках — сейчас, когда его листья стали золотыми и багровыми, они смотрелись особенно красиво.

В его, Руслана, спальню Оля заходить не стала, только с порога глянула и поспешила в детские комнаты. Там, как и говорил Руслан, было только самое необходимое: современные, качественные и удобные кровати, шкафы для вещей, письменные столы. Все остальное ребята могли бы устроить здесь по своему вкусу — если бы захотели, конечно.

Понравились Оле и гостевые комнаты, в отли-

чие от спален ребят готовые, их было целых две, в разных стилях, и кабинет Руслана.

— Как у англичанина, — заметила она. — Так добротно, солидно и в то же время просто.

Осмотрев весь дом, Оля самокритично заметила:

— Да уж, кое-кому полработы точно показывать не надо было… такой, как я, например.

— А вот тут ты не права, — возразил Руслан, ловя ее руку и поднося к губам. — Дурак — это тот, кто показывает девочкам недострой.

Когда они вновь спустились на первый этаж и присели вместе на диван напротив камина, Оля вдруг спросила, глядя ему прямо в глаза:

— Скажи, почему ты развелся с Дианой? Что случилось?

Разумеется, она не могла об этом не спросить. Конечно, ее это и интересовало, и удивляло, и мучило. И Руслан был вроде бы готов к этому вопросу, но все равно ответил не сразу.

— Это случилось… далеко не вдруг, — помолчав, сказал он. — Но я просто понял совершенно отчетливо, что не люблю ее. И не любил. Вот правда седина в бороду, бес в ребро. Не то что я себя оправдываю, но… и она ведь не любит и не любила меня тоже. Она всегда любила сво-

его бывшего парня и сейчас вернулась к нему. Какая-то чудовищная была ошибка у нас обоих. Но мудрые люди говорят, что не ошибка то, что можно исправить. А я очень этого хочу — все исправить. Мы же ведь когда-то с тобой говорили по душам, потом перестали — а я снова хочу с тобой делиться тем, что чувствую.

Ольга молчала и внимательно слушала.

— Прости меня за то, что я смотрел на тебя, но тебя не видел. Противоречил сам себе, — продолжал Рус. — Вероятно, это прозвучит высокопарно, но внутри меня ты всегда была той самой единственной. Только я как-то очень топорно тебе это показывал. И вместо силы проявлял слабость — дом строил, а семью рушил, вот и все.

— Рус, мы оба хороши, — тихо сказала Оля. — Ведь никогда не виноват кто-то один, всегда — оба…

— Слушай, скажи, только честно, — тебе нравится дом? Наш дом?

— Вот прям честно? Честно-пречестно?

— Да.

— Тогда — очень.

У Руслана отлегло от сердца.

— Знаешь, я очень рад. Тогда были не лучшие времена, нервные, но я думал только о тебе, когда

возился тут с отделкой. И отчаяние такое накрывало — кому я это делаю, зачем?..

— А давай… а давай тогда не возвращаться в те времена, когда было больно и плохо, — решительно предложила Оля. — Это ведь как заживающую рану тревожить. Давай настроимся на будущее!

— Давай тогда уж на настоящее, — улыбнулся Рус. — Ты не проголодалась?

— У тебя тут и скатерть-самобранка есть?

— Увы, — он шутливо развел руками. — Вот чем не запасся…

— А знаешь, я бы не удивилась, — засмеялась Оля.

— Можно вместо скатерти-самобранки использовать доставку, — предложил он. — Или съездить куда-нибудь поесть. Тут в относительной близости целых три очень приличных ресторанчика.

Оля колебалась:

— После ресторана так не захочется ехать обратно в Москву…

— И не надо! — обрадовался Руслан. — Завтра же суббота! Ты завтра работаешь?

— Нет. Отдыхаю все выходные.

— Вот и чудесно! Оставайся ночевать.

— Ой, Руська, я не знаю…

— Увидишь, как замечательно здесь по утрам, — соблазнял он. — Как тихо и свежо. Как здорово летом выйти босиком на открытую веранду и выпить кофе или чаю, глядя на лес. Сейчас, конечно, уже не лето и для прогулок босиком прохладно. Но в лесу до сих пор красота!

Сначала Оля отнекивалась: у нее нет с собой ничего необходимого, ни крема, ни лосьона, ни ночной рубашки, ни даже зубной щетки… В общем, ни черта нет! Но, видя, что остаться она на самом деле хочет, Руслан с легкостью нашел решение всех проблем. Раз «нет ни черта нужного», то можно пойти или съездить в магазин и купить всех этих «чертей».

В итоге Оля сдалась. Они прокатились до ближайшего торгового центра и накупили «чертей» в виде светло-голубой шелковой пижамы и всяких косметических прибамбасов. Потом Рус предложил:

— Ну что, поедем куда-нибудь ужинать?

— А давай устроим романтический ужин дома? — предложила в ответ Оля. — Гулять так гулять!

Они сделали налет на продуктовый отдел, накупили вина, овощей, фруктов, мяса, птицы и рыбы. Заодно прихватили и свечи:

— Что это за романтический ужин без свечей? Давай купим разноцветных и ароматических!

Так что вечером были и ароматные свечи, и шампанское, и в камине уютно потрескивали сухие дрова…

А утром Руслан получил сообщение от Володи. Тот предупреждал, что может немного опоздать на сегодняшний концерт, и заранее просил за это прощения у друга.

— Ну конечно же, сегодня концерт! — хлопнул себя по лбу Рус. — Надо же, я совсем забыл…

— Что за концерт? — спросила Оля, выходя босиком из ванной.

Руслан напомнил ей свой вчерашний рассказ о жене Володи Людмиле и ее друзьях-музыкантах.

— Хочешь поехать в «Старые ритмы»? — поинтересовался он.

— Спрашиваешь! — у Оли загорелись глаза. — Тысячу лет уже не слышала живой музыки. А это точно удобно?

— Конечно, — заверил Руслан.

— Вот только мне бы переодеться…

— Не вопрос. Заедем на Волгоградку, времени еще полно.

Переодеваясь в своей квартире для похода в кафе, Оля заодно собрала и сумку с кое-какими

нужными вещами — после концерта решено было снова ехать к Руслану.

Рус обожал атмосферу «Старых ритмов» и всегда чудесно проводил там время. Но этот вечер вышел особенным. Как по заказу, звучали одни только его любимые мелодии — будто кто-то специально подобрал плей-лист по его вкусу. И Володя с Людой, и музыканты Паша и Леночка как-то сразу приняли Олю, прониклись к ней симпатией, и она почувствовала в ответ то же самое.

— Знаешь, как будто знала их всю жизнь, — радостно делилась она с мужем на обратном пути. — Особенно Люду. Будто дружила с ней с детства, как вы с Володей…

* * *

А в воскресенье из Питера приехала Мышка. С утра она позвонила маме и в двадцатый раз напомнила номер поезда и вагона. Оля молчала как партизан. Но встречать дочку с поезда они поехали вместе — мама и папа.

Им казалось, что они затерялись на перроне в толпе встречающих родителей. Но Мышка сразу их увидела и сначала оцепенела в дверях вагона, а потом издала дикий индейский вопль, изобразив при этом не менее дикий индейский танец.

— Нас сейчас в полицию заберут, — смеясь, шутливо выговорил ей Руслан, пока Оля отчитывалась перед учительницей, что акт передачи Маши Левашовой состоялся. — Давай сюда рюкзак, и поедем.

По дороге Мышка сначала ничего не замечала вокруг. Она, чуть не захлебываясь, делилась впечатлениями от поездки: они и в Эрмитаже были, и в Михайловском замке, и видели, как мосты разводят… Но когда переезжали Москву-реку и вдали показалось здание МГУ, Машка что-то заподозрила.

— А куда это мы?! — удивилась она.

— На кудыкину гору воровать помидоры, — весело ответила Оля. — Увидишь!

Подогретая маминой интригой, дочь обратилась к Руслану:

— Папа, ну скажи, куда мы едем? Мы же не там живем…

— Сюрприз… — туманно ответил и тот.

Поняв, что пока она от родителей ничего не добьется, Мышка притворно вздохнула.

— Эх, знала бы я, что увижу папу, захватила бы открытку, — защебетала она. — Ну, ту, которую для тебя сделала. Поздравление с разводом. Классная, кстати, открытка получилась. Я ее несколько

дней делала. Как узнала о разводе из соцсетей… Я ж к Диане иногда на страницу заглядываю. Она вечно такие красивые фотки с цветами постит, и откуда только берет… Ой! Мам, прости. Тебе, наверное, неприятно, что я…

— Да перестань, что ты! — отмахнулась Оля.

— Вот там я и прочла, что она разводится с тобой и возвращается к своему бывшему, — закончила дочь. — И сразу села открытку делать. Я же чувствовала, что скоро с папой увижусь…

— Интуит, — с гордостью оценила Оля.

— Ни фига я не интуит, — вздохнула дочь. — У меня, к вашему сведению, сердце разбито. Ну, почти. Я влюбилась в одного мальчика, целую неделю страдала, а он оказался совсем не такой, как я о нем думала. Пришлось срочно разлюбить.

Наконец показался коттеджный поселок. Руслан свернул на ведущую к нему дорогу, подъехал к воротам, поздоровался со знакомым охранником. Забыв о своем разбитом сердце, Мыша так и таращила глаза. Она ведь так никогда здесь и не бывала. Хотя все это время Руслан несколько раз пытался привезти дочку в гости, но так ни разу и не получилось.

— Вот и наш дом, приехали, — сообщил Руслан,

останавливаясь у своей двери.

— В смысле — «наш»?!

— В смысле «дом нашей семьи».

Бросив рюкзак в просторном холле, Маша с энтузиазмом осматривала трехэтажную квартиру, вихрем носясь вверх и вниз по лестницам.

— Джакузи?! Камин?! Собственный дворик?! — восторгалась девочка. — Кру-уто… А где я буду спать? Или ночевать мы домой поедем? — тут же забеспокоилась она.

— Сегодня не поедем, — успокоила ее Оля. — Так уж и быть, пропустишь завтра школу. Что-то мне подсказывает, что ты не одна такая будешь после вашей поездки, так что ничего страшного.

— Ура! — на радостях Мышка только чудом не свалилась с лестницы. — А где я буду спать? У меня тут будет своя комната?

— Она уже есть, — заверил Руслан. — Но пока не обставлена. Этим ты займешься сама. По собственному вкусу.

— Что, правда? Я смогу сделать тут все так, как сама захочу? — недоверчиво поинтересовалась дочка, когда Рус показал ей комнату. — Всё-всё?

— Ну, в разумных пределах, конечно, — уточнил Руслан. — Если вздумается усыпать весь потолок бриллиантами, то, боюсь, тебе придется

обломаться.

— Ну вот! А так хотелось… — Мышка всем своим видом изобразила глубочайшую печаль, но тут же вышла из образа: — А можно я прямо сейчас в джакузи нырну? Я же с поезда. Срочно надо помыться.

Маша была счастлива, это Руслан видел. Но, покидая ее комнату, он не мог не скосить глаза в сторону другой комнаты рядом, столь же скудно обставленной, — спальни, предназначавшейся для Егора. Конечно, Рус надеялся, что понемногу восстановит отношения и с сыном. Даст бог, и они помирятся, семья ведь все-таки. Авось снова соберется разрушенный фрагмент жизни, как собираются фрагменты пазла, и разрозненные кусочки встанут на свои места.

Да, кстати о пазле…

— Русенька! — крикнула снизу Оля, выводя его из задумчивости. — Я что-то нигде не могу найти салфетки.

— Иду! — отозвался он и поспешил вниз.

Пока дочка плескалась, Оля занялась обедом. Это было несложно — она уже его приготовила с утра, только подогреть. А Руслан взялся жарить в барбекюшнице стейки из индюшки.

— Хочешь тут жить? — спросил Рус дочку, когда

та, разомлевшая от еды и сытости, допивала чай.

— Хочу, конечно! — встрепенулась та, но тут же сникла: — Только как? А школа?

— Мы с мамой уже об этом думали, теперь подумай и ты, — ответил Руслан. — Здесь, относительно недалеко, есть отличная школа с гуманитарным уклоном. Ты же вроде собиралась быть журналистом?

— И сейчас собираюсь, — подтвердила дочь. — Журналистом или блогером. Инфлюенсером. Хотя, может, и сценаристом. Фильмов или игр. Я еще не решила.

— В любом случае на будущий год можешь попробовать перейти туда в десятый класс, — предложил Руслан. — В гуманитарный.

— Только учти, — вступила в разговор Оля. — Сразу предупреждаем — будет непросто. Школа престижная, конкурс туда немалый, отбор строгий. Придется как следует готовиться весь этот год.

— Но тебя вроде не пугают трудности? — подхватил Рус.

— Не пугают, — заверила Мыша. — Даже наоборот: стимулируют, как наша психолог говорит.

Она сорвалась с места и через мгновение вернулась с планшетом:

— Какой, вы говорите, номер школы?

Их семейный вечер получился действительно семейным.

Перед сном сели втроем в гостиной, затопили камин и стали неторопливо обсуждать свое будущее.

Свое общее будущее.

И пришли к выводу, что понемногу сумеют устроить все наилучшим образом.

Конечно, такие серьезные вопросы, как переезд на другой конец Москвы, за пять минут не решаются. Но Олю дорога не слишком смущала. Во-первых, у нее теперь был свободный график и каждый день ходить на работу к девяти, чтобы уйти только в шесть, совершенно не требовалось. Она была сама себе хозяйка и могла строить рабочий график, по собственному усмотрению. А во-вторых, все равно приходилось ездить по городу, так какая разница откуда? В крайнем случае можно подумать о том, чтобы арендовать офис для приема клиентов где-то поближе. Зато школа в Тропарево, о которой говорил Руслан, действительно была отличным учебным заведением, и если бы Мышка смогла поступить туда в десятый класс, это стало бы большой удачей. Оттуда уже гораздо проще было бы проложить дорогу в хо-

роший университет. И мама, и дочка загорелись этой идеей, и Маша заверила родителей, что весь только начавшийся учебный год будет очень стараться, чтобы выдержать большой конкурс в эту замечательную школу.

А пока можно пожить и на две квартиры. Будни на Волгоградке, а выходные — здесь. Ничего страшного.

Разумеется, все трое понимали, что упускают из виду очень важную составляющую, которую никак нельзя не учитывать, — Егора. И все знали, что еще обязательно затронут эту тему, и не раз… Но не сегодня. Сегодня было слишком хорошо сидеть вот так вместе снова, как раньше, и чувствовать себя единым целым.

Семьей.

К тому же у Руслана была еще одна важная новость для дочери: он наконец-то мог рассказать ей, что нашел отца.

— Дедушка… — словно пробуя на вкус это слово, проговорила Маша. — Надо же… Прикольно. У кого-то в пятнадцать лет появляются отчимы, ну или там мачехи, у кого-то — сиблинги, а у меня, стало быть, дедушка.

— Сиб… Кто появляется? — не поняла Оля.

— Сиблинги, мам! — укоризненно взглянула

дочь. — Так братья и сестры называются. Общим словом. Ты не знала, что ли? Вот темнота!

— Я тоже не знал, я тоже темнота, — хохотал Руслан. — А ты-то откуда такие слова знаешь? Из интернета?

— Не, — замотала головой Мышка. — От Юлии Владимировны, нашего школьного психолога. Она с нами в Питер ездила… Пап, а дедушка — он какой? Очень строгий?

— Егор гораздо строже, — пошутил Руслан. Хотя, как известно, в каждой шутке…

— А дедушка знает о нас? — продолжала расспросы Мышка.

— Знает, конечно, как же иначе, — энергично закивал Рус. — Я ему рассказал, фотографии показывал. Он постоянно о вас расспрашивает. А какой он… Вот, посмотри сама.

И протянул дочери телефон.

— Вообще не строгий, — с удовлетворением отметила Маша, листая снимки. — Он добрый. И вы похожи. Только он худой очень… Мам, пап… А вы теперь что… совсем помирились? И снова будете вместе?

Муж и жена переглянулись.

— Будем, — заверил Руслан. — И теперь уже всегда. Даже в ЗАГС еще раз сходим.

Мышка вдруг насупилась.

— Только при одном условии, — хмуро проговорила она, приняв серьезный, озабоченный и даже расстроенный вид.

— Что такое? — оба родителя не без тревоги взглянули на дочь.

— Чур, я подружкой невесты буду! — выдала Мышка и звонко расхохоталась. — Здорово я вас разыграла, да? А вы испугались небось!

* * *

К приезду Бориса Васильевича готовились всей семьей.

— Где ты собираешься поселить отца? — спросила Оля как-то за завтраком. День был будний, Мышке надо было в школу, поэтому ночевали все на Волгоградке.

— На третьем этаже, в одной из гостевых комнат, — ответил Руслан, щедро поливая оладьи клубничным вареньем из подаренных тетей Светой запасов. До чего же вкусные получаются у Оли оладушки! Ни в одном ресторане он не ел ничего подобного.

— Думаю, это не самая удачная идея, — покачала головой Оля. — Слишком высоко. Пожилому человеку придется по многу раз в день карабкать-

ся вверх и вниз по лестницам.

«А мне ведь это и в голову не пришло… — промелькнула у Руслана мысль. — Неужели и правда, что, даже заботясь о других, я все равно руководствуюсь только своими представлениями о том, как для них лучше? А об их собственных желаниях даже не думаю?»

— Я могу уступить ему свою комнату, — великодушно предложила Мышка и взяла себе еще оладушек. — Она все равно еще не готова. А сама буду жить на третьем.

— Все равно лестниц это не отменяет, — откликнулась Оля. — Хорошо бы придумать что-то на первом этаже… Руська, ты сваришь кофе?

— Конечно. — Руслан поднялся и с удовольствием занялся приготовлением любимого напитка. — Но на первом этаже нет ни одного подходящего помещения. Разве что сделать перепланировку… Отъесть по кусочку от гостиной, от кухни и от холла…

— Но это займет много времени, — посетовала Оля. — Как любой ремонт. До холодов точно не успеем.

— А почему вы не хотите поселить дедушку в ту свободную комнату на первом этаже? — спросила Маша, облизывая ложку от варенья.

— Какую? — удивился Руслан. — Там нет никаких свободных комнат.

— Как же нет? — возразила дочь. — А как же эта… Ну, которая между ванной и лестницей?

— А, ты о подсобке… — понял Рус. — Нет, этот вариант не пойдет. Она ж маленькая, одиннадцать метров всего. И вся чем-то завалена, каким-то хламом.

— А может, и подойдет. Надо посмотреть на месте, — задумалась Оля. — В конце концов, что маленькая — не так уж страшно. А хлам можно и разобрать.

— Тогда, может, прямо сегодня поедем и посмотрим? — воодушевилась Мышка. — У меня не так много уроков…

— А завтра в школу как же? — напомнила Оля.

— Ничего, — заверила дочь. — Встану пораньше и доеду на метро. Подумаешь, какой-то час!

Вечером выяснилось, что дочкина идея насчет подсобки не так уж и плоха. Небольшая комната у лестницы, служившая складом для верхней одежды и прочих временно ненужных вещей, оказалась и теплой, и светлой, и расположена была удобно.

— Вот только как эту комнату в жилую превратить, если это практически каптерка какая-

то? — растерялся Руслан. — И барахло отсюда куда девать?

Оля огляделась внимательно, походила по дому, по комнате, что-то мысленно поприкидывала, а кое-что и рулеткой померила.

— С вещами вместе разберемся, — заключила наконец она. — Что-то в гардеробную уйдет, что-то можно вниз, там места достаточно, с чем-то, глядишь, и расстаться решим. А как освободим комнату, так уже и мебель приедет, если не будем тянуть с покупкой. Вот здесь прекрасная ниша под книжный стеллаж, здесь небольшой столик поставить у окна. И кресло рядом поместится.

— А здесь можно разместить диван, — подхватил Рус.

— Лучше кровать, — поправила его Оля. — С ортопедическим матрасом. Какой бы ни был хороший диван, но на матрасе все равно спать комфортнее, да и полезнее. Узнай, пожалуйста, у Бориса Васильевича, как он любит спать — чтобы было помягче или пожестче? Хотя знаешь, что? Давай-ка я сама с ним поговорю при встрече. Ты же все равно нас в эти выходные познакомить хотел, в Мурмино свозить.

Так они и сделали. О том, что приедет не один, Руслан, конечно же, предупредил батю заранее,

но тот все равно явно волновался и готовился к встрече гостей: прибрался особенно старательно, накупил сладостей к чаю и даже сходил в парикмахерскую.

Конечно, сначала отец был слегка скован, зато Мыша очаровалась дедом с первой же минуты. Она все подсовывала ему кусочки, которые ей казались самыми вкусными. А когда узнала, что он преподаватель математики, радостно потерла ладошки.

— А можете меня немного подтянуть? Я, конечно, в гуманитарный класс поступать буду, но вдруг в этой новой крутой школе, куда я нацелилась, будут учитывать общую успеваемость? Хотелось бы во всем быть на высоком уровне.

— Машенька, я бы с радостью, — откликнулся Борис Васильевич. — Если ты действительно этого хочешь, то давай будем с тобой заниматься дистанционно. Я пока не очень хорошо представляю, как это делать по интернету, но авось мы с тобой вместе как-нибудь разберемся…

Руслан и Оля переглянулись: похоже, настал самый подходящий момент для серьезного разговора.

— Бать, а может, все-таки не надо дистанционно? — начал Рус. — Давай уже что-то решать.

Лето кончилось, зима на носу. У тебя дома уже холодно. К тому же вот-вот распутица начнется, а потом гололед, дорога станет проблемной. Может, ты все же погостишь зиму у нас?

— Правда, дедушка, давайте! — тут же подхватила Мышка. — Научите меня в шахматы играть! А я вас в настолки. Мне недавно такую классную игру подарили! Вам обязательно понравится, там думать надо.

— Ты не беспокойся, батя, — продолжал Руслан. — Никому и ничем ты не помешаешь. Мы тебе уже и комнату освободили на первом этаже. Ждем только твоего согласия.

— Ну а если вам что-то не понравится, — включилась в разговор Оля, — вы же можете уехать в любой момент.

— Да я не знаю… Я как-то привык один… — замялся Борис Васильевич, но было видно, что он наконец-то готов согласиться на предложение.

— Так вы и будете один, и довольно часто, — заверила Оля. — Мы с Мышкой на два дома живем. В выходные будем с вами, а в будни в Москве. И Руслан часто у нас…

— Хотя бы ненадолго, дедушка, а? — Мышка заглянула ему в глаза с таким умильным выражением, что отказать ей было бы просто

невозможно.

— Ну, хорошо, — сдался наконец Борис Васильевич. — Погощу у вас немного. Только вы помните, мои дорогие, что я только временно… В гости…

— Конечно-конечно, — радостно заверил сын. — Как только захочешь, сразу отвезу тебя назад. По первому же твоему слову.

Когда вернулись из Мурмино, дома сразу закипела работа, к которой подключилась даже помощница по хозяйству Валентина Павловна.

— Вот увидите, мы с вами из этой комнаты такую конфетку сделаем! — уверяла она. — Ведь пожилому человеку что нужно? Чтобы тепло, чтобы мягко и туалет рядом — а тут все как раз под боком.

Всей семьей дружно разобрали «хлам», и действительно оказалось, что со многими вещами легко можно расстаться. Заказали по интернету мебель: кровать, комод, стол, кресло, книжные полки. Все влезло, даже на какой-то фикус в кадке место осталось — «кислород нагонять», как выразилась Валентина Павловна.

Мышка с мамой, предварительно вызнав нужные размеры, озаботились домашней одеждой, халатом и тапочками для дедушки.

— Тапочки должны быть мягенькие и теп-

ленькие, — авторитетно наставляла взрослых Маша. — Как валеночки. А подошвы непромокаемые. Да и вообще, их должно быть несколько. И плед. И чтобы пушистый! Вообще, давайте я сама выберу, я вам не доверяю.

Себя девочка, впрочем, тоже не забыла, и под обустройство комнаты для Бориса Васильевича занялась и собственной спальней. Выбрала и заказала всё сама — от компьютерного кресла и туалетного столика до занавесок и покрывала на кровать. С точки зрения родителей получилась «сплошная эклектика», как вежливо выразился Руслан, — всё вразнобой. Но сама девочка была довольна, а это самое главное.

Доволен оказался и Борис Васильевич. Даже больше чем доволен.

Из его вещей взяли минимум — единственный древний чемодан и баул с зимней одеждой. Зато книгами забили весь багажник, и несколько коробок еще и не поместились, пришлось класть на заднее сиденье. В дороге батя попытался было завести разговор о том, какой он будет обузой, но Руслан ловко увел беседу в сторону его учительства. Стал расспрашивать об учениках, о трудных педагогических случаях, ведь перед ним самим стояла важная «педагогическая задача» — сын

Егор. И, советуясь с отцом, как тут быть, как лучше наладить отношения с парнем, Рус не только решал собственную проблему, но и ненавязчиво старался дать отцу понять, как важно его мнение и советы — получаемые от опытного педагога.

Приехав, Борис Васильевич оглядел дом с изумлением, но явным удовольствием. Постоял на пороге своей — теперь уже точно своей — комнаты и пробормотал:

— Как в сказку попал…

— Да ладно тебе, батя, — улыбнулся Руслан. — Лучше скажи честно, не думая ни о чем другом, — тебе в этой комнате будет уютно?

— Да что ты, более чем!

— Ничего, что она такая маленькая?

— Да куда ж мне больше-то, — засмеялся отец. — Джигу, что ль, танцевать? Мне ведь главное, чтобы не мотаться по лестницам… Кровать, стул, стол да стеллаж с книгами — вот и все, что мне нужно. А тут так хорошо, светло, окно большое…

— Тогда идем перекусим, там девочки уже что-то сообразили.

С обедом девочки и впрямь расстарались — приготовили любимые блюда Бориса Васильевича. Тот только ахал, уминая за обе щеки грибной суп:

— Вкуснотища! Уже и забыл, когда ел такой последний раз… Сам-то я себе что попроще готовлю…

— Дедушка, а вы подумали насчет моей математики? — наседала Мышка.

— Дай дедушке хоть поесть спокойно, — попытался урезонить ее Руслан, но Борис Васильевич уже ответил внучке:

— Ох, Машенька… Посмотрел я в интернете современную программу… Боюсь, это тебе меня подтягивать придется. Все так сильно вперед ушло… Мы почти все это только в институте проходили, кое-что и не на первом курсе даже. Так что будем с тобой вместе наверстывать упущенное.

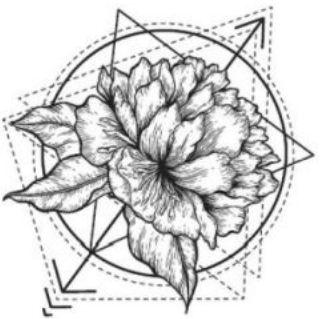
— А что, — обрадовалась Мышка. — Это еще интереснее!

В общем, семья очень быстро нашла общий язык. Так, увы, бывает не у всех и не всегда. Порой не хватает и целой жизни. Тем же Руслану и Ольге потребовалось достаточно много и времени, и испытаний, чтобы дойти до понимания и принятия. Но у старшего и младшего поколений в лице Мышки и деда процесс пошел не в пример легче и быстрее. И Маша, и Борис Васильевич оказались ранними пташками. И когда на следу-

ющее утро Руслан с Олей спустились на первый этаж, они обнаружили деда с внучкой в гостиной, сосредоточенными над партией в шахматы, и удалились на цыпочках.

Руслан с облегчением понял, что отцу у них действительно понравилось, и в нем зародилась надежда, что батино «гостевание» плавно перетечет в спокойную старость под семейной крышей.

Фрагмент девятый
Фигурка лыжника



Жизнь Руса, вроде только что претерпевшая кучу глобальных изменений, как-то на удивление быстро вошла в колею и стала восприниматься как привычная. Будто всегда было только так — и никак иначе.

В будние дни Маша с мамой обитали на Волгоградке, а Руслан ночевал то у них, то у себя. Отец оказался совершенно ненапряжным домочадцем, чаще всего его было не видно и не слышно. Он либо гулял, либо был у себя в комнате: читал,

сидел за компьютером или дремал. Сын всегда предупреждал его заранее, где планирует сегодня ночевать, и если приезжал в таунхаус, то его ждал нехитрый, но горячий ужин, а по утрам — завтрак. Борис Васильевич потихоньку осваивался с новой техникой. К кофеварке пока еще подходить боялся, стиралку и посудомойку сам не включал, но зато разбирал вымытую посуду, гладил белье и даже мыл полы в ванной и прихожей.

— Бать, ну зачем ты… — журил его Руслан. — Есть же помощница по дому. И уж вставать ни свет ни заря, чтобы завтрак приготовить, ты точно не обязан.

— Так я ж все равно рано встаю, сынок, — возражал Борис Васильевич. — Да и делать что-то для тебя или девочек мне только в удовольствие. Сам ведь знаешь, как тяжело, когда живешь один, — совершенно не о ком заботиться. А это очень грустно.

Но больше всего Руслана радовало, что, принимая душ, Борис Васильевич всегда пел в ванной «Капитан, капитан, улыбнитесь…». Как когда-то давным-давно в детстве Руса. И сын считал это добрым знаком — похоже, отцу у него действительно хорошо…

Выходные проводили все вчетвером в таунха-

усе. После завтрака обязательно гуляли в лесу и вдоль реки — следуя примеру Бориса Васильевича, делали это в любую погоду. А вечерами собирались в гостиной, зажигали камин, разговаривали, играли в настолки или смотрели на большом экране сериалы: исторические, приключенческие, фантастику, детективы. Последние особенно нравились Мышке, и она готова была часами обсуждать их с дедушкой.

Не успело промелькнуть и нескольких недель после переезда Бориса Васильевича, как пришла еще одна важная новость: Егор сообщил матери и сестре, что собирается вернуться домой на период межсезонья.

— Билеты пока не купил, вылавливает какие-то скидки, — рассказывала Ольга, расчесывая на ночь волосы. — А я что-то волнуюсь за него… За все волнуюсь. Во-первых, ему уже раз повестка приходила из военкомата. Но он тогда, как обычно, в горах был… В общем, как-то обошлось. А во-вторых… Не знаю, как он воспримет все это… Ну, то, что мы снова вместе. Может ведь и не принять. Ведь он так резко порвал с тобой. Вроде взрослый, самостоятельный — а тут какая-то подростковость, капризы. Вот твоя мать вытравливала в тебе любовь к твоему собственному

отцу, и вы только из-за этого перестали общаться. А потом — какое счастье, Рус, что ты сумел все исправить и найти отца! Это ведь ненормально, когда в семье такое. Но у нас-то… На Егора ведь никто не давил, не настраивал против тебя. Я всегда старалась объяснить детям, что наши с тобой отношения — это наши отношения и наши проблемы. А на них это нисколько не влияет, их мы с тобой оба как любили, так и любим. И Мышка все поняла, хотя и младшая. А Егор уперся рогом. Несколько раз пыталась с ним поговорить — всё без толку. Как об стенку горох. «Это мое дело, я сам разберусь». И вот до сих пор разобраться не может…

— Ну… — Руслан сел в постели, оперся спиной на изголовье кровати. — Теперь настал момент, когда ему так или иначе придется что-то решить. Он приедет, мы поставим его перед фактом, что теперь живем вместе и так будет всегда. И предоставим ему самому определиться.

— Да, ты прав, — согласилась Ольга, откладывая расческу и юркая к мужу под одеяло. — Так мы и сделаем.

— А пока есть у меня одна идея, — сказал Руслан, обнимая ее. — Пойдем-ка мы с тобой завтра к Андрею на танго?! Он как раз открытый

урок проводит, чтобы побольше народу на новый учебный год привлечь.

— Ой… — растерялась сначала Оля. — Если только посмотреть, а самой не танцевать. Я же не умею…

— Все ты умеешь, — заверил Руслан. — Помнишь, я тебе говорил: в танго за все отвечает мужчина. А женщина следует за ним.

— Тогда ладно, уговорил, — засмеялась Оля. — Последую завтра за тобой на урок к Андрею.

* * *

На открытый урок в зале собралось с дюжину пар разного возраста, от юных до зрелых, — так всегда бывает, когда объявляется новый набор. И, как всегда, одеты новички были кто во что — от балетных купальников и спортивных костюмов до вечерних нарядов и концертных платьев «в испанском стиле». Но об одежде Андрей традиционно ничего не говорил: знал, что те, кто захочет остаться, сами быстро разберутся, в чем им удобнее танцевать. Он заговорил о танде, и тут же посыпались вопросы — а что это такое? Пришлось объяснять, что это цикл композиций, танцуемых с одной партнершей. И что в аргентинском танго принято приглашать даму не на

один танец, а на группу из нескольких танцев подряд, что позволяет установить контакт и вместе прожить общую историю.

— Запомните, мужики, вы в ответе за то, что у вас в руках — ваша драгоценность и ваша гордость, — говорил Андрей. — Красивые па — это дело техники. Это все постепенно и потом, а сейчас — дело осознания, почему вы пришли именно сюда. Наше АТ, аргентинское танго, — это не просто танец. Это особый мир, с особой психологией, особыми отношениями. Здесь мужчина — всегда мужчина, а женщина — именно женщина. Не она для нас — мы для нее. Потому что есть негласное правило танго: мужчина ведет, женщина следует. Не туда повел — твоя вина, и только твоя. А женщина, — на этот раз он обратился к прекрасной половине собравшихся, — должна, крепко стоя на ногах, помогать направлению движения. Ну или хотя бы не мешать… Здесь большую роль играет доверие, ведь партнерша в танго не знает, куда идет, потому что движется спиной вперед. И ее глаза — это глаза ее мужчины.

— А если я не готова вот так слепо доверять? — скептически поинтересовалась одна из новеньких, совсем молоденькая блондинка с неестественно пухлыми губами.

— Мы и этому будем учиться, — ответил ей Андрей. — Без доверия трудно построить и танец, и отношения.

— А как одно соотносится с другим? — спросил хмурый молодой человек в круглых очках без оправы.

— Поверьте, довольно тесно, — заверил преподаватель. — Каждый из нас неразрывно связан со своим телом, и многое о личности человека могут сказать его повадки, жесты, движения — и, конечно, ведение. Не зря же бытует у нас поговорка: «Хочешь узнать, какой мужчина рядом с тобой, потанцуй с ним танго». Кто-то, придумав рисунок танца, спешит воплотить его в жизнь и ломится вперед, напропалую, забыв о партнерше, и силком запихивает ее туда, негодуя на то, что она не запихивается…

Слушатели, а особенно слушательницы, захихикали, а Рус и Оля понимающе переглянулись — Руслан узнал в этом примере себя и не снимал с себя вины.

— Или случается наоборот. Ведь мужчина всегда должен знать, чего он хочет и куда и зачем идет, — продолжал Андрей. — А он тормозит и тупит, ломая рисунок танца, ломая трафик движения на танцполе, образуя «пробки», выламывая,

наконец, мозг партнерше своей нерешительностью и бездействием…

В зале снова раздались смешки.

— Аргентинское танго — это именно про отношения, — говорил Андрей. — Про взаимодействие, про партнерство. Про умение не только говорить, но и слушать. Про то, как быть одним целым, одновременно будучи двумя отдельными личностями. А перед тем как начать наш урок, мы с моей партнершей по танго и по жизни вам станцуем.

Тут в зал вошла Рио-Рита — прекрасная, загадочная, вся вызов и огонь. И они с Андреем танцевали под музыку, которая не могла не зацепить любого человека, у которого есть сердце, — она была лирична и прекрасна…

Это был танец не на публику, хотя на них и смотрели. Не было в нем ни акробатических трюков, ни эффектных поз. Была только красота и любовь, и только эти двое, которые танцевали друг для друга. Перетекание двух тел, которые, кажется, стали бескостными, оплетая друг друга шелковыми прикосновениями. Это зрелище завораживало. Разумеется, в финале все аплодировали, после чего Рита, улыбнувшись и не сказав ни слова, упорхнула.

— Ну и запомните, что на милонгах не принято аплодировать, — сказал им всем Андрей и начал урок с простых, но таких сложных базовых парных шагов.

На протяжении всего занятия Руслан постоянно наблюдал за Олей, за выражением ее лица. Нравится ли ей? Не разочарована ли?

— Как тебе? — спросил он в перерыве.

— Интересно, — откликнулась она. — Это все для меня так ново… так необычно. Кажется, я начинаю понимать, что АТ действительно не просто танец, а целое мировоззрение. Возможно, несколько романтизированное, но в нашей жизни подчас так не хватает романтики…

Когда ехали домой, Оля молчала так долго, что Руслан уже начал тревожиться. Но тут жена наконец заговорила.

— Знаешь, я сейчас с таким с удивлением прислушиваюсь к себе, — поделилась она. — У меня после этого урока такое воодушевление! Словно внутри разжалась какая-то пружина. Появилась легкость, ощущение парения, что ли… И вот это упражнение с самого начала, когда тянешься вверх за макушку и вниз от центра тяжести — оно так выправляет осанку! Вот захочешь, а не сядешь, сгорбившись, как старикашка. Да и не

потянет уже так садиться!

— Ну, что, будем ходить к Андрею? — волнуясь, поинтересовался Рус.

— Знаешь, пожалуй, будем, — согласилась она. — Мне у него понравилось. Очень все внятно, четко, последовательно и неспешно. А два раза в неделю — совершенно необременительно, тем более вечером.

Похоже, ей действительно понравилось, и это осознание переполняло его ощущением невероятного счастья.

Приехав на Волгоградку, Руслан тут же написал Андрею, что ради жены уйдет из старшей группы к начинашкам, но будет периодически ходить к нему на индивы.

— Самый правильный подход, — одобрил преподаватель. — Хотя на какое-то время ты из танцора станешь нянькой.

— Ничего! Я привычный. У меня двое детей.

— Значит, опыт есть. Ну, если что, я на телефоне. А так — на милонги рекомендую уже месяца через три появляться вдвоем.

* * *

Как-то вечером все в той же старой квартире Руслан постучался в комнату дочки.

— Мышка, хочу пожелать тебе спокойной ночи.

— Ой, погоди, пап, не сейчас! — крикнула та через дверь.

Пожав плечами, Рус в недоумении удалился. Но едва уселся на кухне и открыл ноутбук, чтобы немного поработать на сон грядущий, как примчалась Мышка в пижамке с разноцветной аппликацией, изображающей шарики мороженого.

— Извини, папуль! — она с разбегу чмокнула его в щеку. — Ты, надеюсь, не обиделся? Я просто с Егором говорила…

— И как он? — как можно нейтральнее поинтересовался Рус. — Билеты домой уже взял?

— Еще нет, но вот-вот.

Мышка открыла холодильник и принялась с задумчивым видом обозревать его нутро. Похоже, драконовский женский закон «Умри, но не ешь после шести» на ее возраст пока еще не распространялся.

— Может, когда он приедет, мы с ним все же сумеем помириться, — вздохнул Руслан. — Теперь, когда мы с мамой снова вместе. Может, со временем он простит мне, что я тогда ушел…

— Так дело вовсе не в этом, пап, — хмыкнула

Мышка, не оборачиваясь к нему. — Не в том, что вы с мамой разошлись. Конечно, тогда никто из нас этому не обрадовался. Но Егор взрослый человек и понимает, что между людьми может быть всякое. И то, что мужчина расстается с женой, вовсе не значит, что он расстается и с детьми. Даже я это поняла. Со временем…

— А в чем же тогда дело? — изумился Рус.

— Он обиделся, что ты поступил «как всегда», — дочь по-прежнему не глядела в его сторону, изучая содержимое холодильника.

— В каком смысле?

— Сделал все по-своему. Как ты всегда это делаешь. Даже не поговорил с ним. Со мной поговорил, все объяснил. Я поняла. А с ним — нет.

— Но я думал… — начал было Руслан и запнулся на полуслове.

— Знаешь, папа, как Юлия Владимировна, наша психолог, говорит? — Мышка наконец извлекла из недр холодильника сырную нарезку и масленку и удостоила отца своим вниманием, повернувшись к нему. — Не надо думать за других. Пусть они подумают сами и сами скажут тебе, что надумали.

— А почему как всегда-то? — поинтересовался Руслан, придвигая ей хлеб и подавая нож.

— Ну, видишь ли… — Мышка занялась сооружением бутерброда. — Брат считает, что ты всю жизнь пытаешься решать все за него. С универом, и вообще… Помнишь, как он хотел поехать с другом и его семьей дикарями в Крым? И мама была не против, но ты его не пустил. И мы поехали по Золотому кольцу… Или занятия английским с репетитором. Егор всегда говорил, что этот английский ему на фиг не сдался, он и сейчас так считает. Но ты его заставлял… Или взять эти твои бесконечные разговоры об универе. Ну не знал Егор в школе, куда хочет поступать! И хочет ли вообще. Он и сейчас этого еще не решил. Но ты давил, давил, давил на него: учись давай, а то не поступишь, а поступить надо обязательно… А его мнения ты даже не спросил!

Выплеснув все это на совершенно огорошенного отца, Машка увенчала свое кулинарное творение ломтиком огурца, полюбовалась на результат и, судя по всему, осталась им довольна.

— А вообще, папуль, ну зачем ты со мной об этом говоришь? — выдала она после паузы. — Какой-то испорченный телефон получается. Поговори с Егором, когда он приедет. Все, я пошла, спокойной ночи!

И Мышка удалилась к себе, жуя на ходу бу-

терброд.

А Руслан так и остался сидеть за кухонным столом перед давно потухшим экраном монитора.

Как у Мыши все просто — «поговори»! Если бы Егор хотя бы разговаривал с ним… Но даже если бы у них и получилось как-то пересечься и пообщаться, Рус теперь даже не представлял, что и как нужно сказать сыну…

* * *

В удачно выдавшиеся погожие выходные — весьма вероятно, последние теплые дни в этом году — решили торжественно закрыть сезон и сделать большой семейный выезд на дачу к Вележевым с детьми и родителями. Все ждали субботы с нетерпением. Борис Васильевич и дядя Костя и так уже давно перезванивались, но увидеть друг друга воочию — совсем другое дело.

По приезде все началось, как обычно, с угощения, как всегда, «царского» — в этот раз тетя Света и Людмила особенно расстарались, — которому отдали должное все до единого. Мыша слопала столько, что Руслану оставалось только недоумевать, как в его малышку могло влезть такое количество еды.

— А что? Вкусно же! — оправдывалась девочка,

ловя недоуменные взгляды родителей.

— Ешь, ешь, Машенька, — успокаивала ее тетя Света с той самой интонацией, с которой когда-то давным-давно ее покойная мама, бабушка Володи, угощала пирогами маленького Руську. — Не слушай никого. На воздухе всегда хороший аппетит. Потом пойдете гулять — все растрясете.

Даже Борис Васильевич, который, по выражению Оли, обычно не ел, а только клевал, в этот раз изменил себе и был очень благодарен сыну, который втихаря подсунул ему упаковку ферментов для пищеварения.

Отобедав, разбились на группки «по возрастам и по интересам». Мышка как банный лист прилипла к Русу-младшему и его Катерине и не отходила от них ни на шаг, куда бы те ни отправились — на прогулку, играть в волейбол или в гости к соседям-ровесникам. Старшее поколение уселось в гостиной предаваться воспоминаниям. Люда и Оля убирали и мыли посуду, болтая при этом так оживленно, будто не увиделись второй раз в жизни, а были задушевными и давними подругами с детства, как и их мужья.

— Ну наконец-то не о работе, а о своем, о девичьем, почирикать, — смеялась Людмила.

Что же до Руслана с Володей, то они, как уже

стало для них здесь доброй традицией, удалились в беседку, прихватив с собой графин с кисленьким домашним морсом (ночевка на даче не планировалась, так что сегодня обходились без спиртного).

— Братишка, мне очень нужно с тобой поговорить, — с места в карьер начал Руслан.

Ему и правда сейчас было жизненно необходимо пообщаться с другом. Посоветоваться, как Рус продолжал называть это про себя. Он, конечно, прекрасно помнил, что Володя, как любой хороший психолог, никогда никаких советов не дает. Но общение с ним было лучше всяких советов. Каждый раз после разговора «с братишкой» возникала полная ясность. Все становилось на свои места, и вырисовывалась стройная картина планов — что и как нужно делать дальше.

Вот и сейчас Руслан пересказал другу то, что недавно узнал от Мышки: оказывается, сын не разговаривал с ним совсем не из-за развода с Олей. То, что Рус не догадался сразу поговорить с ним и все объяснить, просто стало для Егора последней каплей. А так обида и недовольство отцом копились в парне давно. Вдруг выяснилось, что Егор уже много лет считал его, Руса, чуть ли не домашним тираном, который посто-

янно давит на сына, заставляя его жить только по своей указке.

— Может, я и правда иногда перегибал палку… — нехотя признал Рус. — Но Егор всегда был такой упрямый, вечно себе на уме — как тут не давить? Хоть ту же учебу взять. Дай я ему волю — он бы вообще в школу не ходил. Учиться же необходимо! И высшее образование обязательно получить надо, как же без него?

— Примерно так, как живут процентов шестьдесят людей в мире, — пожал плечами Володя.

— И что, они хорошо живут? — возмутился Рус.

— Ну, это надо у них спрашивать, — усмехнулся друг детства. — Причем у каждого конкретно. Сколько раз мы уже с тобой об этом говорили: понятие «хорошо жить» весьма растяжимо. И полностью индивидуально. У тебя оно одно, у Егора — наверняка совершенно иное.

— То есть ты тоже считаешь, что я навязываю сыну свою точку зрения… — пробормотал Руслан. — Знаешь, мне последнее время все об этом говорят. И Оля, и Мышка, и на работе тоже… Хотя сам я за собой такого не замечаю и не чувствую. Вот матушка моя — та да, действительно была очень авторитарной. Но я-то не такой! Я это точно знаю! И как тут быть?

— Есть такая пословица, не помню чья, — как бы невзначай заметил Володя. — Если три разных человека сказали тебе, что ты пьян, то не спорь и иди спать, даже если ты сроду не пробовал алкоголя.

— Но ведь я… — начал было Руслан, однако договаривать не стал. Помолчал, подумал и кивнул: — Ладно, я еще поразмыслю над этим…

— Володя, Руслан, как вы там? — крикнула с крыльца Людмила. — Мы тут собрались чай пить с пирогом и немного помузицировать. Не хотите к нам присоединиться?

В итоге по домам разъехались позже, чем собирались, уже затемно. А когда выехали на Калужское шоссе, у Мышки зазвонил телефон.

— О, Егор, привет! — весело защебетала она с заднего сиденья. — Да ты что? Когда? Ничего себе у нас раскосяк — ты домой, а мы из дома! А почему сразу не позвонил? А. Конечно, мы же с мамой уехали кое-куда на выхи. Пиццу закажи. А, уже… В жизни не угадаешь! К папиному другу детства. Тут у нас такое, ты вообще офигеешь! Мама с папой помирились! Мы сейчас едем с дачи дяди Володи. Представляешь, он сына тоже Русланом назвал — в честь папы! Они не виделись офигеть сколько лет, а теперь дружат. Руслан этот, ну,

который сын папиного друга, просто масик, и Катерина, девушка его, тоже классная. Они психологи оба. Мы с ними и еще с разным народом весь день чилили, мне дали в VR-очки поиграть — это ауф! А еще у нас теперь самый настоящий дедушка есть… Егор? Егор, ты слышишь меня? Егор!

Она отняла от уха телефон, и все, кто сидел в автомобиле, услышали короткие гудки.

Мышка попыталась перезвонить брату — но безрезультатно.

— Не берет, — обескураженно сообщила она.

— Давай я попробую ему позвонить, — не очень уверенно предложила Ольга.

Но и у нее ничего не вышло. Абонент не отвечал.

— Что будем делать? — растерянно спросила Оля.

Руслан уже открыл было рот, чтобы сказать: да ничего не будем, как планировали ехать в таунхаус и провести там воскресенье, так и сделаем. Но вспомнил о сегодняшнем разговоре с Володей и предусмотрительно промолчал, дал высказаться всем остальным, не навязывая своего мнения. В итоге на «мобильном семейном совете» решили, что Олю и Мышку лучше сейчас отвезти на Волгоградку, а Руслану с Борисом Васильевичем

отправиться в таунхаус, не показываясь Егору на глаза. Ни к чему накалять обстановку, надо дать парню время все осознать. И уже только после этого можно будет устроить встречу отца с сыном.

В итоге Рус и Борис Васильевич, отвезя девочек, попали к себе домой уже довольно поздно. Отец сразу лег спать — его порядком вымотал этот непростой, хоть в основном и очень приятный и радостный день. Но Руслан был слишком взвинчен и понимал, что сейчас ни за что не уснет.

На всех трех этажах было непривычно тихо и казалось как-то пусто. Как быстро он, Руслан, успел привыкнуть к тому, что дома всегда кто-то есть: ходят, разговаривают, смеются, открывают и закрывают двери, гремят посудой… Чем бы теперь заняться? Обычно в свободные вечера он смотрел фильмы в гостиной на большом экране или слушал музыку, но сейчас боялся, что может помешать этим отцу. Можно, конечно, посмотреть кино в наушниках. Но нет, все равно на фильмы не было настроения. Ища, куда себя приткнуть, Руслан поднялся в кабинет — и сразу увидел на столе знакомую серую коробку без опознавательных знаков. Он открыл ее: внутри были свалены россыпью все детали пазла. Рус

прекрасно помнил, как, рассердившись на то, что не складывается фрагмент с ромашками, просто смел незаконченную картинку со стола на пол. Очевидно, помощница по дому, Валентина Павловна, все собрала, подняла и вернула в коробку.

«Интересно, — подумал Руслан, — а как скоро мне удастся собрать картинку заново?»

В какой-то момент даже подумалось, что на этот раз картинка получится другой, но Рус тут же отогнал эту мысль. Такого же не бывает.

В итоге знакомая часть собралась на удивление быстро. Мальчик с самолетиком, старик с очками в руках, пара тангерос на экране телевизора. На стене два черно-белых фото: свадебное и со сломанным деревом, с краю — окно, а за ним виднеется пышный куст, весь усыпанный красными цветочками. Неожиданно к старым фрагментам добавились и новые: крытый клетчатой скатертью круглый стол и на нем стеклянный кувшин с букетом ромашек. Тех самых ромашек, которые так сильно любит Оля и которые Руслан не сумел собрать в прошлый раз. Теперь они сложились легко, будто сами собой. Как и нижний край картинки — оказалось, что за креслом старика прячется маленькая мышка с необыкновенно лукавым выражением мордочки. Увидев ее, Рус

не выдержал и засмеялся вслух — так сильно зверек напомнил ему его собственную дочку.

И это было еще не всё. Удалось сложить и еще один фрагмент — полку с книгами и фарфоровой фигуркой лыжника. Полка собралась целиком, а вот лыжнику не хватало шапки. Но увы! Среди нескольких оставшихся бесхозных деталек так и не нашлось нужной. Очевидно, потерялась в тот момент, когда Руслан, рассердившись, смахнул головоломку со стола. Он даже не поленился, опустился на пол и осмотрел все в кабинете, но необходимого кусочка так и не нашел. Так что отныне в загадочном пазле оставалось всего несколько несобранных фрагментов, но они, как обычно, упорно не желали складываться во что-то целое.

Безрезультатно повозившись с ними, Руслан смачно зевнул.

«Ладно, разберусь потом, на свежую голову», — заключил он и отправился спать.

* * *

Прошло воскресенье, миновали понедельник и вторник — все эти дни Руслан ночевал у себя. Но в среду уехал с работы пораньше и отправился на Волгоградку. Он знал, что ни жены, ни доче-

ри дома нет (Мышка занималась английским с преподавателем, а у Оли был вечерний прием пациентов в офисе), но надеялся, что сумеет застать Егора.

И еле успел. Сына он перехватил в прихожей — и поразился тому, как тот изменился за время, пока они не встречались. Конечно, он видел селфи Егора, которые пересылала ему Мышка, но ведь фотографии — это одно, а реальность — совершенно другое. Рус запомнил сына ершистым подростком, а теперь перед ним стоял даже не юноша, а почти молодой мужчина — высокий, взрослый, серьезный и даже с небольшой бородкой. Когда отец открыл входную дверь, Егор едва взглянул в его сторону и отвернулся.

— Привет, — сказал Рус, стараясь держаться и говорить как можно более нейтрально. — С возвращением.

— Спасибо, — кивнул Егор, все так же не поворачиваясь к нему, и шагнул к вешалке.

— Можем поговорить? — поинтересовался отец.

— Я ухожу, — парень снял с обувной этажерки свои кроссовки — минимум на два размера больше, чем запомнилось Руслану.

— Постараюсь несильно тебя задержать, —

спокойно проговорил Рус. — Я только хотел извиниться перед тобой.

— Что?

Он все-таки добился своего — сын наконец-то взглянул в его сторону.

— Хочу извиниться перед тобой, — повторил Руслан. — За всё. За все свои ошибки, которые допустил в наших отношениях.

— Ты серьезно? — хмыкнул Егор. — Ты просишь прощения? *Ты?* Слушай, мужик, кто ты такой и куда ты дел моего отца?

Было бы очень здорово сейчас обернуть все в шутку, но Руслан не поддался соблазну. Проблема была слишком важной.

— Да, я виноват перед тобой, — серьезно продолжал он. — Был не прав. Во многом. Не поговорил с тобой после развода. Постоянно давил на тебя, пытался навязать свой взгляд на вещи. Требовал, чтобы ты делал только то, что я сам считал правильным. Не давал тебе жить своей жизнью. И совершать собственные ошибки. На которые ты, как любой человек, имеешь полное право. Но я осознал, насколько неверно вел себя с тобой. И теперь постараюсь измениться.

Пока он говорил, Егор молча обулся.

— Мне пора идти, — буркнул он, снова не обо-

рачиваясь.

— Конечно, — ответил Руслан. — Я тебя больше не задерживаю. Но знай, что мы в любой момент можем поговорить… Если ты этого хочешь, — торопливо добавил он.

— Да не так чтоб очень хочу, — хохотнул вдруг Егор. — Признаться, ненавижу выяснять отношения. Ни с девчонками, ни вообще…

— Тогда, может, и не будем ничего выяснять? — предложил отец. — По крайней мере, пока. Когда захочешь что-то мне сказать — скажешь, конечно, в любое время. А пока давай просто сделаем так. В пятницу я после Мышкиной школы забираю ее и маму к себе. Поехали с нами вместе?

И, видя, что сын замялся, добавил:

— Я ведь приглашаю тебя не в гости. Ведь это еще один твой дом. Но право выбора отныне всегда будет за тобой.

— Я подумаю, — бросил Егор. Снял с вешалки куртку и, натягивая ее, вышел за дверь не прощаясь.

Судя по «шпионским сведениям», которые всеми силами старалась раздобыть Мышка и которые постоянно предоставляла отцу, хоть он об этом и не просил, до пятницы Егор ни слова не сказал об отце ни маме, ни сестре. Он и дома-то

почти не бывал, приходил только ночевать. Но когда Руслан, как и обещал, подъехал в четыре тридцать к дому на Волгоградке, из подъезда вышли с вещами все трое. Буркнув приветствие, Егор сел на заднее сиденье и тут же уткнулся в телефон. Но Руслан уже заранее продумал линию поведения и стал рассказывать по дороге — якобы только Оле и Мышке — о жизни Бориса Васильевича на Севере. Невзначай упомянул и о том, что отец в молодости много ходил на лыжах и даже съезжал с гор. И это сработало — заставило сына наконец-то оторваться от экрана и навострить уши.

— Чё, дед прям лыжником был? — заинтересовался Егор.

— Это ты лучше у него самого спроси, — ответил Руслан.

Доехали относительно быстро, благо дачный сезон уже закончился и пробок по пути стало куда меньше. Уже больше не пялясь в смартфон, Егор с интересом осматривался на охраняемом въезде в поселок, оглядывал коттеджи, улицы, местных жителей. Он молчал, но выражение его лица, за которым Руслан невзначай поглядывал в зеркале заднего вида, явно было одобрительным.

Подъехали к дому, стали разгружать вещи. Вы-

шедшего встречать деда и внука, конечно, сразу познакомили, и неизвестно, кто из них смутился больше.

— Как в индийском кино, — дурачилась Мышка. — Видишь эту родинку, Раджит? На том же месте, что у тебя. Потому что я твой внук!

И тут же поволокла брата показывать дом. А Оля и Руслан поспешно занялись готовкой — планировался грандиозный ужин с разными стейками, жаренными на открытом огне.

У мангала неожиданно собрались три поколения — дед, отец и сын. Все-таки возня у очага здорово сплачивает — принеси, подай, подержи, над углями помаши. Попутно, конечно, разговаривали о том о сем. Егор сообщил, что любит читать, и эти слова очень порадовали Бориса Васильевича.

— В наше время это, увы, не такое уж частое явление, — заметил педагог с огромным стажем. — А любимые авторы у тебя кто?

Стали обсуждать писателей и книги, помянули Джека Лондона и «Землю Санникова» Обручева, с них разговор плавно перетек на жизнь за полярным кругом.

— Суровые там, наверное, места… — качал головой Руслан, попутно отмечая, как внимательно

слушает деда Егор, и радуясь этому.

— Суровые, — соглашался Борис Васильевич. — Но в этой суровости все равно есть что-то правильное, пусть и дикое. Там такие люди встречаются, Егорушка, такие замечательные! В Москве, к сожалению, таких немного…

— Понимаю, — кивал внук. — Я об этом тоже думал, когда был в горах. Туда же народ со всей России съезжается. И все очень разные. Не такие, как в Москве.

Наконец уже в сумерках затопили камин, и все уселись за стол. Как же это здорово — настоящий семейный ужин, как и затевала Ольга!..

— Ты — самая мудрая хранительница очага, — шепнул ей муж.

— Если б ты этот очаг не сделал, то и хранить было бы нечего, — так же тихо ответила ему Оля.

— Где больше двух, там говорят вслух! — тут же уличила Мышка.

— Дед, все же, а на Севере очень трудно было жить? — продолжал свою тему Егор.

Борис Васильевич задумался.

— Ну… Да, там условия жесткие. Зимой морозы, летом комары, полярная ночь, которая кажется бесконечной… Но, как ни странно, это и притягательно. И красота какая! Природа нетронутая,

такого единения с ней ты не почувствуешь нигде.

— То есть вам там нравилось? — уточнил Егор.

— Да, — тут же подтвердил Борис Васильевич, и взгляд его был направлен на что-то не видимое собеседникам. — И в определенном смысле душа моя разделилась пополам. Часть ее осталась там. А тело уже не сдюжило, попросилось куда потеплее.

— Потому что каждому возрасту свое, — вмешалась Маша и смутилась: — Ну, это так наша психолог говорит.

— Правильно психолог говорит, — согласился Борис Васильевич. — Правильно и то, что молодому, полному сил мужчине свойственно бросать вызов даже не природе, а самому себе. Проверку себе устроить: сдюжу или нет.

И Егор притих, явно задумался о чем-то.

— А ты, внучек, дальше что делать собираешься? — поинтересовался Борис Васильевич после паузы.

— Наверное, ближе к сезону опять в Красную Поляну вернешься, да? — подхватила Мышка.

Но Егор, ко всеобщему удивлению, помотал головой:

— Нет. Хватит. Это уже пройденный этап моей

жизни. Возможно, буду иногда ездить покататься, но инструктором уже точно быть не хочу. Раздумал.

— А что надумал? — осторожно спросила Оля.

— Пока ничего, — прозвучало в ответ. — Для того и домой вернулся, чтобы подумать.

В тот вечер легли поздно, а на другой день вновь началась суета: приехали, как и договаривались, Вележевы — на двух машинах, всей семьей, включая и Руслана-младшего с Катериной. И снова было шумно и весело, все разговаривали, шутили, смеялись, играли и пели под гитару. Как и надеялся Руслан, их с Володей сыновья понравились друг другу, а Мышка, как и в прошлый раз, не отходила от Кати и Руса-младшего и всю неделю потом только о них и говорила.

Будни пролетели быстро, а в пятницу снова вся семья уехала вечером в таунхаус — к «дедуле», как называла это теперь Маша, уже успевшая перейти с Борисом Васильевичем с «вы, дедушка» на «ты, дедуля». Оттуда же съездили вчетвером в субботу в «Старые ритмы» — на очередной джем. Неожиданно выяснилось, что Егору тоже нравится джаз и он даже относительно немало о нем знает. Мышка же предпочитала совсем другую музыку, но тоже поехала, просто за компанию

— побыть с братом и повидаться с Русланом и Катериной, к которым проникалась все большей симпатией.

— Не знаю, как ты, братик, а я выбрала профессию! — заявила она на обратном пути. — Я твердо решила: буду психологом. Как Катя, Русик, дядя Володя и наша школьная Юлия Владимировна. А ты, Горка, будешь у меня испытуемым. Стану на тебе всякие психологические эксперименты проводить.

— И не мечтай, — хмыкнул старший брат и обратился к отцу: — Слушай, пап, а я вот что думаю… У тебя же казан есть? Давайте я завтра к обеду плов спроворю? Меня один парень из Дагестана научил.

* * *

В тот день у Руслана в офисе состоялся непростой разговор. Он назначил собрание и заранее предупредил ребят, что темой будет рабочая обстановка в их отделе. Попросил заранее подготовиться и сообщить о том, что их не устраивает и какие есть предложения по оптимизации. Кому проще письменно — пусть подготовят текст, остальных милости прошу высказываться.

— Учтите, стопроцентного исполнения жела-

ний никто не гарантирует, — заявил он. — Я вам все же начальник, а не Дед Мороз и не Золотая рыбка. Но обещаю прислушаться к каждому мнению, тщательно обдумать, обсудить и сделать выводы.

— Уже прогресс, — хохотнул ведущий специалист Вадим.

Проговорили долго, и далеко не все прозвучавшее доставило Руслану удовольствие. Не на шутку разошедшиеся сотрудники продолжали обвинять его в авторитарности, в игнорировании других точек зрения и нежелании прислушиваться к чужому мнению. Русу оставалось лишь заверить ребят, что он признаёт свои промахи и уже работает над ними. В итоге совещание вышло хоть и не слишком приятным, но весьма конструктивным. Решили много важных задач и в итоге даже договорились, ко всеобщей радости, что в качестве эксперимента те, кто этого хочет, будут работать по свободному графику или даже в основном из дома.

— Ладно, черти, пусть будет по-вашему, — махнул в конце концов рукой Рус. — Попробуем в экспериментальном порядке и посмотрим, что получится.

После того как все разошлись, он вздохнул с

облегчением. Самое трудное было позади.

Руслан уже собрался пойти сварить себе кофе, когда раздался звонок смартфона. На экране высветилась надпись: «Сын». В первый момент от вида этого короткого слова по душе растеклось тепло — наконец-то Егор ему звонит! Сам! Но уже через мгновение радость сменилась тревогой. Не случилось ли что-нибудь?

— Да, Егор? — спросил Рус, стараясь не выдать своего волнения.

— Пап… — прозвучало в трубке. — Ты сегодня у нас или к деду едешь?

— А что такое?

— У меня новость. Важная, — голос Егора слегка подрагивал. — Наверное, нам нужно всем собраться и поговорить…

— Что такое, сынок? — уже не на шутку перепугался отец.

— Пап, мне повестка пришла. Из военкомата.

Руслану и тем более Оле понадобилось время, чтобы понять: их сын повел себя в этой ситуации достойно. По-мужски. Не стал убегать, прятаться или просить родителей добыть какие-то липовые справки, а явился точно в срок туда, куда требовалось, успешно прошел медкомиссию и в конце концов, когда вся семья в очередной пятничный

вечер собралась в гостиной у камина, объявил, что уходит в армию. Будет мотострелком. Служить ему предстоит недолго, всего год. И совсем недалеко — под Коломной. Это вдвое ближе от Москвы, чем дедушкино Мурмино, даже по той же дороге.

Мышка гордилась братом: видимо, по малолетству не понимала, что армия — это все же не игра в войнушку, дело-то серьезное. Руслан и Ольга сидели молча, абсолютно потерянные, а Егор убеждал их:

— Да успокойтесь вы! Я ведь не на передовую отправляюсь. Да туда меня и не возьмут, я ж молодой, без опыта. Просто отслужу год в тылу, получу армейскую специальность. Сам ведь этого хочу. Посмотреть… как ты там, дед, говорил? — сдюжу или нет.

— Но, Егорушка… — растерянно бормотала Оля. — А как же… Я-то думала, ты в университет поступать будешь…

— Может, и буду, — отвечал тот, — но только если решу, что мне нужно высшее образование. А может, и не буду. Может, подамся на Север, как дед в свое время. Или отслужу год и останусь в армии уже по контракту.

— Дай бог, чтобы к тому времени война уже

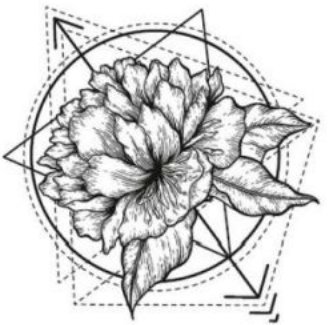
закончилась, — тихо проговорил Борис Васильевич.

И в этом с ним были согласны все — от Руслана до маленькой Мышки. Но в остальном мнения в семье разделились.

— Руська, ну что ты молчишь? Скажи что-нибудь! — дернула мужа Оля.

— А что я могу сказать? — пожал плечами Руслан. — Это его решение. И Егор имеет на него полное право.

Эпилог



В день проводов Егора выпал первый снег.

— К счастью, — решили все.

Желающих проводить новобранца набралось так много, что пришлось делать это в два приема. Сначала в Москве, в каком-то клубе, собралась молодежь — друзья, девушки, бывшие одноклассники, даже кое-кто из горнолыжной компании приехал из Сочи. После продолжительных споров, уговоров со стороны брата и сестры, обещаний, клятв и даже слез (это, естественно, уже со стороны девочки) родители все-таки отпу-

стили туда и Мышку — но ненадолго.

Ровно в полночь Руслан подъехал ко входу в клуб и забрал дочь, несмотря на все ее «Ну пожалуйста, ну еще только полчасика!».

— Как Золушку, с последним ударом часов, — корчила гримаски Мышка, крайне неохотно садясь в машину.

Но мудрый отец в этот раз на ее провокации не поддался.

— Посмотри внимательно, ни один из своих хрустальных башмачков не потеряла? Ну, тогда и говорить не о чем, поехали домой.

А в последний день уже у них, в таунхаусе, собрались родные и близкие. Приехали и бабушка Марина Михайловна, и вся семья Вележевых — Володя, Люда и Руслан-младший с Катериной (эти даже по второму разу, они были и в клубе), а с Вележевыми и друзья-музыканты — Паша и Леночка. Было шумно и весело. Пили не так много, больше закусывали. Но зато много шутили, смеялись, пели, играли на музыкальных инструментах — а чего ж грустить-то? Даже танцевали, и Руслан с Олей после долгих уговоров показали всем свое танго, предварительно освободив пространство в гостиной.

А потом затеяли игру в «Шляпу». Нарвали бу-

мажек, но ручек на всех не хватило.

— Я принесу, у меня в кабинете есть, — вызвался Руслан.

— Давай я, пап, — без особого энтузиазма предложила Мышка. Она весь вечер старалась не отходить от брата и сейчас сидела рядом с ним, плечом к плечу, только что не вцепившись в рукав.

— Я сам, ты не найдешь, — заверил ее Рус.

Поднялся на третий этаж, подошел к столу, уже собрался выдвинуть верхний ящик, но остановился. Что-то было не так, и он не сразу понял, что именно.

А когда дошло — так замер на месте.

Рядом с уже готовым большим фрагментом пазла лежали кучкой еще не собранные детальки — много, целая горсть.

Но откуда они взялись?

Ведь еще недавно — в этом Руслан мог поклясться — их оставалось всего ничего, от силы десяток, может быть, даже меньше. А теперь — вон сколько. Будто они размножились каким-то магическим образом. Или кто-то щедро подсыпал новых. Но кто?

И Руслан быстро нашел ответ на этот вопрос.

«Жизнь, — сказал он сам себе. — Их подсыпа-

ет жизнь. Она продолжается, а значит, в ней обязательно будут новые ошибки. Это неизбежно, невозможно пройти свой путь, ни разу не сплоховав и не оступившись. Но пусть не всегда так явно, пусть далеко не каждый раз, но порой жизнь дарит нам прекрасную возможность исправить то, что мы когда-то сделали неверно. Главное — понять и сделать это вовремя. Только бы не было поздно. Потому что ошибка, которую можно исправить, — это не ошибка, а лишь пока еще не выполненная задача».